

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 4

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**, **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихминой**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Вечтомов Е. М.</i> Математика как исследование границ научного познания	6
<i>Фукалов А. В.</i> Гениальность в науке как форма проявления власти.....	14
<i>Павлюченков Н. Н.</i> Проблема персонализма в религиозно-философских трудах П. А. Флоренского	18
<i>Дюкин С. Г., Самойлова И. В.</i> «Российский» дискурс в венгерском кино.....	23
<i>Гашева Н. Н.</i> Две киноверсии гоголевской повести «Вий»: культурфилософский аспект	28
<i>Малахова Н. Н.</i> Социально-философские аспекты трансформации трудовых отношений в инновационной экономике	32

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кочешков Г. Н. М. Н. Покровский</i> об идеологических основах крестьянской реформы 1861 г.	39
<i>Судовиков М. С.</i> Черты экономического развития северо-востока Европейской России во второй половине XIX – начале XX в.....	43
<i>Соловьева И. А., Корепанов А. С.</i> Податные инспекторы Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.).....	50
<i>Шарабаров П. Н.</i> Застройка и благоустройство г. Кирова в 1935–1941 гг.	57
<i>Бельков А. В., Орлов М. А.</i> Иностранцы военнопленные и интернированные как одна из волн принудительной миграции на территории Кемеровской области (1944–1950 гг.)	66

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Касаткина О. А.</i> Структурно-семантические особенности кваликативного предложения в современном французском языке	74
<i>Тарасова А. Н.</i> Синергия вопросительного и восклицательного знаков в сетевых текстах (на материале татарского, русского и английского языков)	78
<i>Абдалькарем Н. Дж.</i> Ономастические ориентализмы в очерках А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»	84
<i>Черниговский Д. Н.</i> Об изучении личности А. С. Пушкина в советской психиатрии 1920-х гг.	90
<i>Клабукова Ю. В.</i> Аутичность и коммуникативность как ментальные модели и приемы построения пространства в повести Н. Ключаревой «Деревня дураков»	96
<i>Осипова Н. О.</i> «Чёрная Мадонна» Б. Поплавского: опыт интерпретации поэтического текста	101
<i>Поршнева А. С.</i> Феномен пространства наци в немецком эмигрантском романе	107
<i>Ильченко Н. М., Пепеляева С. В.</i> Дрезден как культурный хронотоп в картине мира В. К. Кюхельбекера и В. А. Жуковского	113

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Артемьев Н. С., Бурчихин А. Н.</i> Виды и содержание мероприятий по предупреждению рецидивной преступности.....	120
<i>Мещерякова О. А.</i> Некоторые проблемы реализации института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов в российском уголовном судопроизводстве.....	125

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Юсупов В. З., Ситников С. В., Вохмянина С. В.</i> Управление проектом оказания дополнительных образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд.....	129
<i>Титкова М. Ю.</i> Классификация речевых ошибок школьников: вопрос и вариант решения.....	134
<i>Никитина Е. Л.</i> Социальное партнерство семьи и учреждения дополнительного образования детей: принципы, условия, формы....	140
<i>Сведения об авторах</i>	146
<i>Information about authors</i>	149

CONTENTS

- Vechtomov E. M.* Mathematics as a study of the boundaries of scientific cognition
Fukalov A. V. Genius in science as a form of power
Pavliuchenkov N. N. The Problem of Personalism in P. A. Florensky's religio-philosophical works
Dyukin S. G., Samoilova I. V. Russian discourse in Hungarian cinema
Gasheva N. N. Two film versions of "Viy" by N. Gogol in cultural and philosophical aspect
Malakhova N. N. Socio-philosophical aspects of the transformation of the innovation economy's labor relations
Kocheshkov G. N. M. N. Pokrovskii on ideological basis of the peasant reform 1861 year
Sudovikov M. S. Features of the economic development of the north-east of European Russia in the second half of the XIX – early XX century
Solovieva I. A., Korepanov A. S. The tax inspectors of the Vyatka province (the second half of XIX – the beginning of the XX century)
Sharabarov P. N. Building and improvement of the city of Kirov in 1935–1941
Bel'kov A. V., Orlov M. A. Foreign prisoners of war and internees as one of waves of forced migration on the territory of Kemerovo region (1944–1950)
Kasatkina O. A. Structural-semantic peculiarities of qualificative sentence in modern French
Tarasova A. N. Synergy of question and exclamation marks in the texts of the network (based on the Tatar, Russian and English)
Abdalkarem N. J. Anthropomimical orientalisms in essays A. S. Pushkin "Journey to Erzerum"
Chernigovskiy D. N. On the study of the personality of Alexander Pushkin in the Soviet psychiatry in the 1920s.
Klabukova Y. V. Autistic and communication as models and methods of space construction in the story "Village of fools" by Natalia Kluchareva
Osipova O. N. "Black Madonna" of B. Poplavskiy: interpretation experience of poet text
Porshneva Alice S. The phenomenon of "Nazi space" in German exile novel
Ilchenko N., Pepelyaeva S. Dresden as a cultural chronotope picture of the world of V. K. Zhukov and v.a. Zhukovsky
Artemiev N. S., Burchikhin A. N. The types and content of activities on the prevention of recidivism
Meshcheryakova O. A. Some implementation issues of recovering institute of a lost criminal case or of its materials in the Russian criminal procedure
Yusupov V. Z., Sitnikov S. V., Vokhmyanina S. V. Project Management providing up-additional educational services for state and municipal needs
Titkova M. Y. Classification of speech mistakes of schoolchildren: the problem and solution
Nikitina E. L. Social partnership family and establishments of an additional education of children: principles, conditions, forms

---

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 51

Е. М. Вечтомов

Математика как исследование границ научного познания*

Рассматриваются и анализируются основные положения методологии математики. Показана роль математики в научном познании, в определении и уточнении границ точного знания и возможностей самого познания.

Basic provisions of the methodology of mathematics are being considered and analyzed in the article. It is shown that Mathematics has fundamental role in scientific cognition, in identifying and clarifying the boundaries of exact knowledge and capabilities of cognition.

Ключевые слова: математика, логика, методология, знание, научное познание, границы познания.

Keywords: mathematics, logic, methodology, knowledge, scientific cognition, the boundaries of cognition.

Между духом и материей
посредничает математика.

Хуго Штейнхаус

За общую основу можно взять фундаментальный труд Бертрانا Рассела [1], не утративший своего значения до сих пор. Наряду с **научным познанием** существуют и другие формы познания мира: обыденное, художественное, религиозное, философское. Научное же знание наиболее объективно, оно общезначимо и интерсубъективно. Наука имеет свои границы и пределы. Границы все расширяющиеся, а пределы – недостижимые. Невозможность все доказать привела древних греков к выделению геометрических постулатов и общелогических аксиом – самоочевидных истин о наблюдаемом физическом пространстве и истин элементарной логики. Невозможность все определить приводит к необходимости введения первичных терминов. Изучение всякого предметного языка происходит на другом языке – метаязыке, внешнем по отношению к предметному языку. **Теоретическому знанию**, или знанию по описанию по терминологии Рассела, предшествует **эмпирическое знание**, или знание-знакомство.

Теоретическое познание имеет дело с модельным рядом, а не с непосредственной реальностью. Знание по описанию рождается, развивается и живет в сфере языка. Поэтому границы научного познания неразрывно связаны с выразительными возможностями языка науки. А языком науки, по крайней мере, классической издавна и по праву считается математика.

Наука и Мир

Научность той или иной области знания предполагает: понятийный аппарат; методы исследования; предметную теорию; методологию, метафизические постулаты; обоснованность, включающую **верификацию** (проверяемость, адекватность, повторяемость опыта и т. п.) и **фальсифицируемость** (принципиальная возможность опровержения).

Естествознание, точные науки обладают этими признаками научности. Так, в математике обосновать, проверить – значит доказать, фальсифицируемость означает построимость контр-примеров. Наблюдение, эксперимент, моделирование, вычисления, выдвижение гипотез и дедукция – вот общепризнанный научный инструментарий.

В своей монографии [2] философ В. А. Лекторский во всем многообразии научного знания выделяет четыре **системы знания**: математику, естествознание, науки о человеке и обществе, историю. Математика признается особым видом знания. Связь математики с эмпирией весьма туманна. Роль математики в развитии науки и техники исключительна. Автор подчеркивает:

«Большинство ученых и философов считали, что настоящее, т. е. точное знание о природе, обществе и самом человеке может быть выражено только на математическом языке». Естественнаучное знание позволило создать современную техническую цивилизацию, способно (хотя бы частично) прогнозировать будущие явления, позволяет понять и объяснить происходящие события. В. А. Лекторский пишет: «Естествознание (наряду с математикой) – это школа критического рационального мышления и показатель его возможностей».

Остановимся на двух принципиально различных типах математического видения мира – классическом и неклассическом. Все достигаемое и наблюдаемое человеком, т. е. так или иначе ощущаемое Бытие и познаваемое сущее, можно назвать Универсумом. Универсум содержит всю наличную действительность: физическую реальность (природа); человеческое общество (социум); человеческое сознание, включая идеальный мир знания и веру. Вопрос в том, является ли этот Универсум вполне определенной объективной данностью, данностью познаваемой и достаточно адекватно описываемой, или не является таковой. Классический подход подразумевает положительный ответ на него. Универсум – это мир, живущий и изменяющийся (развивающийся или деградирующий) по непреложным законам, которые должна открывать наука. Метафизически осмысленная и синтезированная совокупность таких законов превращается в научное мировоззрение, основные положения которого составляют научную картину Универсума. И Универсум как объект человеческого познания не допускает произвола и плюрализма мнений. При классическом видении мира Универсум возвышается, а субъект умалется.

Неклассическое (тем более постнеклассическое) видение мира фактически пренебрегает «самостью» Универсума, делая его заложником «органов» познания субъекта. Субъект, то или иное сообщество людей конструирует и конституирует свой Универсум или его фрагменты. Упор делается на процедурах – программах и алгоритмах – познания. Получаются разные «миры», пригодные к употреблению в некоторых ограниченных ситуациях. Несколько огрубляя положение дел, можно сказать, что неклассический подход абсолютизирует субъективную сторону познания, а классический подход абсолютизирует объективную познаваемость Универсума.

Являются ли пространство, время, логика реальными (бытийными или идеальными) атрибутами Универсума? Классическая парадигма опирается на реалистические представления, согласно которым мы живем в однородном трехмерном пространстве, движемся в однонаправленном потоке событий, мыслим понятиями обычной двузначной логики. Геометрия нашего пространства евклидова, логика – двузначная аристотелева, моделью времени служит числовая прямая.

Но в XIX в. были открыты неевклидовы геометрии, в XX в. – неклассические логики. Созданы различные теории времени. Если пространство, время и логика суть реальные атрибуты Универсума, то какова их подлинная «математика»? Неклассическая парадигма отрицает «наивный классицизм», приписывая пространству, времени и логике либо неклассические математические свойства, диктуемые успешностью их применений (скажем, в общей теории относительности и квантовой механике), либо плюралистическую неопределенность, либо роль удобных соглашений (конвенций), не имеющих онтологического статуса. Нам ближе классический образ Универсума, хорошо согласующийся с практикой, здравым смыслом, реальным восприятием.

В подтверждение нашей точки зрения приведем размышления А. Ю. Грязнова [3]. Он отмечает, что И. Кант «интерпретирует созерцаемое пространство как априорную форму чувственности познающего объекта, а абсолютное пространство – как связанную с этой формой идею чистого разума, выступающую в качестве регулятивного принципа расширения в бесконечность чистого пространственного созерцания». Пространство Канта метрически совпадает с абсолютным пространством Ньютона. А геометрия воспринимаемых в своей протяженности вещей является евклидовой. Кант считает, что евклидова геометрия внутренне присуща разумным существам. Развивая позиции Канта, А. Ю. Грязнов пишет, «что нельзя построить неевклидову геометрию, не используя евклидову интуицию пространства (как априорную форму чувственности), которая работает не только при построении геометрии Евклида, но и при построении неевклидовых геометрий». И далее: «Наивно полагать, что учение Канта об априорности наших представлений о пространстве и времени однозначно опровергаются развитием математики и физики в XIX–XX вв.».

Место математики в научном познании

Мы придерживаемся следующего *методологического тезиса*: математическая форма (формулы) предметной теории (физической, биологической, экономической) сохраняется, содержание предметной теории может меняться, а адекватное прояснение ее сущности есть вопрос философии, метафизики или веры. Этот тезис соответствует классической научной парадигме, начало которой было положено Галилеем и Ньютоном. Многие выдающиеся физики XX

в. (Эйнштейн, Дирак, Фейнман и др.) утверждали приоритет математики в научном познании. Так, Поль Дирак подчеркивал: «Доверять математической схеме, даже если она, на первый взгляд, не связана с физикой... Следует не доверять всем физическим концепциям». Принципы **математизации знания** и **эстетического отбора** служат ведущими положениями научной методологии.

Математика является мощным инструментом **координатизации**, «измерения», моделирования мира. Ее аппарат хорошо приспособлен для беспристрастного изучения вещей и явлений по кибернетической схеме входа-выхода. Почему возможно познание мира посредством математики? Ответ кроется в природе самой математики. По Платону, математика является «серединой» наукой, связывает преходящий и несовершенный Мир вещей (Теней) с вечным и божественным Миром Идей (Форм). Математика выступает в роли посредника, универсального средства связи между двумя Мирами – материальным и идеальным. Мир вещей дает толчок к пробуждению разума и познанию Идей. Процесс познания есть сократовский диалог (майевтика) разбуженного разума с разумом (возможно, с самим собой), вызывающий «припоминание идей». Таков механизм познания в философии Платона. Согласно В. В. Мадеру [4], «познание сущности явлений есть процесс моделирования этих явлений с помощью предугаданной схемы». Ему вторит физик Е. Л. Фейнберг [5], утверждающий, что угадывание уравнения является хорошим способом открытия в естествознании.

И действительно, объектом математического познания служат основополагающие философские категории **формы** и **количества** и всевозможные их проявления, взятые в наиболее общем и чистом виде. Предметом изучения математики является вся **математическая реальность**, включающая как абстрактные математические структуры и модели, так и конкретные математические объекты (числа, фигуры, их аналоги). Математика изучает универсальные абстракции, укорененные в бытии посредством категорий формы и количества. **Число** и **геометрическая фигура** – исходные абстракции, непосредственная математическая реальность, определяющие – вместе с их обобщениями – предмет математики. Эффективность математики и ее приложений обеспечивается, по-видимому, предполагаемым **единством Мира** – на той или иной первооснове: Бог, абсолютная идея, законы природы и т. д. Анри Пуанкаре постулировал, что «единственная настоящая реальность есть внутренняя гармония мира»; всякая другая реальность случайна и эфемерна.

«Внешние» категории формы и количества способны структурно выразить «внутренние» категории содержания и качества. Все имеет структуру, а структура вещи определяет ее бытие. Поэтому математика универсальна. Математика через явление пробивается к сущности. Как говорится, математические формулы умнее их создателей, точнее – открывателей.

Наука математика исследует **абстракции** самого высокого логико-диалектического уровня. Естественные и гуманитарные науки изучают вещи и явления реального, осязаемого мира. Физика изучает твердые тела и атомы, химия – строение вещества, биология описывает виды растений и открывает генетический код животных. История описывает и объясняет факты истории, превращая их в исторические факты. Психология исследует внутренний мир и поведение человека. Технические науки конструируют свои механизмы на основе конкретной действительности и для реальной работы. Все они используют тот или иной математический аппарат. Но в окружающем нас мире нет таких вещей, как число, геометрическая фигура, показательная функция, не говоря уже о понятиях группы, топоса, фрактала. Другие науки также работают со своими абстракциями и моделями. В процессе научного познания физические модели замещают реальность и опредмечивают высокие понятия и теории. Так, физики рассматривают понятие материальной точки, понимая под этим сколь угодно малое твердое тело с заданными массой, параметрами положения и движения. Здесь использован геометрический образ, наделенный числовыми характеристиками. Математические же понятия более опосредованы и идеальны.

Человеческое познание связано с чувственными ощущениями и наблюдениями. И математика, по Энгельсу, имеет объектом своего изучения **пространственные формы** и **количественные отношения** действительности, т. е. вполне реальный материал. «Число пять» абстрагируется от целого ряда совокупностей, содержащих по пять предметов, в том числе и руки с пятью пальцами. В историческом плане насущные практические потребности людей в счете, расчетах и измерениях подтолкнули появление и становление понятий числа и геометрической фигуры, привели к возникновению и развитию арифметики и геометрии. Допонятийные образы и представления, интуитивные предпонятия постепенно превращались в научные понятия. Этот процесс требовал оформления логики и ее возведения в статус науки. Нуждались в обосновании складывающиеся тысячелетиями эмпирические правила вычислений и измерений. В философских школах Фалеса и Пифагора начали практиковаться строгие рассуждения и доказательства,

возник *дедуктивный метод*, что ознаменовало собой рождение математики как *дедуктивной науки*.

Первичная математическая реальность имеет определенный бытийный (онтологический) статус. Для математика число пять не менее объективно и действительно, чем пять пальцев на руке, а понятие прямой линии говорит больше, чем край стола или отвес. Поэтому математику иногда называют квазиэмпирической наукой. С греческого математика переводится как «учение», «наука», *учусь через размышление*.

В настоящее время *классической математикой* можно назвать теоретико-множественную математику, базирующуюся на *канторовской теории множеств* и *двузначной логике*. В XX в. вся классическая математика была аксиоматизирована. Центральным стало понятие *математической структуры*, определяемой как множество с заданным на нем набором отношений. Бурбаки выделили три типа фундаментальных математических структур – *алгебраический, порядковый* и *топологический*. К указанным типам структур можно добавить *структуру с мерой* и *структуру инцидентности*. Группа Бурбаки определила математику как дедуктивную науку о математических структурах. Математические объекты часто имеют сложную структуру, включающую в себя две или более моноструктуры, некоторым образом согласованные друг с другом.

Математическая логика является строгим языком классической математики. Многие разделы математики выражаются на языке логики предикатов первого порядка, такая возможность получила название *тезиса Гильберта*.

В середине прошлого века возникла *теория категорий*. В 60–70-е гг. XX в. французом Лавером и другими математиками были описаны категории (элементарные топосы), эквивалентные категории множеств. Тем самым было доказано, что теоретико-категорный язык равносильен теоретико-множественному основанию математики. Теория множеств дает внутреннее, «элементное» рассмотрение математических объектов. В то время как теория категорий описывает математические объекты внешним образом, через их связи (морфизмы) с подобными себе вещами. Теория категорий является удобным универсальным языком современной математики. Ее аппарат позволяет унифицировать формулировки и доказательства из различных разделов математики.

Перечислим основные взгляды на место математики в семействе наук.

1) Математика, будучи частью теоретической физики, является естественной наукой (В. И. Арнольд).

2) Математика – гуманитарная наука, поскольку является творением человеческого разума: интуicionисты, математик-конструктивист А. А. Марков, логик и математик Н. Н. Непейвода.

3) Математика – техническая наука, служащая «идеальным» аппаратом, инструментарием для решения прикладных задач (А. Д. Александров).

4) Математика – наука о возможных чистых структурах, об общих схемах, охватывающих классы сходных моделей (Бурбаки, А. Д. Александров, математик М. М. Постников).

Нам ближе четвертый подход. Математика – наука обо всех возможных мирах. Математическое познание имеет своими истоками априорные начала и математические очевидности, двузначную логику и интуицию, эмпирический опыт и интеллектуальную деятельность, которые должны рассматриваться во взаимосвязи друг с другом. *Феномен математики* состоит в том, что она сама по себе образует автономную специфическую форму познания, включающую структурный анализ бытия, его формальное воспроизведение, дедуктивно-модельный способ обретения точного знания.

За умозрительной *натурфилософской* картиной мира древних греков последовала *механистическая* картина мира, развитая Декартом, Галилеем, Ньютоном. В философии науки ее сменила *релятивистская* модель, ведущим принципом которой выступает зависимость знания, истины от способа их получения. Произошел отход от сциентизма и теории Прогресса, что в определенной мере оправдано. На роль современной научной картины мира претендует *синергетика*, которая в отличие от кибернетики ставит во главу угла математику, синтез математики с диалектикой, при этом в методологии науки оппозиционная *бинарность* заменяется согласованной *тернарностью* [6].

Посмотрим теперь на основные этапы развития научной методологии с точки зрения приоритета в паре *субъект – объект*. В натурфилософской и механистической картинах мира главенствует *объект* познания (тезис). Как будто человек непосредственно и отчетливо видит удаленный предмет в ясный день. В релятивистской картине мира на первое место выдвигается *субъект* со своими «проблемами зрения» (антитезис). Вокруг туман; человек снова и снова всматривается в один и тот же предмет, напрягает зрение, достает бинокль, включает фонарик

или надевает инфракрасные очки. Оказывается, как много зависит от «очков»: различим лишь изменчивый силуэт (но что же сам предмет, где истина?). Наконец, синергетическая картина мира обещает синтез, когда объект и субъект становятся равноправными партнерами. Человек признает самостоятельность предмета и стремится всесторонне его обозреть.

В последние десятилетия в сфере культуры и философии, в частности философии науки, наблюдается противостояние между фундаменталистами и нефундаменталистами. **Фундаментализм** опирается на разум, здравый смысл, реальность, логику и науку, провозглашает рациональные ценности, необходимость познания истины и важность научного образования. Это направление стремится обосновывать существование фундаментальных основ бытия и мышления, вырабатывает общую картину мира. Фундаментализм воспитывает в человеке оптимистическое мироощущение. Нефундаменталистское течение проявляется в **социокультурном подходе**, делающем акцент на исторические, общественные и культурные аспекты и особенности развития научного знания, возвышающем субъективизм и релятивизм в познании и в жизни. В философии науки, да и в жизни общества, особую тревогу вызывает **постмодернизм**, абсолютизирующий плюрализм мнений, не признающий истину как таковую.

Любая **методология** предполагает определенные метафизические принципы, к которым можно отнести **принцип единства мира** и **законы диалектики**. **Метафизика** (буквально «после физики», «над физикой») определяется как учение о первоначалах бытия, постигаемых умозрительно. Метафизика ориентирована на поиск единства мира – единства сущности, происхождения и оснований Мироздания. По Расселу, цель метафизики есть «попытка охватить мир как целое посредством мышления». Она предполагает возможность целостного рационального познания мира и допускает создание единой научной картины мира. Также нужно иметь в виду общий методологический принцип дополнительности, состоящий в разумном сочетании двух подходов, именуемых «бритвой Оккама» и «призмой Менгера» (в частности, не быть буридановым ослом). Правило Оккама гласит, что сущности не следует множить без необходимости, т. е. надо стремиться к простоте, избегая надуманных вещей. А правило Менгера заключается в том, что кажущуюся простоту надо разлагать на скрывающиеся за ней сущности.

Необходима основополагающая система фундаментальных **философских категорий** и общенаучных **универсалий**. Идея минимального словаря – базиса системы философских категорий – высказывалась Расселом. Философские категории суть фундаментальные универсалии, в совокупности позволяющие отразить любое явление и само мироздание всесторонне, во всем многообразии. Категории будоражат ум (как Сократ своих сограждан) вопросами типа **Кто? Что? Где? Когда? Как? Какой? Сколько? Куда? Почему? Зачем?**, последовательно отвечая на которые, человек познает мир. В самом деле, **кто** говорит о субъекте, **что** вещает об объекте и о содержании, **где** – о пространстве, **когда** – о времени, **как** – о форме и методе, **какой** – о качестве, **сколько** – о количестве, **куда** – о направлении, **почему** – о причине и сущности, **зачем** – о цели и смысле [7]. Система философских категорий должна представлять собой искусно сплетенную понятийную сеть, набрасываемую на изучаемые объекты, что позволяет конкретным наукам описывать их. Многие категории, отображая мир структурно, имеют априорно-интуитивный характер или характер аподиктической очевидности, стало быть, они объективны.

В философии существуют четыре параметра-измерения: **онтологический** (бытие), **гносеологический** (познание), **аксиологический** (ценности, оценки) и **праксеологический** (практика, деятельность). Та или иная конкретная философская теория имеет свое соотношение этих параметров. В цепочке

философия → метафизика → методология → наука → математика

последовательно уменьшается субъективный фактор и, соответственно, неуклонно нарастает объективность. Метафизика как важнейшая составляющая философии полностью включает в себя онтологию, праксеологию и эпистемологию. Заметим, что **эпистемология** исследует оппозицию «**объект – знание**» в отличие от более общей **гносеологии** (или теории познания), в центре внимания которой стоит дуализм «**субъект – объект**». Метафизика опирается на ценности истины и целостности и определенную веру. А постмодернистская философия эти ценности не приемлет, превознося субъективный принцип ничем не ограниченного плюрализма мнений. По сравнению с метафизикой научная методология еще в большей степени уповает на истинное познание, руководствуясь принципами верификации и фальсифицируемости знания. Метафизика выступает в качестве необходимой общей методологии естествознания.

Цель науки – познание Абсолюта, Универсума, добывание объективных истин. Этому больше отвечают точные науки, в частности математика. Но математика как наука о возможных мирах, в том числе и о нашем Мироздании, дает все богатство истин условных. Это еще одна причина эффективности математики в приложениях. Представляется, что классическая логика дает абсолютную (аналитическую) истину. Математика и философия способны выражать синтетические суждения и открывать истины, не сводящиеся к тавтологиям.

Математика сродни философии: обе занимаются глобальными вопросами познания, исследуют фундаментальные категории и закономерности. Но в то время как философия пытается познать сущность бытия, математика успешно справляется со структурой явлений.

В философии математики мы придерживаемся фундаменталистских и метафизических позиций, утверждающих объективность и достоверность математического знания, ведущую роль математики в научном познании мира. Математики в своем подавляющем большинстве являются реалистами и стихийными фундаменталистами. Образец фундаменталистской философии математики демонстрирует в своих работах В. Я. Перминов. Так, в монографии [8] он строит обоснование математики на принципах априоризма, аподиктической очевидности и практической целесообразности.

Математика – простая модель Мироздания

Для понимания предельных возможностей научного познания посмотрим теперь на математику как на модель, некий простой образ Мироздания. Именно математика вместе с ее основаниями – математической логикой и метаматематикой – способна выявить и показать подлинные возможности и границы научного знания.

1. Особое внимание – к математической логике, поскольку она является языком современной математики. В связи с этим приведем одно высказывание математика и логика Н. Н. Непейводы [9]: «Логика в многоуровневом мышлении является единственной рациональной альтернативой и единственным интеллектуальным противоядием против манипуляции умами (истинная религия выходит за рассматриваемую нами область, хотя справляется с данной задачей столь же хорошо)».

2. Упрощенную схему моделирования самого процесса познания описывает американский математик и логик Р. Линдон [10]: «Формальное изучение любого круга вопросов, связанных с нашим повседневным опытом, начинается с замены реальных объектов некоторыми подходящим образом выбираемыми их абстрактными описаниями, идеализациями, выбираемыми таким образом, чтобы в этих идеализациях были отражены именно те свойства исходных объектов, которые мы собираемся изучать. В нашем случае речь пойдет об абстрактных “заместителях” для таких понятий, как мышление, реальная действительность и связь между мышлением и действительностью. Вместо мышления мы будем рассматривать язык, точнее говоря, формализованный вариант некоторых аспектов естественного языка. Можно показать, что все чисто формальные аспекты мышления адекватным образом отображаются в таком языке.

Вместо реальной действительности мы будем рассматривать так называемую *структуру* (выделено нами. – Е. В.), грубо говоря, представляющую собой совокупность предметов, которые могут быть сопоставлены в качестве значений различным выражениям языка. Наконец, роль связи между языком и действительностью будет у нас играть *интерпретация* (выделено нами. – Е. В.), то есть функция, приписывающая некоторым языковым выражениям в качестве их значений некоторые определенные предметы, входящие в данную структуру».

3. Парадоксы, возникающие в науке, служат теми граничными колышками, которые показывают реальные пределы общих понятий и теорий. Так было с ничем не ограниченным употреблением понятия множества (парадоксы Кантора, Рассела и др.). После чего канторовская теория множеств была аксиоматизирована Эрнстом Цермело. Парадокс «Куча» показывает неприменимость строгих математических методов (математической индукции) к нестрогим понятиям (куча). Парадокс лжеца проявился в теореме Тарского о невыразимости истины и теореме Гёделя о неполноте. Парадоксы Зенона привели к естественнонаучной проблеме соотношения дискретного и непрерывного, к математическому анализу континуума – числовой прямой.

4. Логика предикатов первого порядка – основной язык формальной математики (тезис Гильберта). Она занимает особое место среди логик. По теореме Линдстрема логика первого порядка является единственной логикой, замкнутой относительно обычных логических связок и кванторов и удовлетворяющей теореме компактности и теореме Левенгейма – Сколема. Но на этом языке нельзя адекватно формализовать ни натуральный ряд $\mathbf{N}$, ни систему действительных чисел $\mathbf{R}$. Существует счетная модель $\mathbf{N}$, не изоморфная стандартной модели $\mathbf{N}$, а также модели $\mathbf{N}$ любой несчетной мощности. И для $\mathbf{R}$ имеется счетная модель. В нестандартной модели $\mathbf{R}$, эле-

ментарно эквивалентной стандартной модели $\mathbf{R}$, существуют бесконечно малые элементы, актуализирующие лейбницеvu абстракцию бесконечно малого числа.

5. Принятие формализма Гильберта приводит к неопределенностям. Теории основных числовых систем оказываются некатегоричными. В любой арифметической теории неустранимо существуют неразрешимые предложения. Имеют место результаты Гёделя и Коэна о независимости аксиомы выбора и континуум-гипотезы от канонической аксиоматики теории множеств Цермело – Френкеля и друг от друга. Из аксиомы выбора следует теорема Банаха – Тарского о том, что шар можно разбить на 4 части так, что из них собираются два точно таких же шара. Существуют альтернативные аксиоматические теории множеств, в которых не выполняются многие теоремы классического анализа. Получается, что строго формально нельзя определить одно из фундаментальных понятий математики – континуум. Более того, и содержательными средствами не удается решить проблему континуума.

6. По Гильберту, математика – наука о бесконечности. В 1979 г. математики Парис и Харрингтон доказали, что в формальной арифметике понятие актуально бесконечного множества невыразимо. Это означает невозможность строгой арифметизации анализа, стало быть, необходимо непосредственное рассмотрение содержательной математики, либо тот или иной тип аксиомы бесконечности, скажем, в рамках аксиоматической теории множеств. Тем не менее, понимая определенную относительность математики, Вейль подчеркивал главное в ней – объективность.

7. Некоторое усиление логики либо ослабление финитарных требований к обоснованию натурального ряда приводит к доказательству непротиворечивости формальной арифметики, а значит, позволяет обосновать и всю классическую математику. Например, рассмотрение П. С. Новиковым бесконечных конъюнкции и дизъюнкции, или индукция по счетным трансфинитам, осуществленная Генценом. Интересна «локальная» реабилитация программы Гильберта [11].

8. В зависимости от принятия тех или иных оснований сами математики подразделяются на «классиков», коих большинство, формалистов, конструктивистов. У приверженцев различных оснований понимание, скажем, действительного числа существенно разное. Заметим также, что синергетики стали употреблять термин «мягкая математика», что может быть оправдано только в прикладном смысле – по отношению к математическим моделям реальности.

9. Принимать ли математикам необозримо длинные компьютерные доказательства? Строго доказывается, что чем эффективнее компьютерная программа, тем сложнее проверка ее правильности. До сих пор нет обычного текста доказательства гипотезы четырех красок, положительно решенной на компьютере в 1976 г. (первоначально программа работала 500 часов). Многие математики-классики такое доказательство не принимают.

10. В конце XX в. в логике стала разрабатываться теория формализации неформализуемых понятий. Данное неформализуемое понятие (как правило, гуманитарное) описывается во взаимосвязи с другими родственными понятиями, составляющими так называемый тезаурус. Формализация неформализуемого понятия представляет собой систему классических логических теорий, называемых ипостасями системы. Разветвление перетекающих одна в другую ипостасей позволяет целиком охватить описываемое неформализуемое понятие. Система формализации должна удовлетворять ряду естественных принципов (постулатов системы). Например, каждое расширение любой ипостаси имеет альтернативное расширение этой ипостаси, логически несовместимое с исходным расширением. Или такой принцип: пересечение множеств теорем всех расширений произвольной ипостаси совпадает с множеством теорем данной ипостаси. Как показал Н. Н. Непейвода [12], в теории неформализуемых понятий каждая ипостась должна базироваться на классической логике, что еще раз подчеркивает исключительную роль классической логики в многообразии логик. Но при выражении ряда понятий, скажем, глобального понятия **знания о незнании**, необходимо единое обозрение совокупности формализаций, апеллирующее к неклассической логике.

11. Знаменитая теорема Гёделя о неполноте формальной арифметики 1931 г. показала, что математика способна доказывать и недостаточность своих финитарных предпосылок. Заметим, что с помощью циркуля и линейки можно выполнить заметно больше построений, чем одним циркулем, но нельзя построить угол в 20° . Сила логико-математических методов проявилась в доказательстве алгоритмической неразрешимости целого ряда математических вопросов и независимости одних утверждений от других. Нарастающую дедуктивную мощь математики продемонстрировало решение большинства проблем Гильберта в XX в., доказательство Великой теоремы Ферма (Эндрю Уайлс, 1994 г.) и гипотезы Пуанкаре (Г. Я. Перельман, 2003 г.). Возникают новые важные и интересные математические дисциплины: нечеткая логика, фрактальная геометрия, формализация неформализуемых понятий и др. Это строгие и четкие дедуктивные теории, находящие приложения в других областях знания посредством математического моделирования.

Выводы

1. Научное познание мира есть познание его структуры, количественных и «формовых» характеристик явлений действительности. Именно это предопределяет успешность математического описания реальности, эффективность приложений математики.

2. Структурный характер научного познания с учетом метафизики задает и очертания границ, пределы точного знания. Для нахождения границ такого знания необходим логико-математический анализ как конкретного используемого научного языка, так и других возможных языков. Успех в определении этих границ зависит от уровня формализации данной теории, т. е. от синтаксиса и дедуктики языка теории, ее семантики.

3. Никакая замкнутая формализованная научная система не способна полно и непротиворечиво выразить все структурное многообразие мира – мира идеального. Поэтому научное познание в целом есть открытая меняющаяся система с подвижными границами охватываемой достижимости.

4. Одна и та же предметная теория может быть выражена различными способами, с той или иной степенью формализма. В качестве примера назовем арифметику натуральных чисел, имеющую интуитивно-эмпирическую трактовку (обыденную), содержательную теорию (используемую математиками на практике), аксиоматику Пеано (изучаемую в курсе «Числовые системы»), формальную аксиоматическую теорию (рассматриваемую как раздел математической логики).

5. Следует иметь в виду общий закон сохранения – в нашем случае сохранения интеллектуальной энергии, математического ожидания адекватной выразимости, строгости и формализуемости. Если обеднить, упростить предметный язык какой-либо теории, то с необходимостью потребует обогащения, усложнения семантика, метаматематика этой теории. И наоборот, как правило, полная категоричная теория не может быть до конца формализована. Увеличение точности в одном аспекте влечет размывание оценочных границ, увеличение погрешности в другом аспекте. Это напоминает принцип неопределенностей Гейзенберга в микромире.

6. В научном плане нужно стремиться к ясности и четкости, к минимуму и простоте вводимых первичных понятий и аксиом. Но в дидактике и методике желательны взвешенность и умеренность, вполне допускающие некоторую избыточность терминологии и аксиоматики, если это вызвано особенностями восприятия, соображениями наглядности, доступности и надежности усвоения.

Примечания

1. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы: пер. с англ. М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 2000.

2. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

3. Грязнов А. Ю. Абсолютное пространство как идея чистого разума // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 127–147.

4. Мадер В. В. Введение в методологию математики. М.: Интерпракс, 1995.

5. Фейнберг Е. Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино: Век 2, 2004.

6. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

7. Вечтомов Е. М. Философия математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013; Вечтомов Е. М. Математика – стержень научной методологии // Методология современной науки. Моделирование сложных систем: сб. трудов междунар. науч. конф. Киров: Изд-во ВятГУ, 2007. С. 82–91.

8. Перминов В. Я. Философия и основания математики. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

9. Непейвода Н. Н. Прикладная логика. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000.

10. Линдон Р. Заметки по логике: пер. с англ. М.: Мир, 1968.

11. Ершов Ю. Л., Самохвалов К. Ф. О новом подходе к методологии математики // Закономерности развития современной математики. Методологические аспекты / под ред. М. И. Панова. М.: Наука, 1987.

12. Непейвода Н. Н. О формализации неформализуемых понятий: автопродуктивные системы теорий // Семиотика и информатика. 1985. Вып. 25. С. 46–93.

Notes

1. Russell B. Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy [Human Knowledge: Its Scope and Limits] Moscow. Terra Book Club: The Republic, 2000.

2. Lektorsky V. A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. [Epistemology classical and non-classical]. Moscow. Editorial URSS, 2001.

3. Gryaznov A. Y. Absolyutnoe prostranstvo kak ideya chistogo razuma [Absolute space as an idea of pure reason] // Voprosy filosofii – Problems of Philosophy. 2004. № 2. pp 127-147.
4. Mader V. V. Vvedenie v metodologiyu matematiki [Introduction to the methodology of mathematics] Moscow. Interpraks, 1995.
5. Feinberg E. L. Dve kul'tury. Intuiciya i logika v iskusstve i nauke [Two cultures. Intuition and Logic in art and science]. Fryazino: Vek 2, 2004.
6. Barantsev R. G. Stanovlenie trinitarnogo myshleniya. [Formation Trinitarian thinking]. Moscow, Izhevsk. 2005.
7. Vechtomov E. M. Filosofiya matematiki. [Philosophy of Mathematics]. Kirov: VSHU 2013; Vechtomov E. M. Matematika sterzhen' nauchnoi metodologii [Mathematics – a core scientific methodology] // Metodologiya sovremennoi nauki. Modelirovanie slozhnykh sistem [Methodology of scientific methodology of modern science. Simulation-complicated systems] Kirov: Vyatka State Humanitarian University Publishing House, 2007, pp 82-91.
8. Perminov V. Y. Filosofiya i osnovaniya matematiki [Hilosophy and foundations of mathematics]. Moscow. Progress-Tradition, 2001.
9. Nepeivoda N. N. Prikladnaya logika. [Application logic]. Novosibirsk. 2000.
10. Lyndon R. Zametki po logike [Notes on logic] Moscow. Mir, 1968.
11. Ershov Y. L., Samohvalov K. F. O novom podhode k metodologii matematiki [A new approach to the methodology of mathematics] // Zakonomernosti razvitiya sovremennoi matematiki. Metodologicheskie aspekty [Laws of development of modern mathematics. Methodological aspects] / ed. M. Panov. Moscow. Nauka, 1987.
12. Nepeivoda N. N. O formalizacii neformalizuemykh ponyatii: avtoproektivnye sistemy teorii [To formalize non-formalizable concepts of auto production systems theories // Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]. 1985. Vol. 25. S. 46-93.

УДК 165.2:159.924

А. В. Фукалов

Гениальность в науке как форма проявления власти

В данной статье показана роль гениальной личности в развитии науки. Рассмотрена смысловая взаимосвязь власти и гениальности. Понятие «гений» рассматривается в контексте науки. Указывается на решающее влияние личности в науке, причём личности подлинно гениальной, которая создаёт новое знание. Власть и гениальность рассматриваются как генетически близкие явления, потому что власть обозначается как одна из самых сильных форм гениальности, которая проявляется разными способами в науке, но всегда – как способ изменения существующей реальности. В статье дан краткий исторический обзор форм гениальности и развития понятия «гений», показано, как на современном этапе опасны лжеучёные. В общем и целом статья повествует о важности понимания роли гения в науке и его влияния на весь исторический период развития человечества через власть своего ума и интеллекта.

This article shows the role of a brilliant personality in the development of science. We consider the semantic relationship of power and genius. The concept of «genius» is considered in the context of science. Points to the decisive influence of personality in science, with a truly brilliant personality that creates new knowledge. Power and genius are considered to be genetically similar phenomenon, because the power is referred to as one of the strongest forms of genius, which manifests itself in many ways in science, but always – as a way to change the existing reality. A brief historical overview of the development of forms of genius and the concept of «genius», shows how dangerous at the present stage false scientist. In general, the article tells us about the importance of understanding the role of genius in science and its impact on the entire historical period of human development through the power of your mind and intellect.

Ключевые слова: власть, наука, гениальность, рациональность, сфера, новое, познание, религия, гений, мышление, иррациональное, творчество, теория, практика, философия.

Keywords: power, science, genius, rationality, sphere, new knowledge, religion, genius, thinking, irrational, creativity, theory, practice, philosophy.

Философская мысль на протяжении всего её исторического развития характеризовала деятельность науки как логическое следствие развития творческих и интеллектуальных сил человека.

Философия рассматривала научный поиск исключительно в разрезе удовлетворения познавательных амбиций «интеллектуального истеблишмента» Земли. Лучшие умы, лучшие представители сферы умственной деятельности были главными инициаторами научного поиска и развития.

Наука становилась в оппозицию мистике и спиритуализму, потому что источником её были разумные основания, а не пласты магии и практик традиционных обществ. Вообще наука могла быть как таковая только исходя из посылок разума.

Так, немецкий философ XVII в. Готфрид Вильгельм Лейбниц пишет: «Подобно тому как разум (raison) можно назвать естественным откровением, творцом которого, как и творцом природы, является Бог, так откровение можно назвать сверхъестественным разумом, т. е. разумом, расширенным новым рядом открытий, исходящих непосредственно от Бога. Но эти открытия предполагают наличие у нас средства, благодаря которому мы можем различать их, а таким средством является разум. Желать устранить его, чтобы дать простор откровению, – всё равно, что вырвать себе глаза, чтобы лучше увидеть в телескоп спутников Юпитера» [1]. Такие явления, как лженаука, квазинаука и вообще манифестация неакадемических теорий определёнными кругами лиц (как, например Сергей Салль, Николай Левашов или Альберт Вейник), и даже с учётом того, что «учёные-революционеры» данного типа имеют научную степень, могут оцениваться по-разному. С одной стороны, античные философы Пифагор, Аристотель или Демокрит говорили о физических законах мира вне современного типа науки и были правы, интуицией и гением своим проникая в суть законов природы. Но когда мы видим переплетение научных теорий того же Салля с оккультскими, мистическими и инфернальными идеями, то это верный признак не научности теорий, а именно квазинаучности, что было и у Левашова, и отчасти у Вейника, и других.

Даже язык интуитивного гения в науке (гения без специального образования) может отличаться от общепринятой терминологии, но он никогда не переплетён с мистикой, эзотерикой и тому подобными учениями. Рациональность – критерий научности или претензии на научность. Если же Ньютон занимался помимо физики теологией и алхимией, то он никогда их не смешивал с физикой, и это также свидетельство понимания им рациональных начал науки.

Власть науки проявляется в изменении существующей реальности. Подлинная наука не только причина изменения реальности, но и образ содержания этого изменения, то есть она во всём эстетична, как в изменении, так и в своём условно говоря, внешнем виде. Джордж Томпсон пишет: «Но только часть больших технических достижений XVII и XVIII веков явилась плодом деятельности образованных людей или была так или иначе связана с наукой... Именно потому, что крупные открытия основаны в первую очередь на научных принципах, а не на механической изобретательности – а научные принципы имеют свои пределы, – мы вправе надеяться, что в общих чертах можно предсказать направление, по которому пойдут эти открытия» [2].

Наука связана с вопросом о категории власти. Только из желания изменить мир, управлять природой или совершенствовать реальность, то есть из посылки власти образуется научный тотальный апломб устремлённости, что показывает феноменальную сущность науки, истоки гениальности тех, кто творил науку.

Философия говорит о рациональности науки. Но когда мы сталкиваемся с понятием власти, то неизбежно сталкиваемся с выражением иррационального, волевого и радикального типа осуществления личностью себя в истории.

Власть как инструмент иррационального поведения может быть проанализирована через исторические хроники, через биографический анализ выдающихся деятелей политики. И тогда закономерным может быть вопрос о том: а может ли быть наука построена на иррациональных началах?

С одной стороны, магия, оккультизм, мистика и прочие типы традиционалистского познания не приемлемы в современной академической рациональной науке и науке, оформившейся в XVI–XVII вв., а с другой стороны, иррационализм – это характерная черта неизученного поведения субъектов в сфере, например, математического анализа (теория игр в экономике) или в сфере исследования поведенческих процессов.

То есть иррационализм – это то, что можно соотнести с мало изученным, мало понятным, что вместе с тем является таковым только в контексте рационального метода и методологии.

Платон пишет о сказанном Сократом: «Божественное неистовство, исходящее от богов, мы разделили на четыре части: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение и таинства – к Дионису, творческое неистовство – к Музам, четвертую же часть к Афродите и Эроту –

и утверждали, что любовное неистовство всех лучше» [3]. В этом диалоге идёт речь именно об иррациональных силах творческого духа.

Научный труд является творческим уже в силу того, что сопряжён с формами представления и новым знанием, которое открывается. А вот квазинаука чаще всего показывает искажённые формы представления, не имеющие эстетического содержания, и «новое» знание некрасиво представлено, и это «новое» абсолютно отличается от настоящего нового знания тем, что оно не имеет фундаментальных оснований. Власть в науке, как вообще понятие «власть», фундаментальна, она представляет собой скачок, открытие, прорыв, систему, а квазинаука чаще сопряжена с конспирологией или оксюморонами в науке.

Философ и богослов XII в. Гуго Сен-Викторский пишет: «И человеческий разум тем и славен, что проявил изобретательность, поэтому и пословица гласит: “Нужда всему научит”. Таким образом, было открыто всё, что тебе нынче известно из лучших творений человеческих. Так возникли рисование, ткачество, литейное дело, скульптура и бесконечное число других искусств, вызывающих восхищение мастерством человека» [4]. Власть гениальности в науке определяется степенью радикализации научного поиска, использованием потенциала личности, которая занимается изучением мира в максимально нужной степени.

Потому понятие «радикализм» имеет позитивную интенцию в отношении науки и определяет упорядоченный образ мышления и взаимодействия в сфере иррационального, которое автономно в акте творения и науки самой по себе.

Но гений учёного может быть направлен и на изучение этого иррационального, а даже если оно будет понято, это не означает его подчинения. Акт творчества сохраняет свою автономность как акт власти радикального поиска. Действительно, теорема Курта Гёделя «о неполноте» правильна: её посылка о том, что непротиворечивость формальной арифметики не может быть выяснена средствами данной арифметики, для нас означает бесконечность познания.

Гениальность в онтологическом плане сопряжена с понятием пространства и времени действия и влияния. Гениями называют людей, которые распространили своё влияние на весь исторический отрезок времени, которые повлияли на развитие науки и искусства в масштабах столетий, которые создали принципиально новое, то, чего не было открыто в природе до них никогда, то есть прерогативой гениального является понятие «нового».

Гений творит «новое», то есть оригинальное, он создаёт то, что наполняет человеческую сферу существования, природу и вообще конституирует новые контуры существования. Джон Милль пишет: «Но что касается оригинальности в подлинном смысле слова, оригинальности мыслей и дел, почти все считают, что без неё можно великолепно обойтись. Неоригинальные умы не видят в ней пользы. Не понимают, зачем она – да и как им понять? Если бы поняли, какой в ней прок, это уже была бы не оригинальность. Вспомнив, что любую вещь кто-то когда-то сделал первым и что все существующие блага – плоды оригинальности, будем достаточно скромны, чтобы верить – не всё ещё сделано, и оригинальность нужна тем больше, чем меньше сознаешь, что её не хватает» [5]. «Новое» представляет собой либо совершенно иное, нежели уже известное о природе, либо иную версию того, что было, но с дополнениями, изменениями, либо оригинальными версиями представления, «новое» показывает характерный признак вообще прогресса, развития и движения гениальности в истории.

Такие личности, как Джордано Бруно, Николай Коперник и Галилео Галилей, были признаны Новым временем гениальными, были открыты как люди, сумевшие рациональными методами прийти к рациональным «откровениям». В науке же «новое» котируется как критерий желательной научной верификации на практическую и теоретическую эксклюзивию. Гениальность представляет оттенки своей силы в научных работах, потому что новизна – неотъемлемая их часть. Власть научной работы (если переместиться уже к артефактам науки) заключается в обладании ею новым, которое её легитимизирует по содержанию, и которое будет источником вдохновения для дальнейших научных определений в данной сфере исследования.

«Новое» имеет черты коррелирования всего последующего знания, то есть «новое» порождает другое «новое», но надо сказать, что истинное «новое» – это продукт единичный, монистический и конвенциональный в своём единстве. То есть должна быть какая-то идея, которая бы имела концептуальный «вес», которая бы заявляла о своей властности, имела последствия в других идеях, но всё, что будет после неё, уже будет не таким сильным. Но потом возникнет ещё идея, которая опять породит всплеск «нового», опять нового эксклюзивного и сильного. Эти слова подтверждаемы ссылкой на канадского учёного Ганса Селье, который пишет: «Слово “гений” имеет массу значений, но применительно к науке, по моему убеждению, его наиболее яркой характеристикой является оригинальность. В этом отношении он отличается от таланта, чьи творения могут иногда казаться более совершенными из-за большей безупречности их реализации.

На практике, впрочем, нелегко провести чёткое различие между гением, выдающимся интеллектом, талантом и той степенью оригинальности, которая граничит с безумием. Причина этого в том, что для создания гениального произведения все эти качества должны сочетаться в определенных пропорциях» [6]. Новое открывает структуру науки. И если предположить, что накопление знаний для гения оказывается нежелательным, так как отвлекает от собственных мыслей, то в науке, вроде бы, такому гению нет места. Действительно, современная наука базируется на преимуществах знания и его редукции и инверсии, методологическом и актуалистическом анализе и форматировании. Но в то же время сама система науки время от времени подвергается критике, которую выполняют философы, главным образом философы науки, утверждающие необходимость других концептуальных подходов к науке. Это делали в XX в. Томас Кун, Поль Фейерабенд, Карл Поппер и другие мыслители. Но переворота не произошло. Принципы науки в основном те же, что и столетием раньше.

Дело в другом. Гениальная личность, оказывающая воздействие на науку, может развиваться вне науки, и тогда ей совсем не обязательно принимать нормативы академической среды, а может и внутри науки создавать новое, потому что гениальность, как замечают многие биологи, – это врождённая способность человека, которая приобретает с возникновением человека на свет и утрачивается с его смертью, а плоды приносит в зависимости от усилий гениальной личности.

То есть активное начало опять же играет первенствующую роль и является тем, что обеспечивает структурную полноту и колоритность идей гения.

Но может ли в сфере науки, в лице гения гениальное творение определять нечто другое, нежели «новое»? Если мы имеем в виду рукописные труды и иные объекты, созданные гением, то новое важно, но на самом деле мышление гения является самой начальной и определяющей характеристикой его существа. Гений – это мыслитель, с помощью разума в себе определяющий жизнь, понимающий и изменяющий её в своих мыслях.

Характерным примером такого гения служит Сократ, который не написал ни одной строки текста и вошёл в историю философии как одна из самых центральных и необычных фигур.

Психотерапевт Карл Роджерс пишет: «Сократ, которого современники считали “сумасшедшим”, развил новые идеи, которые оказались социально конструктивными. Весьма вероятно, это случилось потому, что у него совсем не было защитных реакций и он был в высшей степени открыт своему опыту» [7].

Если же говорить о протонауке, то её нерациональность заключается в связи с мистикой и мифом. Но она не должна рассматриваться как «ущербная». Древние вожди, если и не имели действительной силы мистического характера с точки зрения современного рационального анализа, то имели за счёт своего авторитета влияние этой силы через воображение, которое поддерживалось авторитетом, с одной стороны, и воображением – с другой.

Протонаука может быть рассмотрена как этап развития науки вообще. Она имеет власть и гениальность как атрибутивные свойства процесса познания мира. Но не стоит считать такую науку «отсталой» или неполноценной, потому что для своего времени (примерно IV в. до н. э. и далее) она была вполне адекватным явлением, и, возможно наука нашего времени также будет казаться устаревшей для поколений будущих.

Критерии научности менялись со временем, и даже терминологический аппарат был разным, как мы знаем из истории. Важно сказать, что и гениальность мыслилась не так, как сейчас. С одной стороны, в цивилизациях Китая или Индии авторитет правителя был непоколебим, а, с другой стороны, развитие религий, таких, как джайнизм, индуизм и даосизм, являлось логикой коллективной гениальности, логикой, которая указывала на понимание роли не отдельной личности, а народа, коллектива.

Но в чём же принципиальная важность протонауки? Она в превалировании образного мышления над всеми видами сознательной мыслительной деятельности, других, по сути, не существует, а понятийное мышление появляется позже, в эпоху античной философии, когда греки формируют начала науки современного типа, очень отдалённые, но логически имеющие в себе потенциал для последующего исторического развития.

Важность протонауки с позиций понимания взаимосвязи власти и гениальности заключается в формировании неких констант, обнаруживающих себя в образах, в практиках духовной жизни народов.

«Оглянешься назад и видишь: в продолжение тысячелетий из миллиардов живших людей выделяются десятки Конфуциев, Будд, Солонов, Сократов, Соломонов, Гомеров, Исаий, Давидов. Видно, редко между людьми они встречаются, несмотря на то, что тогда не из одной касты только, а из всех людей выбирались эту люди, видно, редки эти истинные учёные и художники, про-

изводителя духовной пищи. И недаром человечество так высоко ценило и ценит их» [8]. Из этих слов русского философа и писателя Льва Толстого можно сделать вывод, что гений – редкое явление, гении – это меньшинство людей, отношение к которым исторически неоднозначно.

Примечания

1. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: «Мысль» 1984. С. 519.
2. Томсон Д. Предвидимое будущее. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 30–32.
3. Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: «Мысль», 1993. С. 175.
4. Гуго Сен-Викторский. Семь книг назидательного обучения, или Дидаскалион // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т. 1. СПб.: «Русский Христианский гуманитарный институт», 2000. С. 306.
5. Милль Д. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 12. С. 26.
6. Селье Г. От мечты к открытию: как стать учёным. М.: «Прогресс», 1987. С. 88.
7. Роджерс К. К теории творчества // Взгляд на психотерапию, становление человека. М.: «Прогресс», «Универс», 1994. С. 415.
8. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 16. М.: Худож. лит., 1983. С. 354.

Notes

1. Leibniz G. V. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoi garmonii* [New Essay Concerning Human Understanding author of pre-established harmony] // Leibniz G. V. Compositions: 4 t. T. 2. Moscow. 1984. P. 519
2. Thomson D. *Predvidimoe budushee* [Foreseeable future] M.: Publishing house of foreign literature, 1958. pp 30-32.
3. Plato. *Fedr* [Phaedrus] // Plato. Collected Works: 4 t. T. 2. Moscow: "Thought", 1993. P.175.
4. Hugh of St. Victor. *Sem' knig nazidatel'nogo obucheniya, ili Didaskalion* [Seven books didactic training or Didaskalion] // Anthology of medieval thought (theology and philosophy of the European Middle Ages): 2 t. T. 1. Saint Petersburg: "Russian Christian Humanitarian Institute," 2000. P. 306.
5. Mill D. *O svobode* [About Freedom] // Science and Life. 1993. № 12. P. 26.
6. Selye H. *Ot mechty k otkrytiyu: kak stat' uchenym* [From Dream to the discovery of how to become a scientist]. Moscow: "Progress", 1987. P. 88.
7. Rogers K. *K teorii tvorchestva* [Theory of Creativity] // *Vzglyad na psihoterapiyu, stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy, becoming human]. Moscow: "Progress"; "Univers", 1994. P. 415.
8. Tolstoy L. N. *Tak chto zhe nam delat'?* [So what do we do?] // L.N. Tolstoy Complete Works: 22 t. T. 16. Moscow. 1983. P. 354.

УДК 1 (091)

Н. Н. Павлюченков

Проблема персонализма в религиозно-философских трудах П. А. Флоренского

Статья посвящена некоторым актуальным аспектам религиозно-философского наследия П. А. Флоренского. Цель данного исследования – краткий обзор вопросов, связанных с понятием личности в ранних и поздних работах этого русского мыслителя. Несмотря на то, что вопрос о персонализме в его трудах неоднократно поднимался, эта проблема остается еще не достаточно освещенной в исследовательской литературе. Автор статьи последовательно рассматривает представления Флоренского о личности в его ранних и поздних произведениях и дает краткий сопоставительный анализ содержащихся в них концепций относительно личности тварной и Личности Божественной. Значимым является то, что Флоренский рассматривал человека как принадлежащего двум уровням тварной реальности: эмпирической (или временной, земной) и сверхэмпирической (или вечной, «небесной»). Как принадлежащий Божественной Вечности, человек есть над-личностное и над-сознательное существо, в то время как принадлежащий земной сфере, он представляет собой «эмпирическую личность». Автор делает главный вывод, согласно которому Флоренский не рассматривал личность в качестве

первичной основы Бытия. Поэтому, по мнению автора, религиозно-философские концепции Флоренского не являются персоналистическими.

The article is devoted to some essential aspects of P. A. Florensky's religio-philosophical heritage. The purpose of the given research is observes the questions dealing with the notion of personality in P. Florensky's earlier and later works. The question of Florensky's personalism was repeatedly raised in the literature. But the problem is insufficiently lighted. The author consistently examines Florensky's judgments of personality in his earlier and later works. The article also contains a brief comparative analysis of Florensky's views about created personality and personality of God. What is significant is Florensky saw the human being as belonging to two levels of created reality: the empirical or terrestrial and the supra-empirical or heavenly ones. As belonging to the heavenly eternity, the human being is a supra-personal and supra-conscious created being, while as belonging to the terrestrial sphere he is an empirical person. The author's main conclusion is that Florensky do not saw a personality as primary grounds for Existence. The author assumes that Florensky's religio-philosophical doctrines do not personalism.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, религиозно-философские труды, личность, персонализм, тварная личность, сознание, эмпирическая реальность.

Keywords: P. A. Florensky, religio-philosophical works, personality, personalism, created personality, conscious, empirical reality.

Несмотря на то, что наследие русского религиозного философа и богослова, священника Павла Флоренского достаточно широко известно и пользуется вниманием исследователей, в нем остается целый ряд еще не достаточно изученных аспектов. Рассмотрение некоторых из них представляется важным в контексте всей истории русской религиозной философии первой половины XX в. К числу таких аспектов относится проблема *личности*, осмысление которой в XX в. привело к развитию как философского, так и богословского персонализма. Эта проблема остается актуальной до сих пор, и обращение к наследию Флоренского в этой связи может принести результаты, даже выходящие за рамки чисто исторического интереса.

Исследователи не пришли к единому мнению относительно того, является ли религиозная философия Флоренского персоналистически ориентированной (см., напр. [1]). В своем наиболее известном (и, без сомнения, наиболее ярком) произведении – «Столп и утверждение Истины» (1908–1914) «философию личности и творческого подвига» Флоренский назвал единственно духовной и противопоставил её рационализму [2]. Особо же примечательно, как с этих позиций здесь (в примечании) был подвергнут критике Владимир Соловьёв: «Рационализм Соловьёва», согласно автору, «обнаруживает себя именно в том, что для Соловьёва не *живая Личность*, не Ипостась и не самообосновывающееся Живое Троиединство – *начало и основание всего* (выделено нами. – Н. П.), а субстанция, из которой уже выявляются Ипостаси. Но эта субстанция в таком случае не может не быть признана без-личною...» [3]. Из этого должно бы следовать, что онтология самого Флоренского является персоналистически ориентированной и утверждает в качестве первичной реальности именно «живую Личность». Но так ли это на самом деле, как представляется, может показать уже самый краткий обзор его трудов и сравнение раскрываемого в них понятия «личности» с учением ряда мыслителей, пытавшихся утвердить свой (хотя и достаточно разный) «персонализм» как в философии, так и в богословии.

Утверждение классического персонализма о том, что именно христианство открыло и провозгласило непреходящую ценность человеческой *личности*, является общим для таких философов, как Л. Карсавин [4], Б. Вышеславцев [5], прот. Василий Зеньковский [6] и др. Флоренский выступил с этим тезисом уже в своих студенческих курсовых работах 1906–1907 гг. [7] и повторил его в «Столпе...» [8]. Позиция Флоренского-студента по этому поводу представляется наиболее радикальной: он утверждает, что, если «во вне-христианском сознании истинно сущее есть только общее, родовое, а всё индивидуальное – лишь тень и явление и призрак», то «для христианства взаимоотношение общего и частного перевернулось. Истинно сущим, *единственно подлинно существующим* стала личность и *только личность*. Всё, что не личность – временно, условно и случайно. Оно – почти призрак и тень. Оно не имеет собственной сущности (выделено нами. – Н. П.)» [9].

Вместе с тем уже в «Столпе...» появляются моменты, которые не позволяют сделать вывод об однозначной персоналистической ориентации его автора. Здесь Флоренский однозначно говорит о *единой* личности, имеющей, однако, разные аспекты: безусловно ценный по отношению к эмпирическому миру, и входящий в этот мир, развивающийся в нём, и представляющий собой «земную одежду» личности, её творческое само-раскрытие в системе мыслей, чувств, желаний и

деятельности. В этой «одежде», должен раскрыться сокровенный Образ Божий; она должна быть претворена в Подобие Божие, и это будет означать её обожение. Однако может оказаться так, что *вся земная* «одежда» оказалась злой, т. е. вся само-деятельность личности в эмпирии раскрылась не в вере, надежде и любви. В этом случае *единая* личность должна претерпеть *разделение*: «Единое должно стать разным... По существу *единое Я расщепляется*, т. е., оставаясь Я, вместе с тем перестаёт быть Я» [10]. Из дальнейшего ясно, что такая «личность» не обладает уже самым главным, благодаря чему она и называется «личностью» в персоналистическом понимании. На это сам Флоренский указывает вполне недвусмысленно, когда, в другом месте, определяет данное «разделение» как уничтожение (вернее, переход в состояние не-реальности, мнимости, чистой субъективности) само-сознания как «сознания своего творчества, своей активности». «Погибает, – пишет он, – всё содержание сознания, поскольку оно – не из веры, надежды и любви. Спасётся... голое Бого-сознание без само-сознания» [11], т. е. чистый Образ Божий без самосознающего Я.

Для более полного уяснения этого вопроса необходимо иметь в виду тот общий контекст, в котором в «Столпе...» представлена возможность «разделения единого», т. е., по сути, возможность онтологического распада личности. Решительно настаивая на онтологическом характере христианской любви и определяя эту Любовь как саму Сущность Божества, Флоренский в «Столпе...» тем самым прежде всего обосновывает «единосушие» как Пресвятой Троицы, с одной стороны, так и всей твари – с другой. И в обоих случаях он постоянно подчёркивает как главное: всё содержит, всё объединяет и всё животворит Любовь Божия. Никакой тварной «любви» как онтологического понятия нет и быть не может: само выхождение тварного Я из себя возможно только силой Божественной Любви, когда Я становится ей причастным. Любить Бога – это значит пассивно открывать пред Ним своё сердце и ждать «втечения» в него Божественной Любви; любить брата – значит давать возможность этой любви переходить на другое Я. Вся тварь в своих основаниях получает бытие и единство только причастием Любви как Божественной Сущности. Поэтому любовь Божия есть также и «связь личности». Без неё личность распадается в дробность психологических состояний и теряет своё субстанциональное единство.

Когда Флоренский говорит о «злой самости», у него это тоже не психологическое понятие. «Злая самость» – это личное самосознание, раскрывшее свою деятельность в эмпирическом мире как отвержение Божественной Любви, отвержение единосушия и потому потерявшее свою субстанциональную основу. Как «одежда», она «сбрасывается» в день Страшного Суда, оставляя только оказавшийся нереализованным в эмпирии Образ Божий. «Одежда» при этом, будучи лишь замкнутым только на само себя сознанием, определяется как «психический феномен без ноумена, застывшее явление без являющегося» [12]. Это уже, с точки зрения Флоренского, не есть объективная реальность; необоженная «самость» не существует для оставшихся вне геенны праведников, равно как и для «сбросившего» её Образа Божия. Но сама в себе она пребывает в гневе, в бесильной ярости и муке, и даже «с воплем и скрежетом грозит кулаком» [13].

Н. Лосский по этому поводу заметил, что вечное мучение – это опыт, а следовательно, «принадлежность некоторого я, который осознаёт его... Таким образом, по Флоренскому, человеческая личность состоит из двух я, которые могут отделиться друг от друга: одно я обречено на вечные мучения, а другое – на вечное блаженство. Но это совершенно невозможно» [14]. О том же писал В. Зеньковский, правда, направляя свою критику в адрес Р. Штайнера. Различая «глубинное Я» и «эмпирическое Я», Зеньковский подчёркивал их неразрывное единство, невозможность даже мыслить одно отдельно от другого. «Эмпирическое Я... есть функция глубинного Я, есть "создание" его в эмпирическом плане – и вне этого глубинного Я оно немислимо. Но и обратно: глубинное Я, вызывающее к бытию эмпирическое сознание, само живёт и действует именно в этом эмпирическом самосознании» [15]. Глубинное Я, по мысли Зеньковского, – «единственно истинное Я»; оно действительно «как бы прикрыто потоком эмпирического сознания», но эта эмпирическая личность уже есть «явление в вечности», явление, настолько укоренённое в духовном ядре личности, что «погибнуть», «раствориться» в чём-то оно уже не может. Оно не может быть «стёрто», как стирается пыль, не может быть «снято», как снимается одежда. Штайнер критикуется Зеньковским фактически в связи с тем, что у него эмпирическое Я не допускается в вечность. Оно, хотя и создано, по-видимому, силами глубинного Я, но принадлежит, по существу, сфере эмпирии и *погибает вместе с ней*.

Позицию Флоренского в «Столпе...» в этом плане можно определить как находящуюся «между» Зеньковским и Штайнером: личность едина, и её эмпирическая составляющая не должна «отделяться» от «духовного ядра». Но всё же это может произойти в случае предельного зла, в последний день мировой истории. Для Зеньковского эмпирическое самосознание уже, изначально есть «явление в вечности»; у Флоренского оно только призвано туда войти, когда достигнет

«обожения», а у Штайнера оно – явление лишь чисто временное и подлежит закономерному уничтожению в процессе перевоплощений.

Позиция Флоренского в поздних работах по этому вопросу не изменилась принципиально, но, в некоторой своей конкретизации, обрела больше параллелей как со Штайнером, так и с развитыми позже концепциями прот. В. Зеньковского и Б. Вышеславцева. И прежде всего следует обратить внимание на то, что Флоренский в конце 1910–1920-х гг. чётко разъяснил недосказанное в «Столпе...», а именно «ядро личности» *созидает* эмпирическое самосознание. Так, по сути, – у Зеньковского и Штайнера, а Вышеславцев даже употребляет термин «воплощение». «Чистое Я», которое Вышеславцев называет термином из «Упанишад» – «Атманом» или (заимствованным в данном случае у К. Юнга) словом «Самость», у него представляет собой «вечность и богоподобие человека». Оно «воплощается», формируя себе «нижние ступени» – дух, сознание, подсознание, материальное тело. Как и Зеньковский, Вышеславцев подчёркивает, что таким образом «усваивая» и «присваивая» себе эмпирический материал, «глубинное Я» создаёт свою неповторимую, индивидуальную личность, состоящую из уникального сочетания элементов и ступеней бытия.

У Флоренского в наиболее поздней работе («Имена», 1926) «воплощается» «духовное существо личности». Оно «усваивает себе... материал из среды... – мистический, оккультный, социальный, психический и физический, – и, взяв его, претворяет в своё тело, сквозит в нём, лучится сквозь него, его формует» [16]. Образуется индивидуальное целое, состоящее, однако, из тел, принадлежащих различным планам бытия, и называемое «эмпирической личностью» или просто «личностью». Как и Зеньковский, Флоренский не мыслит «духовное существо личности» вне своего эмпирического проявления: в таком состоянии Я трансцендентно, сокрыто не только от других, но и от себя самого в своей собственной глубине. Но вместе с тем он по-прежнему постулирует возможность онтологического разделения в личности и обращается к тому же месту из апостольских посланий (1Кор. 3, 10–15), на которое указывал в «Столпе...»: «Эта эмпирическая личность имеет в виду ап. Павлом, когда он выражает опасение, как бы при последнем огненном испытании мы не оказались "нагими", т. е. лишёнными одежды всего сотворённого в жизни. И Спаситель, говоря о брачной и небрачной одежде, пользуется этим образом, знаменуя им жизненное самораскрытие духовного существа» [17].

Это написано в 1922 г. (одна из лекций по «Философии культа»), и в том же году в другой работе («Иконостас») Флоренский скажет, что полное «разделение» в личности возможно не только в «конце времён», но даже здесь и сейчас. Как и в «Столпе...», в «Иконостасе» говорится о том, что существо человека, «существенное ядро личности» – это Образ Божий. Грех может затмить свет, идущий от него к «являемой поверхности личности». Если же грех овладеет всей «самосозидаемой "храминой" личности», то «явление личности» отслаивается, отщепляется от Образа Божия и делается той же самой «скорлупой», о которой говорились в «Столпе...» – феноменом без ноумена, обманчивой видимостью. Даже сейчас может быть так, что мы ещё наблюдаем личность (лицо, ставшее «маской»), а Образ Божий у неё уже отнят [18].

Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что в поздних работах Флоренского «Свет», идущий от Образа Божия к «являемой поверхности личности», трактуется точно так же, как в «Столпе...». Грех, «затмевающий» Божественный Свет и способствующий отслоению эмпирической личности от её «духовного ядра», – это то же, что отвержение «единосущия», противление Божественной Любви, которая только и может сохранять личность в её единстве. Онтологическая цельность личности, таким образом, и в «Столпе...», и в поздних работах ставится в зависимость от действия в ней Божественного Света или Божественной Любви, Божественной энергии или Божественной Сущности. Сейчас здесь не важен вопрос о различении Флоренским этих богословских понятий; как бы то ни было, в любом случае, это – определённая не-личная субстанция, хотя и напрямую связанная с «Личностью» Божией.

Впрочем, сам термин «Личность» по отношению к Богу Флоренский смело и достаточно легко решается употребить только в одной из самых ранних своих работ. Уже в «Столпе» он предпочитает говорить применительно к Богу не о «Личностях», а об «Ипостасях» или «Лицах». Это связано с развиваемой в «Столпе...» концепцией «Само-доказательного и Само-обоснованного Субъекта Истины», согласно которой в Нём могут быть *только* Три Ипостаси. Какие-либо другие «ипостаси» могут быть лишь приняты «в недра Троичной жизни», но они уже не будут являться для абсолютности «Субъекта Истины» внутренне необходимыми. И в этом смысле «они – условные ипостаси, могущие быть, а могущие и не быть в Субъекте Истины. Потому-то их нельзя называть ипостасями в собственном смысле, и лучше обозначить именем обоженных личностей и т. п.» [19] Таким образом, в системе «Столпа...» понятие «личность» представляет собой отражение реальности только *тварного* бытия, не могущего быть само-обоснованным. Тварная личность может быть лишь условно названа «ипостасью», но для Божественной Ипостаси понятие

«личность» никак не отразит тот характер отношений в «Субъекте Истины», который Флоренский хочет донести до читателя.

Так – в Триадологии. В отношении же твари, согласно одной из лекций по «Философии культа» (1918), «ипостась» – это «разумная идея человека, его духовный облик, его лик» [20]. Понятие «лика» Флоренский развил в «Иконостасе» (1922), откуда совершенно ясно, что «лик» – это конечный результат оформления Образом Божиим всей эмпирической личности, «во всём её составе», воплощение Образа Божия «в жизни, в личности». «Являемая поверхность личности» (в терминологии, которую Флоренский использует в данном случае, это – «лицо»), становящаяся в случае онтологического распада «скорлупой», на другом, положительном полюсе своего развития вся делается «ликом». Это состояние, когда в эмпирической личности «через толщу вещественной коры пробивается энергия Образа Божия» [21], очевидно, и есть та «реализация», которую требует от «лика» восстающая на него стихия человеческой «усии» [22]. Участием в религиозном культе человек может достигать «паритета» в расстановке этих сил, и на этом роль его личностного сознания в метафизическом плане заканчивается. Идут метафизические процессы, к пониманию которых личностное человеческое самосознание *принципиально* не имеет доступа.

Таким образом, можно видеть, что по отношению к тварному бытию, и в ранних, и в поздних работах Флоренского обнаруживается над-личностная реальность, которая определяет личность и от которой зависит её целостность и само существование. Что же касается бытия Божественного, то здесь, несмотря на заимствованные у В. Соловьева (а фактически – у Шеллинга) попытки объяснить «процессы», происходящие в «Триедином Субъекте Истины», Флоренский, как следует констатировать, все же оказался более чутким к апофатическому подходу, чем персоналистическое богословие XX в. В конечном итоге он не только исключил из употребления термин «Личность» по отношению к Богу и подчеркнул принципиальное различие между Божественными *Ипостасями* и тварными *личностями*, но также не допустил в Триадологии возможности говорить о какой-либо онтологической первичности Ипостасей или Сущности по отношению друг к другу. Указывая на антиномический характер различения «сущности» и «ипостаси», но выделил здесь тайну, не разрешимую до конца человеческим разумом в условиях его земного существования. Возвращаясь же к критическому замечанию Флоренского относительно В. Соловьева в примечаниях к «Столпу...», можно сказать, что у самого Флоренского «началом и основанием всего» оказалась все же не «Ипостась» (как в богословском персонализме – Ипостась Бога Отца), а именно, в его восприятии, – «самообосновывающееся Живое Триединство», которое нельзя до конца осмыслить, но по образу которого в идеальном плане построено все тварное бытие.

Примечания

1. Хоружий С. С. Творчество о. Павла Флоренского и наши дни // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 171–173.
2. Павел Флоренский, свящ. Сочинения. Т. 1(1). Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 80.
3. Павел Флоренский, свящ. Сочинения. Т. 1(2). Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 775.
4. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 395.
5. Вышеславцев Б. П. Бессмертие, перевоплощение и воскресение // Христианство и индуизм: сб. статей. М., 1992. С. 105.
6. Зеньковский В. В. Единство личности и проблема перевоплощения // Христианство и индуизм. С. 130.
7. Павел Флоренский, свящ. Священное переименование. М., 2006. С. 86, 193.
8. Павел Флоренский, свящ. Сочинения. Т. 1(1). Столп и утверждение Истины... С. 419.
9. Павел Флоренский, свящ. Священное переименование. С. 186.
10. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1(1). Столп и утверждение Истины... С. 212.
11. Там же. С. 233.
12. Там же. С. 213, 240–241.
13. Там же. С. 247.
14. Лосский Н. О. История русской философии... С. 246.
15. Зеньковский В. В. Единство личности и проблема перевоплощения... С. 138–139.
16. Павел Флоренский, свящ. Имена. Харьков, 2000. С. 52–53.
17. Павел Флоренский, свящ. Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. 17. М., 1977. С. 218.
18. Павел Флоренский, свящ. Иконостас // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 92 – 93.
19. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1(1). Столп и утверждение Истины... С. 50.
20. Павел Флоренский, свящ. Из богословского наследия... С. 140, 143.

21. Павел Флоренский, свящ. Иконостас // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству... С. 89–90.
22. Павел Флоренский, свящ. Из богословского наследия. С. 141, 143.

Notes

1. Horuzhij S. S. Tvorchestvo o. Pavla Florenskogo i nashi dni [Creativity O. Paul Florensky and our days] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2001, № 7, pp. 171–173.
2. Pavel Florenskij, svjashh. <Sochinenija> <[Writings]> Vol. 1 (1). Stolp i utverzhdienie Istiny [The pillar and ground of the Truth]. Moscow. 1990. P. 80.
3. Pavel Florenskij, svjashh. <Sochinenija>. <[Writings]> Vol. 1 (2). Stolp i utverzhdienie Istiny [The pillar and ground of the Truth]. Moscow. 1990. P. 775.
4. Losskij N. O. Istorija russoj filosofii [History of Russian philosophy]. Moscow. 1991. P. 395.
5. Vysheslavcev B. P. Bessmertie, perevoploshhenie i voskresenie [Immortality, reincarnation and resurrection] // Hristianstvo i induizm. Sbornik statej [Christianity and Hinduism. A collection of articles]. Moscow. 1992. P. 105.
6. Zen'kovskij V. V. Edinstvo lichnosti i problema perevoploshhenija [The unity of the individual and the problem of reincarnation] // Hristianstvo i induizm [Christianity and Hinduism. A collection of articles]. P. 130.
7. Pavel Florenskij, svjashh. Svjashhennoe pereimenovanie [Sacred renaming] Moscow. 2006, pp. 86, 193.
8. Pavel Florenskij, svjashh. // <Sochinenija> <[Writings]> Vol. 1 (1). Stolp i utverzhdienie Istiny [The pillar and ground of the Truth]. P. 419.
9. Pavel Florenskij, svjashh. Svjashhennoe pereimenovanie [Sacred renaming]. P. 186.
10. Florenskij P. A. <Sochinenija> <[Writings]> Vol. 1 (1). Stolp i utverzhdienie Istiny [The pillar and ground of the Truth]. P. 212.
11. Ibid. P. 233.
12. Ibid. P. 213, 240–241.
13. Ibid. P. 247.
14. Losskij N. O. Istorija russoj filosofii [History of Russian philosophy]. P. 246.
15. Zen'kovskij V. V. Edinstvo lichnosti i problema perevoploshhenija [The unity of the individual and the problem of reincarnation]. P. 138 – 139.
16. Pavel Florenskij, svjashh. Imena [Names]. Har'kov. 2000. P. 52–53.
17. Pavel Florenskij, svjashh. Iz bogoslovskogo nasledija [From a theological heritage] // Bogoslovskie trudy – Theological works. Sb. 17. Moscow. 1977. P. 218.
18. Pavel Florenskij, svjashh. Ikonostas [The iconostasis] // Pavel Florenskij, svjashh. Izbrannye trudy po iskusstvu [Selected writings on art]. Moscow. 1996. P. 92 – 93.
19. Florenskij P. A. . <Sochinenija> <[Writings]> Vol. 1 (1). Stolp i utverzhdienie Istiny [The pillar and ground of the Truth]. P. 50.
20. Pavel Florenskij, svjashh. Iz bogoslovskogo nasledija [From a theological heritage]. P. 140, 143.
21. Pavel Florenskij, svjashh. Ikonostas [The iconostasis]. P. 89 – 90.
22. Pavel Florenskij, svjashh. Iz bogoslovskogo nasledija [From a theological heritage]. P. 141, 143.

УДК 791.43 (439)

С. Г. Дюкин, И. В. Самойлова

«Российский» дискурс в венгерском кино

В статье представлены результаты философско-антропологического анализа венгерских фильмов, содержащих информацию о России. Эмпирическую базу исследования составили 19 кинокартин и мультфильмов, выбранные из сотни отсмотренных фильмов. На основе анализа автор приходит к мысли о выведении венгерским субъектом России за пределы умозрительного культурного пространства. Венгерский кинематограф отчуждает своего соседа через геокультурные, а также через социальные параметры. Важную роль, помимо этого, в формировании образа России играют исторические прецедентные реминисценции, к которым относятся сюжеты репрессий 30-х гг. и советская интервенция в Венгрию 1956 г. Формируемый в результате венгерскими кинематографистами образ России выполняет в отношении их страны идентификационную функцию, позволяя произвести вытеснение собственных негативных социокультурных характеристик.

The article presents the results of analysis of Hungarian films, which contain information about Russia. Empirical base of the research made 19 films and cartoons, selected from hundreds viewed works. On the basis of the analysis the author comes to idea about withdrawal by the Hungarian subject of the Russia beyond the speculative cultural space. Hungarian cinema alienates his neighbor through cultural and social settings. An important role, in addition, in the formation of the image of Russia is played by historical precedent reminiscences, which include the stories of the repressions of the 30s and Soviet intervention in Hungary in 1956. Formed in the Hungarian cinema of Russia performs in relation to their country identification function, allowing the displacement of their own negative sociocultural characteristics.

Ключевые слова: Венгрия, Россия, кино, образ, социокультурные характеристики, идентичность.

Keywords: Hungaria, Russia, cinema, Image, Sociocultural characteristics, Identity.

Бытование образа *Другого* в культуре, в нашем случае художественной, относится к вопросам не только актуальным, но и конъюнктурным. В некотором роде приходится говорить о разоблачительной миссии философско-антропологических и культурологических исследований, в рамках которых происходит дешифровка кода, работающего на построение собственной идентичности.

Речь в данной статье пойдет об образе русских и России, который предлагается нам венгерским кинематографом. Данная конфигурация служит одним из вариантов создания и отражения образа значимого *Другого*, на фоне которого более отчетливо должны проявиться собственные качества субъекта. Венгерско-русский пример подобной ситуации обладает высоким коэффициентом репрезентативности в силу напряженного совместного исторического опыта. «Русский» дискурс на протяжении последних ста и особенно семидесяти лет играет значительную роль в духовной жизни Венгрии, устойчиво присутствуя в гуманитарной науке, публицистике, литературе, масскульте. Важное место занимает Россия и в венгерском кино. Кинематограф представляет собой в рассматриваемом аспекте особый интерес в силу многомерности семиотического кода, заложенного в произведениях данного вида искусства. Помимо этого кинематограф как никакой другой вид искусства апеллирует к чувству реальности у аудитории, о чем предельно выразительно писал Ю. М. Лотман в «Семиотике кино» [1]. Следовательно, кинематограф в той или иной степени способен продуцировать установки, переходящие на уровень повседневности и со временем начинающие определять ценностные ориентации социума.

На предмет присутствия «русской» тематики нами было просмотрено более сотни венгерских фильмов. Искомый дискурс обнаружен в девятнадцати лентах. Он представлен в фильмах различным способом, различен коэффициент интенсивности присутствия дискурса в кино. Анализируемые произведения в аспекте данного критерия можно поделить на три группы. К первой (8 кинокартин) относятся киноленты, центральным объектом которых является собственно «русская» тема. Это фильмы, действие которых происходит в России, являющейся при этом особым объектом рефлексии, либо ленты, центральными персонажами которых являются русские в своем противопоставлении иным общностям. Ко второй группе (6 фильмов) отнесены фильмы, содержащие фрагментарную информацию или рефлексию на «русскую» тематику. Третья (5 фильмов) – это картины, отсылающие к «русскому» дискурсу, благодаря наличию случайной семантики, подчас не обладающей выраженной смысловой нагрузкой.

Ленты 1-й группы (Россия как доминирующий объект рефлексии) ориентированы, главным образом, на осмысление актуальной социально-политической ситуации в России и отражение ярких элементов истории этой страны, важных в контексте венгерской истории. Современная Россия находит отражение в фильмах Т. Тота «Наташа» (1998), М. Месарош «Дочери счастья» (1998), в полнометражном мультфильме Г. Чупо «Иммигранты» (2008). Фильм М. Янчо «Бог пятится назад» (1991) находится на границе современной и исторической рефлексии – сюжетная линия базируется на перестроечных событиях, поданных через призму политической фантастики в режиме псевдореального времени.

Ведущим мотивом осмысления российских реалий становится перенесение негативных сторон социально-политической действительности на ментальную сферу культуры России. В фильме «Наташа», снятом, кстати, в России с участием, в основном, русских актеров, постоянно фигурируют монологи, в которых выстраивается четкая взаимосвязь между единичным (факты российской действительности 90-х гг., для которых характерна экономическая нестабильность, высокая степень преступности, общая социальная неустроенность, кризис идентичности) и общим (сконструированные на основе обозначенных особенностей постсоветского бытия элементов российской ментальности). В качестве ведущей ментальной черты, погружаемой в негатив-

ную коннотацию, выступает пограничное положение между Западом и Востоком. Главный герой фильма (венгр) рассказывает о том, что он «приезжает в Сибирь, на границу Европы и Азии». При этом архитектурный контекст фабулы «Наташи» – московские «сталинские» небоскребы, подчеркивающие отчужденность, царящую в стране, и пугающий своими гигантскими размерами характер России. Помимо этого Т. Тот демонстрирует пограничность российской культуры через дихотомию персонажей. Возлюбленная главного героя Наташа (брюнетка с ярко выраженными монголоидными чертами) и ее брат Сергей (бритоголовый мужчина брутального телосложения) обозначаются субъектом повествования как воплощение нежности и «разрушительная, отталкивающая сила» соответственно. Восточное начало России усиливается образом бабушки – колдуньи, «всезнающей старухи как сама Азия», и рысью, играющей роль тотемического символа России. Прирученная рысь – неизменный спутник всех русских персонажей фильма. В качестве квинтэссенции семиотики подобного рода становится рысь на улицах не названной своим именем Москвы, средоточия небоскребов посреди сибирской пустоши.

Обобщения, сделанные автором фильма «Дочери счастья» М. Месарош, носят более конкретный характер, основываясь на дискурсе бытовой неустроенности постсоветской России. В качестве специфических российских черт обозначаются неукорененность в своей стране (русские жаждут покинуть собственное государство), праздность и пьянство, выступающие основными способами ситуативных презентаций русских мужчин, воинственность и агрессивность (главный из персонажей-мужчин – военный, носитель агрессивной имперской риторики), развращенность (главная героиня фильма – русская учительница, приезжающая в Польшу и становящаяся проституткой, достигая совершенства в этом виде деятельности), беспринципность (муж главной героини знает о ее занятии проституцией и все равно берет у нее деньги). Обобщающей характеристикой российского бытия выступает бедность, предопределяющая вышеназванные явления. В редуцированной форме российская нищета демонстрируется в образе студента московской консерватории, просящего подаяние на улицах Варшавы, чтобы купить себе скрипку.

Сочетание ментальных обобщений, порой просматриваемых в коннотативном контексте (без прямых деклараций), характерно и для картины «Наташа». Огромный пустырь с торговыми рядами, за которыми торгуют длиннородные мужики в шапках–ушанках с советской символикой, помещаясь в сюжетно-фабульный контекст, становится символом России как таковой.

Также названные фильмы объединяются мотивом опасности, который являет себя, во-первых, через гигантский и непонятный характер самой России, во-вторых, через преступность. Криминальным характером наполнена фабула фильма «Наташа»: постоянные драки, потасовки. «Из города доходили вести об избиениях, массовых грабежах и убийствах», – произносит главный герой, описывая данную ситуацию как вполне обыденную. Конфликты, потасовки, драки сопровождают фильм «Дочери счастья». Массовые драки, разбой – неотъемлемые черты политического переворота в Москве времен перестройки в фильме «Бог пятится назад».

Во всех названных случаях негативация российского бытия усиливается за счет наличия образа культурного *Другого*: в фильме «Наташа» действия русских персонажей наблюдает, описывает и комментирует венгр, обучающийся в России; в фильме «Бог пятится назад» события в России демонстрируются на экране, установленном в центре Будапешта; действия фильма «Дочери счастья» разворачиваются в Польше.

Противопоставление российской и венгерской культур достигает апогея, обретает редуцированную форму в полнометражном мультфильме «Иммигранты», в центре фабулы которого лежит поданная в юмористическом аспекте история инкультурации приехавших в США венгра Йожки и русского Владислава. Персонажи противопоставляются по множеству критериев, при этом, благодаря контексту, их частные качества и поступки *argioi* соответствуют национально-культурной идентичности. Герои мультфильма представлены следующим образом. Владислав психологически взрослее и серьезнее инфантильного Йожки. Владислав обременен дочерью, связан с российской милитаризованностью (в Москве чинил танки; носит шапку с советской символикой). Русский простодушней хитроватого венгра, он охотно соглашается на тяжелую работу («У нас в России говорят, что, если надо выполнить тяжелую работу, позови русского»). Владислав медлителен и инертен в отличие от физически и внутренне мобильного Йожки. Объединяет обоих персонажей склонность к употреблению алкоголя, указывающая на дионисическое начало двух культур. Однако русское пьянство в мультфильме более брутализировано по сравнению с венгерским, которое растворяется в социально активном поведении и дон-жуанстве. Русская сексуальность в картине носит нелепый и дисгармоничный характер. Кульминацией единства обеих культур выступает их негативный перфекционизм, отсутствие чувства меры. В финале Владислав и Йожка, преодолевая проблемы инкультурации, провозглашают: «Мы поняли, что во всем

нужна мера». Отказываясь от ориентации на крайности, русский и венгр вместе утрачивают свою идентичность, превращаясь в американцев.

Россия в исторической ретроспективе в отличие от себя современной – объект, который нуждается не в понимании и расшифровке, а в исключении и отчуждении, так как обладает крайней степенью дегуманизации. В фильме М. Бачо «Невеста Сталина» (1991) тоталитарный СССР середины 30-х гг. предстает в предельно деэстетизированной, обезчеловеченной форме: русские физически отталкивающи, грубы, злы, агрессивны. Героиня-жертва, в отношении которой реализуется вся совокупность названных качеств, – идиотка.

Настолько же отталкивающий образ сконструирован в фильме К. Года «Свобода и любовь» (2006), посвященном антикоммунистическому восстанию 1956 г. В этой картине русские, большей частью, предстают в виде обезличенной устрашающей силы: русские танки, показанные со спины солдаты. Исключение составляет лишь группа советских спортсменов, устраивающих драку со своими венгерскими соперниками. Они демонстрируются крупным планом. Как и в предыдущей ленте, русские грубы, агрессивны, хамовиты, глупы, физически антиэстетичны. Фильм наполнен декларативными репликами, превращающими Россию в антипод гуманизированного субъекта, вытесняющими ее за пределы культурной реальности. «Они думают, что правят миром. Для этого нужны хотя бы мозги»; «Просто стреляй в русских и все», – советует молодая улыбающаяся девушка.

Трансцендентируется Россия в фильме М. Янчо «Звезды, солдаты» (1967), повествующем об участии венгров в Гражданской войне в советской России. Русские предстают в фильме исключительно в образе белогвардейцев, выступающих как обезличенная сила, несущая мучения и смерть. Характерными чертами русских военных в этом фильме являются садизм, грубость, безэмоциональность. Эти качества гипертрофируются на фоне венгров, полностью лишенных всякой inferнальности. Данная дихотомия достигает завершенности в финальной сцене: малочисленный отряд плохо вооруженных венгров, одетых в белое, наступает на обезличенную массу одетых в черное русских и полностью погибает.

В фильме М. Янчо «Так я пришел» (1965) отсутствует демонизация солдат времен Второй мировой войны: русские гуманно относятся к главному герою картины, взятому в плен венгерскому новобранцу. Мало того, между венгром и приставленным к нему русским солдатом Колей возникает дружба. Однако фон в виде формальной личной привязанности лишь усиливает ощущение отчужденности и отсутствия взаимопонимания между героями.

В фильмах, в которых российская тематика присутствует более частным и фрагментарным образом, наблюдается большая вариативность в оценке страны и ее культуры. Так, в ленте И. Сабо «Мнения сторон» (2001) Россия предстает в образе полковника (в гражданской жизни искусствоведа) Дымшица, в контексте данного произведения служащего воплощением «живой человечности» на фоне «бездушных» американцев. Позитивная коннотация выстраивается в ситуации демонстрации художественного вкуса, в момент застолья с обильным употреблением алкоголя и в стремлении решать политические вопросы, руководствуясь не «буквой», а «духом» закона. А. Трошин характеризует героя как «русского (русопятого!), широкого, как река, рубахи-офицера, победительно-щедрого и самоуверенного «заказчика музыки», шумного выпивоху, хитрована, этакое «Кота Матроскина» [2]. Действие фильма разворачивается в условиях денацификации в побежденной Германии в 1945–1946 гг.

В других трех лентах образ России носит более отрицательный характер. При этом в двух из них в полной мере отсутствует декларация отрицания. В фильме З. Варкони «Сыновья человека с каменным сердцем» (1965) по роману классика венгерской литературы XIX в. М. Йокаи Россия – это экзотический мир Петербурга, заполненный увеселительными заведениями с выступающими в них восточными красавицами, и бескрайняя снежная пустыня, населенная нападающими на людей волчьими стаями.

В картине И. Сабо «Милая Эмма, дорогая Бёбе» (1991) искомый образ присутствует в еще более имплицитном виде. Здесь Россия увязывается с уходящим прошлым, с крушением жизненных планов. Героини фильма, Эмма и Бёбе – молодые учительницы уже не востребованного в Венгрии начала 90-х гг. русского языка, вынужденные искать дополнительные источники доходов. Для Бёбе такая жизнь оборачивается самоубийством.

В «Таксидермии» (2006) Д. Палфи негативация России более очевидна. Она выстраивается на основе советской символики и образах советских военных, карикатурных, внешне безобразных. В фильме в заочной форме присутствует образ полковника Николая Бухарина, чемпиона мира по спортивному объеданию, что также способствует девальвации российскости как социокультурного явления. Правда, в нарратив данного вымышленного вида спорта включены все страны социалистического блока.

Иронизация становится основным способом вытеснения России во внекультурное пространство в полнометражном мультфильме А. Гаудера «Восточный парк» (2004). Авторы достигают этой цели, вводя в фабулу подростка-мигранта из России, во всех ситуациях требующего говорить по-русски. Во-вторых, в одном из эпизодов на телеэкране (внутри мультфильма) появляется президент Путин, забирающий шпионские сведения от венгерки, которая сообщает ему о нахождении нефти в венгерской столице.

В фильме Е. Гардош «Американская рапсодия» (2001) составными элементами образа России выступают советские символы и ситуация, в которой пьяный русский солдат в оккупированном Будапеште домогается венгерской девушки, а затем убивает ее отца.

В фильмах, для которых характерно фрагментарное, внешне абсолютно случайное, появление семантики, отсылающей зрителя к «российскому» дискурсу, данная тематика также пропускается через ироничный контекст. Речь идет о таких лентах, как «Без паники, майор Кардош» Ш. Сеньи (1982), «Языческая мадонна» (1980), «Немая папка» (1980), «Брак с выходными днями» Д. Месарош (1983), «Похищение по-венгерски» З. Варкони (1972). Автомобили российского производства заполняют сцены с погонями в кинокомедиях и детективах, героями которых являются, преимущественно, комические герои. Советским авто противопоставлены крупногабаритные машины западноевропейского производства, принадлежащие гостям Венгрии из капиталистических стран, вне всякого сомнения выступающим носителями престижных качеств.

Таким образом, в состав ведущих характеристик, присваиваемых венгерским социокультурным субъектом России и ее культуре, входят антигуманизм, ироничность образов и поступков, двойственность характеров, опасность (русские несут с собой угрозу в буквальном смысле, так же как всякая связь с Россией чревата выходом за пределы «нормального» существования), асоциальность (в большинстве случаев не разрушительная). Подобные черты укладываются в пределы стандартизированного представления о России в странах, освободившихся от идеологического прессинга, подразумевавшего недопустимость негативной рефлексии в отношении России. Помимо этого гиперболизация негативных сторон российского бытия для Венгрии связана с эксклюзивностью отношений между двумя странами в исторической ретроспективе. По мнению Д. Бебеш и А. Колонтари, проанализировавших современные венгерские учебники по истории, российская интервенция 1849 г. и вторжение советских войск в 1956 г. по сей день являются основным камнем преткновения в гармонизации взаимоотношений [3].

Что касается вопроса о соответствии предлагаемых венгерскими кинематографистами характеристик и существующих российских реалий, его невозможно разрешить объективно. Так, по мнению Г. Вайнштейна, «реалии нашей (российской) действительности позволяют западному человеку находить в них то, что соответствует его суждениям о России, сколь бы превратными и односторонними, с чьей-либо точки зрения, они ни были» [4]. Одновременно нельзя не признать, что для Венгрии, равно как и для других центральноевропейских обществ, раздваивающихся в своем тяготении к России и Западной Европе, характерна акцентуализация негативных качеств соседей ради выстраивания собственного образа, служащего, в свою очередь, подчеркиванию самоидентичности. Дезактуализируя Россию, выводя ее за пределы культурного пространства с помощью деэтизации и деэстетизации, венгерский субъект автоматически проделывает противоположные операции с самим собой.

Выведение России за пределы «нормального» социокультурного положения выполняет для венгерского субъекта двухуровневую функцию. Во-первых, происходит противопоставление российскости и венгерскости как равноправных, самодостаточных величин. Во-вторых, Россия служит идентификационным *Другим* не только для Венгрии как таковой, но и для Венгрии в качестве составляющего элемента европейского цивилизационного пространства. Присваиваемые венгерскими кинематографистами ценности (за счет отвержения российских ценностей и характеристик, в число коих входят антигуманность, жесткость, имперское мышление, ориентация на прошлое) соответствуют общеевропейским социокультурным координатам.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Семиотика кино // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 295.
2. Трошин А. Иштван Сабо: темы и вариации. М., 2008. С. 115.
3. Бебеш Д., Колонтари А. Россия в венгерских учебниках истории // Современная Россия в оценках восточноевропейцев. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 197–213.
4. Вайнштейн Г. И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальной интерпретации // Неприкосновенный запас. 2007. № 51. С. 14.

Notes

1. Lotman Y. M. *Semiotika kino* [Semiotics of movie] // About art. SPb.: Art, 1998. P.295.
2. Troshin A. *Ishtvan Szabo: temy i variacii* [Istvan Szabo: theme and variations]. Moscow. 2008. S. 115.
3. Bebesi D., Kolontari A. *Rossiya v vengerskih uchebnikah istorii* [Russia in Hungarian history books] // *Sovremennaya Rossiya v ocenках vostochnoevropceev* [Modern Russia in estimates of east europeans. Moscow. INION, 2009. Pp. 197-213.
4. Weinstein G. I. *Rossiya glazami Zapada: stereotipy vospriyatiya i real'noi interpretacii* [Russia through the eyes of the West: the stereotypes of perception and real interpretation] // *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable reserve]. 2007. № 51. P. 14.

УДК 008:930.85(470) «/8»/ «19»

Н. Н. Гашева

Две киноверсии гоголевской повести «Вий»: культурфилософский аспект

В статье предпринят сравнительный анализ двух киноверсий гоголевской повести «Вий» в культурфилософском аспекте. С опорой на комплексную методологию, сочетающую феноменологию, философскую герменевтику и постструктурализм, в ходе исследования выявляются сходства и различия способов наррации, визуальной символики и интертекстуальных связей в советской экранизации и постмодернистском кинотексте. В результате анализа показана семантическая описательность и эстетическая бедность советской экранизации и полиглотность постмодернистского кинотекста. В методологических подходах к данной проблематике автор статьи использует понятия и категории, выработанные в философии, эстетике, теории культуры. Это позволяет Н. Н. Гашевой выйти на путь формирования собственной новаторской методологии анализа текстов искусства, выделив общие структурные субстанции в культуре, найти и обозначить структурные качества динамического синтеза, присущего текстам искусства и культуры в целом.

The article deals with the comparative analysis of two film versions of "Viy" by N.Gogol from the cultural and philosophical standpoint. Due to a complex methodology combining phenomenology, philosophical hermeneutics and post structuralism the author of the article reveals similarities and differences in types of narration, visual symbolism and intertextual links in the Soviet film version and postmodern film text. The analysis shows that the Soviet film version is a semantic description, characterized by aesthetic poverty, while the postmodern film text has polyglotness. Within the framework of the methodology to the problem under study the author uses concepts and categories developed in philosophy, aesthetics and culture theory. This allows N.Gasheva to get on the path of her own innovative methodology of art text analysis aimed at singling out common structural entities in culture and identification of structural properties of dynamic synthesis inherent to art and culture texts.

Ключевые слова: культурфилософский аспект, комплексный подход, феноменология, философская герменевтика, постструктурализм, традиционная экранизация, кинотекст, повествовательная структура, способ наррации, характер визуальной символики, интертекстуальные связи, деконструкция, культурный код восточнославянского мира, этномиф, смеховая культура, контекстное мышление, ментальность, амбивалентность, линейность, динамический синтез.

Keywords: cultural and philosophical aspect, complex approach, phenomenology, philosophical hermeneutics, post structuralism, classic film version, film text, narrative structure, types of narration, visual symbolism, intertextual links, deconstruction, cultural code of Eastern-Slav world, ethnomyth, culture of laugh, context of thought, mentality, ambivalence, linearity, dynamic synthesis.

Новое прочтение классики в современном кинематографе – примета сегодняшнего времени. Это касается и загадочной гоголевской повести «Вий». С момента ее написания в девятнадцатом столетии и по сей день в среде гуманитариев не утихают споры, относительно генезиса образа главного персонажа, давшего название повести. Да и общий замысел этого мистического и ужасного повествования до сих пор не исчерпан исследователями творчества великого писателя. Существует множество классических и не классических интерпретаций. Достаточно назвать культурфилософские работы С. Франка, Д. Мережковского, А. Белого, В. Розанова, Н. Бердяева,

В. Набокова о Н. Гоголе как о художнике, сочетающем в своей личности и таланте и философа-романтика, и пророка, и юродивого, и глубоко верующего православного христианина.

Но есть еще и исследования представителей отечественной гуманитаристики, К. Мочульского, Ю. Лотмана, Г. Пospelова, Ю. Манна, В. Турбина, И. Золотусского, которые, с разных позиций изучая художественные тексты Н. Гоголя, сосредотачиваются на анализе повествовательных структур его творчества. Н. Гоголь рассматривается ими прежде всего как мастер выразительной художественной формы, сочетающей зрелищность, визуальную вещность, пластичность и игровое начало, связанное своими корнями с народной, смеховой, карнавальской, по терминологии М. Бахтина, культурой Средневековья. Именно эти качества, как мы считаем, делают сочинения писателя столь притягательными для экранизаций.

Культурфилософский анализ двух киноверсий гоголевской повести «Вий» как традиционной экранизации литературного произведения (фильм 1960-х гг.) и как кинотекста (фильм 2014 г.) в контексте смены культурной парадигмы предполагает выявление типичных микроструктурных элементов, позволяющих судить о сходствах и различиях в кинотрактовке гоголевской повести, и использование комплексной методологии, сочетающей сравнительный метод с элементами феноменологии, философской герменевтики и постструктурализма (деконструкция, интертекстуальность).

В условиях разрушения системы советских идеологем, расширения культурного, общественного и индивидуального сознания, в процессе усложнения картины мира в эпоху постмодернизма возникает потребность нового, более объемного, мы бы сказали гуманитарного, взгляда на родную культуру в целом и на творчество Н. Гоголя в частности, как на одного из самых непрочитанных русских гениев, выразителя сокровенного культурного кода восточнославянского мира, о чем нам уже приходилось писать ранее: «Апелляция к А. Пушкину, Н. Гоголю, Ф. Достоевскому рождает многообразие семантики и символики в современном искусстве постмодернизма. Особенно характерно возвращение современной культуры к знаковой фигуре Н. Гоголя (“Голова Гоголя” А. Королева, “Панночка” и “Брат Чичиков” Н. Сакур), в сегодняшнем контексте, не только автора “Вия”, писателя, исследующего экзистенцию “маленького человека”, но и религиозного мыслителя, взглянувшего на мир с христианской точки зрения, первым призвавшего Россию к покаянию и нравственной ответственности» [1].

Экранизация «переводит» литературный, то есть словесный, образ на язык образов пластических, динамических и зримых, использует целый арсенал своих специфических изобразительных средств (монтаж, общий, крупный и средний планы, звук, цвет и свет, широкий формат и др.). Зримый образ, воссоздаваемый фильмом-экранизацией, лишен той «многомерности», которой отличается образ словесный. Кино визуально, а словесное искусство духовно. В основе киноискусства – монтаж, который, с одной стороны, представляет собой техническую процедуру, с другой – это интеллектуальная работа, в процессе которой в результате деятельного участия «структурального человека» [2] из художественного произведения возникает текст, который больше произведения, так как расширяется, рождая новые смыслы. И тогда можно говорить уже о семантико-стилевом характере монтажа.

Рассматривая экранизацию «Вия» 1967 г. (реж. А. Птушко), можно сказать, что здесь использован монтаж именно как техническая процедура.

Киноповествование основано на буквальном подходе к первоисточнику, стремится к дословному переводу его на язык другого искусства. Режиссер пошел по пути натуралистического иллюстрирования всех сюжетных деталей и подробностей. И даже замечательная игра актеров не делает этот фильм ярче, не открывает Н. Гоголя по-новому для зрителя. И этот «Вий», хоть и зовется первым советским фильмом ужасов, совсем не страшен. Ведь чтобы проникнуть в гоголевскую атмосферу греха и воздаяния, покаяния и спасения, недостаточно просто следить за сюжетом. Здесь нужно включить иное зрение и мышление, на уровне ассоциаций и символов.

Новый фильм «Вий» (2014 г., реж. О. Степченко) использует монтаж интеллектуальный. Кино пошло, в новой версии, по пути смыслов, ассоциаций, отсылающих зрительское восприятие не к сюжету повести, а к архетипам коллективного бессознательного. И этот фильм является текстом, а не экранизацией. В новой версии гоголевский сюжет открывается совершенно под другим углом. Прежде всего этот эффект достигается за счет генерализации жанровой структуры киноповествования: в данной трактовке найдется место и традиционной дьявольщине, и магическому триллеру, и остросюжетному, авантюрно-приключенческому жанру странствования романтического героя, и детективному расследованию, и философским размышлениям о добре и зле. Удивительные по красоте виды и эффекты, демоны всех мастей, скандалы-интриги-расследования, прекрасные женщины и злые верующие фанатики, коварные изменники и добропорядочные герои... Не обошлось тут без обычного гоголевского юмора и горилки. Пережив встречу с мо-

гущественным Виём и желающей мести ведьмой, Джонатан Грин, иностранный путешественник, ученый-естествоиспытатель – носитель западноевропейского рационального и скептического сознания, персонаж, органично введенный в ткань гоголевского этномифологического мира режиссером, понимает, что страшнее потустороннего зла могут быть лишь сами люди.

В советском фильме можно обнаружить двойственность режиссерской трактовки гоголевской темы вторжения мистического, потустороннего в обыденную, повседневную жизнь человека. Эта тема занимала Н. Гоголя на протяжении всего его творчества. Советский режиссер, ограниченный обстоятельствами идеологического прессинга и цензуры, пошел путем упрощения художественного и философского смысла повести. Инфернальное в фильме выглядит как сказочное, страшное и ирреальное напоминает детские страшилки. Характерная для писательского мышления амбивалентность мистического и профанного преодолевается в советской киноверсии за счет разрыва тесного единства реалистических («передовых») и «фантастических» (связанных с потусторонним, ирреальным) картин гоголевской повести. Задача режиссера – провести четкую грань между фантастическим элементом пьесы и реальностью, снизить романтическое ее звучание. «Вий» 1967 г., как отмечалось выше, совершенно не страшен, в то время как сама повесть Н. Гоголя при прочтении навеивает мистический ужас.

Ученые не раз обращались к разбору сюжета и образов повести Н. Гоголя и находили им соответствия в фольклоре восточнославянских народов, однако образ самого Вия оставался необъяснимым. Более того, было высказано мнение, что он выдуман писателем. То есть можно предположить, что Н. Гоголь специально мистифицировал читателя, поступил, с нашей точки зрения, как истинный постмодернист. Между тем Н. Гоголь, отлично знакомый с украинской этнической традицией, утверждал, что народу принадлежит и образ Вия, и его имя, и вся повесть. Таким именем называется начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Однако ни в одном украинском народном предании нет такого сюжета с гномами и их «начальником» Виём. А потому Н. Гоголь не имел возможности слышать это предание. Предание – это «народное сказание», точнее, те рассказы и воспоминания, которые не вступают в круг четко обособившихся жанров: былин, исторических песен, духовных стихов, сказок, легенд и анекдотов. Цель этнического предания – закрепить прошлое, так как в народной среде к нему относятся традиционно с воодушевленным доверием (в отличие, к примеру, от сказки и анекдота, которым чаще всего вообще не верят). К области предания относятся не только имена богов и героев, но и все чудесное, волшебное, с чем была связана жизнь предков. Вероятно, Н. Гоголь понимал под преданием все то, что связано с волшебными и магическими действиями.

Речь, конечно, должна идти о гномах в осмыслении Н. Гоголя, а совсем не в обычном их понимании. Гномы – выдуманные создания из германского и скандинавского фольклора, человекоподобные карлики, живущие под землей. В разных мифологиях их можно обнаружить под разными именами («цверги», «дварфы», «карлики», «свартальвы» (черные эльфы)). Само слово «гном» известно со времен Парацельса (XVI в.). Гномам приписывается ношение длинных бород у мужчин, маленький рост, незаметность, богатство и кузнечное мастерство; гномы-женщины называются гномидами и славятся красотой. Гномы традиционно любят дразнить людей, однако делают им больше добра, нежели зла. Гномы – обожаемые герои западноевропейских сказок. Вместе с тем гномы Н. Гоголя имеют совсем другую природу и совсем другой вид и не имеют ничего общего с видами гномов в западноевропейском мифологическом предании. Н. Гоголь подразумевает под гномами духов и вообще нечисть (обитателей потустороннего мира). Таким образом, Вий считается «начальником» нечисти в волшебных и магических повестях восточных славян.

Режиссер нового фильма придерживается ведической версии мистической природы и инфернальных возможностей и функций Вия в судьбе согрешившего человека. Такой подход синтезирует все имеющиеся в мифологической культуре знания о гномах и злых духах. Известно, что ведическое познание считается наиболее древним на Земле и его отзвуки можно отыскать в разных фольклорно-мифологических системах. Ярче всего оно проявилось в индийском эпосе и славянской мифологии. Не удивительно, что при всей кажущейся произвольности, фантастические образы Н. Гоголя подчинены глубочайшему внутреннему смыслу. Вий – одно из старейших божеств – сын Чернобога, поддерживающий порядок в подземном мире для падших душ. Вий стоит во главе ужасного войска нечисти. Он не выносит солнечного света и имеет тяжелые веки. Его действия – возмездие за грехи человеческие. Исходя из вышесказанного, становится ясной смерть далеко не безгрешного Хомы Брута.

Линейность наррации в советском «Виём» делает изображение обыденным и однозначным. Это банальный пересказ гоголевской повести, ничего не добавляющий к первоисточнику, но лишенный романтической ауры гоголевского фантастического реализма. В современной киноверсии автор фильма весьма вольно обращается с первоисточником, ломая традиционные стереоти-

пы восприятия классики, максимально приближает гоголевский текст к восприятию современного зрителя. Экранное, «клиповое» мышление, приученное сегодня к резкой смене и динамике раскадровки, ускоренному ритму в смене впечатлений, напряженной экспрессионистской цветовой гамме, диссонансам и контрастам аудиоряда, лихо закрученной интриге сюжета в интертекстуальном смешении жанров мистического триллера, психологической мелодрамы, ужасика, «черной комедии», апокрифа, романтической сказки, получает возможность непосредственного приобщения к соучастию в экранном зрелище.

Этому служат не только типичные для постмодернистского творческого дискурса приемы вовлечения зрителя в интертекстуальное пространство нового кинотекста (расширение исходного текста за счет активного цитирования других произведений писателя: «Арабески», «Ревизор», «Женитьба», «Майская ночь, или Утопленница», «Мертвые души», цитаты из жизни и судьбы самого Н. Гоголя, использование репризы, структуры палимпсеста), но и технические возможности кино как визуального искусства, в частности эффект перформанса, достигаемый в том числе и благодаря особенностям формата 3D.

Мы рассмотрели художественное произведение (в нашем случае речь идет об экранизации как вторичном художественном произведении по отношению к литературному первоисточнику) и текст (в нашем случае – кинотекст), выделили для проведения сравнительного анализа в обоих фильмах ряд типичных микроструктурных элементов, позволяющих судить о сходствах и различиях в кинотрактовке гоголевской повести. В нашем исследовании такими элементами являются: 1) способ рассказывания сюжета (наррация). В экранизации советского времени киноповествование следует по пути буквального копирования фабулы гоголевской повести, обусловлено линейным монтажом, отсюда – иллюстративность, эмпирическая описательность; в то время как создатели кинотекста в новом прочтении обращаются к контрастному монтажу, сочетая репризность, элементы палимпсеста и перформативности. Для постмодернистского кинотекста характерны нарушение последовательности изложения, разрушение хронотопа, амбивалентность верха и низа, реальности и вымысла, сна и яви, включение в синтетическую структуру кинотекста новых персонажей и децентрация рассказывания – введение свидетеля происходящих невероятных событий со стороны – иностранца, который даже говорит на другом языке, что усиливает семантическую и стилевую полиглотность кинотекста, требует перевода с языка на язык, рождает трудности понимания, умножает число ракурсов восприятия и оценок, допускает возможность наложения друг на друга разноуровневых, вариативных интерпретаций одной и той же небылицы про Вия; 2) характер визуальной символики. Это проявляется прежде всего в изображении демонических персонажей. Можно говорить о разрыве обыденного и фантастического в советском фильме как следствии влияния цензурных запретов в советском фильме и явной тенденции к нагнетанию сюрреалистической образности, визуальной экспрессии, фантазмагории ужасного и ирреального в новой киноверсии, использовании поэтики сновидения и даже галлюцинаций, балансирующей на грани реальности, здравого смысла и болезненного сдвига психики, кошмарного видения, бреда, – в изображении нечистой силы, ведьм, колдунов, демонов; 3) интертекстуальные связи, отсутствующие в советском фильме и актуализированные в постмодернистской версии, преимущественно, за счет вербального и визуально-символического цитирования других гоголевских текстов, его собственной биографии и духовной судьбы, – всего того, что расширяет рамки художественного произведения до текста, превышающего самого себя.

В результате в новой киноверсии органично присутствие личности самого писателя в сотворенном им же самим художественном мире, ощущается стиль его человеческого поведения, мистика его духовной судьбы, – всего этого в старом фильме нет. Поэтому он – одномерный, описательно-иллюстративный и не передает фантазмагорической атмосферы гоголевского inferнального мира. Деконструированный авторами новой киноверсии гоголевский текст разложен на отдельные элементы и структурирован заново – с приращением смысла. Сюжет лишен последовательности, материал рассказывания распределен между несколькими рассказчиками. В контекст киноповествовательной структуры введен контрастный, по отношению к персонажам гоголевского поэтического предания, взгляд на малороссийский этномифологический мирок со стороны – с позиции иной культурной ментальности – взгляд носителя рационального мировоззрения, ученого, атеиста, оттеняющий мистический и философский смысл всей чудесной истории, рассказанной писателем. В результате современному зрителю, так же как и иностранному путешественнику, герою фильма, никак не удастся отделить правду от фантазии, то, что было на самом деле, от домыслов, вранья, сознательного или бессознательного, явь – от болезненного кошмарного сновидения, настоящее – от галлюцинаций алкогольного опьянения, бредовых видений на уровне коллективной белой горячки, и даже, возможно, реальной мистики, выплесков из преисподней подлинных персонажей нечистой силы, – вплоть до самого финала, когда, бук-

важно вдогонку с заключительными титрами фильма, туда, в благоустроенную и прагматичную западную жизнь, ученый-иностранец, обалдевший от восточнославянского иррационализма, невольно для себя, увозит, невольной контрабандой, маленького, юркого и вездесущего гоголевского бесёнка. И на этом амбивалентном балансировании от мистики и бреда к реальности, от смешного до ужасного, высокого и низкого, то есть на этой игре, карнавальности народной жизни в ее первоисточках, с натурализмом подробностей веселого и страшного, избыточности экзотического колорита, – выстроен вполне убедительный, адекватный, динамичный образ неповторимого гоголевского воображения.

Мы убеждены, что заявленная нами проблематика и предложенная методология исследования текстов культуры творчески раздвигает рамки современного дискурса, способствует формированию контекстного мышления, не замыкающегося в самом себе, а открывающего новые формы опыта и методы познания в пограничных с ним областях ментальности.

Примечания

1. Гашева Н. Н. Новое качество отечественного постмодернизма: преодоление синкризиса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(1). С. 90.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 115.

Notes

1. Gasheva N. N. Noye kachestvo otechestvennogo postmodernizma: preodolenie sinkrizisa [A new quality of Russian postmodernism: surmounting-tion sinkrizisa] // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian uni-versity. 2013. № 2 (1). P. 90.
2. Bart R. Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1994. Pp.115.

УДК 316.1

Н. Н. Малахова

Социально-философские аспекты трансформации трудовых отношений в инновационной экономике

В статье анализируются социально-философские аспекты изменения роли и места работника в системе трудовых отношений, складывающихся в инновационной экономике. Демонстрируется причины и последствия усиления творческого компонента в трудовой деятельности и связанное с этим изменение требований к личностным качествам работника. Рассматриваются последствия всемерного стимулирования креативности и проблемы, возникающие при включении креативных сотрудников в производственные процессы и трудовой коллектив. Рассматриваются новые формы организации трудовой деятельности и занятости, связанные с необходимостью максимального использования творческого потенциала работников, такие, как фрилансерство и «Cloudworking», с точки зрения их преимуществ и недостатков. Делается вывод о том, что в рамках инновационной экономики происходит утилизация творческого потенциала человека через его подчинение капиталу.

The article analyzes the socio-philosophical aspects of the labour relations peculiarities changing in the innovation economy. It is shown the causes and consequences of the creative component in the labour force increasing, that makes change the requirements to the personal qualities of the employee. It is considered the consequences of stimulating creativity and problems, which grows with the inclusion of creative employees in production processes and the work team. Also, the article deals advantages and disadvantages of the new forms of organization of labor activity and employment such as «Cloud working» and being as a freelancer. It is concluded that in the framework of the innovative economy is the disposal of human creativity through its subordination to capital.

Ключевые слова: инновационная экономика, трудовая деятельность, социально-трудовые отношения, творчество, креативность.

Keywords: innovation economy, innovation activity, social and labor relations, labour, creativity.

Вопросы, связанные с формированием инновационной экономики и анализом различных аспектов ее функционирования, являются широко освещаемыми, дискутируемыми на разных уровнях, чрезвычайно популярными и актуальными. Столь пристальное внимание к инновационной проблематике обусловлено тем, что инновации рассматриваются сегодня в качестве основного двигателя экономического роста как на микро-, так и на макроэкономическом уровне, а в масштабах глобального рынка вопрос успешности инновационной деятельности становится одним из важнейших факторов обеспечения конкурентоспособности государства. Выход проблематики инновационного развития на политический уровень еще больше подчеркивает важность рассмотрения различных вопросов инновационного развития экономики и общества в целом.

Различные аспекты функционирования инновационной экономики достаточно подробно и полно проанализированы в специальных экономических исследованиях. Однако инновация является не только экономическим, но и социальным процессом, требующим для своего осуществления соответствующих социокультурных условий. Эта особенность инновации требует ее осмысления в рамках неэкономических дисциплин, в частности с позиции социальной философии. Важность рассмотрения инновации с точки зрения социальной философии, на наш взгляд, обусловлена также тем, что в стремлении создать условия, способствующие эффективному функционированию инновационной экономики, общество изменяет не только социальные отношения, но и социальные институты в целом. Между тем процессы функционирования и эволюции социальных институтов и социальных ценностей, анализ причин, определяющих характер и динамику социальной жизни являются предметом рассмотрения именно социальной философии. Кроме того, несмотря на достаточную разработанность экономических аспектов осуществления инновационной деятельности и особенностей функционирования инновационной экономики, анализу процессов и последствий трансформации современного общества в целом и отдельных его институтов в частности не уделяется достаточного внимания, хотя последствия могут быть достаточно серьезными и негативными. Осуществление социально-философского анализа специфики и последствий влияния инновационной экономики на социальные институты позволит сделать очередной шаг в осмыслении и интерпретации инновационных процессов как фактора трансформаций современного общества, а также указать на возможные негативные последствия.

Одним из предметов рассмотрения социальной философии является трудовая деятельность, а также социально-трудовые отношения. Необходимо отметить, что под влиянием инновационного императива они претерпевают определенные изменения и приобретают новые качества. В основе изменений лежит обусловленная особенностями осуществления инновационной деятельности необходимость максимального и эффективного использования творческого потенциала рабочей силы. Реализация этой задачи приводит к изменениям требований к личностным характеристикам работников, а также принципов и механизмов организации трудовой деятельности. Рассмотрим эти изменения поэтапно.

Экономика, основой которой было массовое фабричное производство, нуждалась в работниках, обладающих следующими качествами: дисциплинированных исполнителей, обладающих четко очерченным кругом стандартизированных знаний, работников, от которых требовалось совершение рутинных действий по раз и навсегда заданной схеме. Творчество в сфере производства, если и было необходимо, то в относительно небольших количествах и скорее было функцией организатора производства – предпринимателя, а не рядовых сотрудников. Выбирая между возможностями найма обладающих яркой индивидуальностью творческих сотрудников и менее оригинальных покладистых конформистов, предприятия отдавали предпочтение легко вписывающимся в коллектив приспособленцам. У. Уайт обращает наше внимание, на то, что еще в 50-е гг. XX в. в фильме, который показывали перед поступлением на работу в химическую компанию Monsato, ученым сообщалось: «Гениям здесь не место, у нас рука об руку трудятся обычные американцы» [1]. Даже в научных лабораториях руководство ради стабильности готово было избавиться от талантливых, но эксцентричных или неуживчивых ученых, у которых могли возникнуть сложности с адаптацией в коллективе [2].

Переход капиталистической экономики в фазу развития, характеризующуюся исчерпанием возможностей экстенсивного развития традиционных производств и отраслей и их функционирования в условиях товарного перепроизводства, и перепотребления детерминировал ее фундаментальную зависимость от инноваций, что нашло отражение в определении современной экономики как инновационной. В инновационной экономике быстрая и эффективная замена старых технологий новыми, более эффективными, становится не только возможной, но и необходимой, так же как и постоянный выпуск новых товаров или новых модификаций уже существующих. Это, в свою очередь, в корне меняет отношение к проявлениям творческой активности со сторо-

ны рядовых сотрудников. Постоянные и быстрые изменения рыночной конъюнктуры, сами, по сути, являющиеся результатом инновационной деятельности, вынуждают предприятие, в целях сохранения своих рыночных позиций, с одной стороны, непрерывно заниматься разработкой новых товаров или модификаций уже выпускаемых, а с другой – так же постоянно модернизироваться, подстраиваясь под изменяющиеся условия. Перманентный поиск и нахождение более быстрых, дешевых и эффективных методов работы становится в связи с этим важной составляющей трудовых обязанностей работников. Кроме того, отличительной особенностью современной экономики является то, что «главными источниками прибыли – особенно большой прибыли и завтрашнего капитала – все больше становятся идеи, а не материальные объекты» [3]. Все это делает не просто желаемым, но необходимым творческое отношение к труду со стороны всех без исключения участников трудового процесса, а работники предприятия рассматриваются в качестве одного из основных источников идей, касающихся производства инноваций. Даже в условиях фабричного производства от рядовых рабочих сегодня ожидается, что они будут не просто следовать указаниям, выполняя однообразные механические операции, а проявят себя более активно, постоянно совершенствуя методы работы [4]. Креативность, понимаемая как способность к творчеству, сегодня рассматривается как новый ключ к производительности, а наличие креативных сотрудников – как конкурентное преимущество. Требуя от работника наличия и проявления креативности, работодатель со своей стороны стимулирует ее всеми доступными способами, а также предоставляет возможности для раскрытия и реализации творческих способностей. Более того, по мнению Р. Флориды, поощрение и культивирование креативности становится задачей уже не только работодателя, но и самих сотрудников фирм, а также сообществ, где эти фирмы расположены [5]. На уровне общественного сознания подобное отношение к творчеству, а также оценка его роли в трудовой деятельности фиксируется в целенаправленно формируемых установках. А. С. Кармин называет их мифами (мифологемами) в силу их недоказуемости при кажущейся очевидности. К этим мифологемам относятся утверждения: «всякий труд есть творчество, или во всяком труде есть место творчеству», «все люди рождаются творцами и стремятся заниматься творчеством» и «творчество всегда желательно, и плоды его замечательны» [6].

Социальная роль работника, таким образом, начинает приобретать существенные характеристики инновационной роли, которую, по определению П. Штомпки, отличает встроенность в ее структуру predispositions и prerogatives для проведения нормативных инноваций, независимо от того, кто конкретно исполняет эту роль [7]. Способность к творчеству в целом и способность к инновационной деятельности в частности становятся общественным ожиданием по отношению к работнику независимо от его индивидуальных, субъективных качеств.

Как правило, усиление творческого компонента в производственной деятельности оценивается однозначно позитивно, поскольку этот процесс рассматривается в качестве показателя гуманизации и социализации экономики, демонстрирует реализованную возможность сочетания объективных потребностей общества с интересами человека и развитием его творческой, созидательной активности. Творческая деятельность в процессе осуществления трудовых обязанностей рассматривается также как способ самореализации работника и преодоления им отчуждения труда, характерного для трудовой деятельности в капиталистическом обществе.

Однако хотелось бы обратить внимание и на ряд проблемных моментов.

Творческая активность, согласно исследованиям психологов, связана с изменением состояния сознания, психическим перенапряжением и истощением, что, в свою очередь, вызывает нарушения психической регуляции и поведения, а также может продуцировать психофизиологическое истощение и приводить к крайним эмоциональным состояниям [8]. Для творческих людей характерны высокий уровень тревожности и плохая адаптированность к социальной среде, поскольку собственное видение мира, оригинальное бесконтрольное мышление и поведение, как правило, сочетаются с ярко выраженной нонконформистской позицией. Процесс целенаправленного повышения креативности, согласно гипотезе исследователя психологии креативности В. Н. Дружинина, имеет системный характер, выражающийся в том, что изменение креативных свойств индивидуума сопряжено с воздействием на широкую область эмоционально-личностных свойств и ограничить производимый эффект лишь сферой креативности, по-видимому, невозможно [9]. Таким образом, всемерно стимулируя развитие креативности, работодатели рискуют получить работников, обладающих следующими характеристиками – асоциальных невротиков, с периодическими нарушениями психической регуляции и поведения. Кроме того, в своем стремлении максимально задействовать творческий потенциал работников, компания оказывает значительное и постоянно возрастающее давление на сотрудников, поскольку конкурентоспособность предприятия, занимающегося инновационной деятельностью, зависит не только от качества перемен, но и от их темпа. К. Нордстрем и Й. Риддерстрале, авторы работы «Бизнес в стиле

фанк» демонстрируют постоянное ускорение темпов инновационной деятельности следующими фразами: «Инновационность означает конкуренцию с самим собой. Главное послание руководства компаний в Силиконовой Долине своим отделам развития: “Сделайте устарелой свою собственную продукцию”. Если вы не готовы к актам саморазрушения, уверяем вас, это сделают ваши конкуренты» [10]. Эта непрекращающаяся и все время ускоряющаяся «гонка за новизной» значительно повышает уровень стресса у работников, что, в свою очередь, может отрицательно влиять на креативность и на эффективность работы творческих сотрудников.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы нам видится анализ места и роли креативных работников, выступающих в качестве общественного класса, играющего определенную роль в системе общественного производства. По мнению Р. Флориды, усиление роли творческой деятельности в производственных процессах, высокая востребованность креативности как личностного качества работника приводит к формированию нового класса, который он называет «креативным классом» [11]. Р. Флорида отмечает, что в США сегодня этот класс не только превосходит по численности рабочий класс (уступая, правда, при этом обслуживающему), но и, «благодаря своей решающей экономической роли, является наиболее влиятельным» [12]. Анализ особенностей занятости (например, режима работы) представителей «креативного класса», между тем демонстрирует, что, несмотря на усиливающееся влияние креативных сотрудников как класса, в их положении можно найти несколько негативных моментов. Так, Р. Флорида отмечает, что одной из определяющих характеристик занятости представителей креативного класса является самая длинная продолжительность рабочего дня [13]. С одной стороны, эта особенность объективно обусловлена природой творческого процесса, который отличается спонтанностью, импульсивностью, а значит, непредсказуемостью, в связи с чем зачастую не подчиняется временным ограничениям и не вписывается в рамки традиционного рабочего времени. Основатель компании «Сони» Акио Морита сказал: «Я могу приказать рабочему прийти на работу в семь утра и работать производительно, но разве я могу велеть, чтобы ровно в семь моему инженеру пришла в голову удачная мысль?» [14] Кроме того, творчество самодовлеюще, и завершение творческого процесса может прийти на время, когда работник уже покинул рабочее место. Эта особенность уже подмечена представителями современного менеджмента и используется ими в интересах предприятия. Так, менеджеры отмечают, что ценность «мозгового штурма» как техники стимулирования креативности состоит в том, что интересные решения рождаются у его участников не только во время самого «мозгового штурма», но и после его окончания: люди возвращаются с работы домой, а их мозг продолжает обрабатывать полученную информацию. Однако в таком случае работники придумывают идеи инновационных продуктов и технологий в свое свободное время, посвящая его не себе и своим близким, а организации, что, по сути, и означает увеличение продолжительности рабочего дня. Еще одним проявлением расширения рабочего дня за счет латентного включения в его структуру части свободного времени является самосовершенствование работников [15], в процессе которого они стремятся повысить уровень своего образования, владения трудовыми навыками и т. п. Причем все это осуществляется не за счет средств компании, а за счет собственных средств. Согласно анализу Бэтт и Кристоферсон, нью-йоркские специалисты по новым СМИ тратят в среднем 13,5 часов в неделю (то есть треть от 40-часовой рабочей недели дополнительно) на приобретение новых навыков, не получая за это денежной компенсации [16]. В результате, по справедливому замечанию П. Кондрашова, «происходит то, о чем так мечтали классические капиталисты, – увеличить рабочий день работника до его физических пределов!» [17]. Работник, убежденный в том, что он, являясь творцом по своей природе, может и должен реализовывать свои творческие способности на рабочем месте, воспринимающий работу как средство самовыражения, призвание, предназначение и социальную миссию, начинает более усердно трудиться на благо компании и, по сути, представляет собой «золотую мечту» работодателя в современных условиях. Скорректировав его творческие устремления и направив их в нужное русло, работодатель может многократно увеличить свою прибыль, а главной наградой работника может оказаться только удовлетворение потребности в самореализации.

Однако обещанная самореализация вряд ли возможна в подлинном смысле этого слова, поскольку творческая деятельность, а значит, и свобода творчества в рамках производственных процессов обусловлена, ограничена и подчинена задачам, стоящим перед предприятием. По справедливому замечанию Терезы Амабайл, «для творческой идеи как фактора развития бизнеса недостаточно одной оригинальности. Она должна быть уместна, т. е. полезна и выполнима, а ее реализация должна тем или иным способом повлиять на бизнес» [18]. Более откровенно высказались отечественные авторы: «В бизнесе есть место для творчества, но оно не должно быть первичным, в бизнесе первична лишь прибыль, а творчество должно укладываться в жесткие рамки процесса ее достижения. Мы не отрицаем интуицию... но чтобы избежать провала из-за чрезмер-

ного полета фантазии создателей, мы должны четко обозначить рамки для творческого процесса» [19].

Необходимость включения в производственные процессы элементов творческой деятельности, противоположных им по своим сущностным характеристикам (творчество спонтанно, импульсивно, надситуативно, а коллективная производственная деятельность должна быть организованной, с прогнозируемыми результатами, поддаваться планированию и оценке с точки зрения экономической эффективности) приводит к трансформации традиционных форм организации трудовой деятельности, а также появлению принципиально новых форм. Так, по словам Р. Флориды, «график работы, корпоративные правила и форма одежды стали более либеральными, подчиняясь особенностям творческого процесса» [20]. Получают широкое распространение гибкие, плюральные формы неполной занятости: ослабляется жесткость временного присутствия, создаются рассредоточенные отделы. Плюрализация рабочего времени и форм занятости объявляется необходимым критерием развитого на инновационных технологиях общества [21]. Одной из форм занятости креативных работников становится фрилансерство, отличительной особенностью которого является наём работника только для выполнения определённого перечня работ без заключения долгосрочного договора с работодателем. Вопросы организации рабочего места и времени в этом случае решаются самим работником. Как правило, популяризация этой формы занятости сопровождается описанием ее достоинств, таких, как возможность самостоятельно планировать трудовой распорядок, отсутствие необходимости каждый день присутствовать в офисе (что отвечает интересам креативных сотрудников, позволяет учесть особенности протекания творческих процессов и повысить эффективность творческой деятельности), а также возможность неограниченного повышения уровня доходов и т. п. Кроме того, гибкость и инициативность креативных фрилансеров подается как пример динамически растущей экономики завтрашнего дня. Однако необходимо отметить, что в первую очередь подобные формы организации преследуют не интересы креативных работников, а интересы работодателя, поскольку работодатель получает возможность в полной мере использовать творческий потенциал работника, освобождаясь от всякого рода социальных обязательств перед ним. Так, в России с фрилансерами заключается, как правило, не трудовой, а гражданско-правовой договор, который не влечет никаких обязательств со стороны работодателя, вплоть до того, что оформление отношений с налоговой инспекцией и процедура уплаты налогов также становится обязанностью самого работника. Кроме того, К. Кульман, автор книги «Echtleben» о своей креативной вольнонаёмной жизни, констатирует тот факт, что фрилансеры соглашались на более низкие гонорары, чем их коллеги, и практически раздаривают свои идеи, патенты [22]. Так то, что получило название «трудовая модель будущего», обещавшая больше свободы, меньше иерархий и больше возможности самореализации, на самом деле не улучшает положение работника, а в социальном плане ухудшает его.

В выигрыше в результате остается не работник, а работодатель, особенно в том случае, если в качестве работодателя выступает крупная корпорация. По сути, получает воплощение форма организации инновационной деятельности, предсказанная теоретиком инновационных процессов Й. Шумпетером. Анализируя особенность инновации, он отмечал, что «инновация дает возможность новой фирме получать прибыли лишь некоторое время, в конце концов, она выбывает из конкуренции и приходит в упадок» [23]. Но есть и исключения – случаи гигантских компаний, которые являются каркасом для сменного персонала, который в свою очередь последовательно проводит инновации. Первыми такой способ организации инновационной деятельности опробовали в силу специфики своей деятельности и возможностей использования механизмов дигитализации ИТ-компаний. Так, концерн IBM разработал, впервые применил и продолжает массово применять технологию «Cloud working». Стремясь сделать свою организацию труда радикально гибкой, концерн ведет политику максимального сокращения основной команды сотрудников одновременно с применением механизмов гибкого рекрутирования остальных работников посредством виртуальной сети. Первоначально подобный метод, названный «cloudsourcing», применялся по отношению к потребителям продуктов с целью использования их отзывов о продукции в качестве источника идей по усовершенствованию или созданию новых товаров. Сегодня этот метод используется для привлечения к решению определённых проблем или задач «тучи» или «роя» интернет-пользователей, в нашем случае уже в качестве внештатных сотрудников, и находит применение и в обычной организации труда на предприятиях. Механизмы дигитализации, широко используемые в современном обществе, только способствуют применению «cloudsourcing», а в нашем случае «Cloud working» к принципам организации трудовой деятельности. Применение этих технологий, в свою очередь, позволяет использовать творческий потенциал сотрудников, избегая проблемных моментов в организации их деятельности, и прекращать

с ними отношения, как только они перестают быть полезными. Людям, потерявшим работу, «в наше время даже в голову не приходит протестовать», – писала газета New York Times в августе 2001 г. [24] Работники принимают ситуацию отсутствия постоянной занятости как данность, в том числе и потому, что в общественном сознании культивируется мысль о том, что частая смена работы – это нормальное явление в условиях быстрых перемен и неопределенности, порождаемых инновационной экономикой.

Достигаемая за счет применения описанных выше механизмов децентрализация организации труда креативного класса способствует усилению его разобщенности, ибо индивидуализированные и пространственно разрозненные работники уже считаются практически неорганизуемыми [25]. В этих условиях креативный класс не сможет защищать свои интересы, а значит, его социально-экономическое положение будет ухудшаться вопреки оптимистичным прогнозам.

Таким образом, действие механизмов инновационной экономики влияет на изменение личностных качеств работников, трансформирует систему социально-трудовых отношений в направлении утилизации творческого потенциала человека через его подчинение капиталу, создает новые формы занятости, позволяющие работодателю максимально использовать творческий потенциал работника при минимуме социальных гарантий со своей стороны.

Примечания

1. Брукс Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 118.
2. Там же. С. 117.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 163.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005. С. 104–105.
5. Там же. С. 7.
6. Кармин А. С. Творчество как фердипюкс // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. V: Теория и методология современной культурологии / отв. ред. Д. Л. Спивак. М.; СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 119.
7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 540–541.
8. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999. С. 175.
9. Там же. С. 226.
10. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2003. С. 221.
11. Флорида Р. Указ. соч. С. 10.
12. Там же. С. 11.
13. Там же. С. 127.
14. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 89–90.
15. Кондрашов П. Глобализация и развитие индивида // Свободная мысль. 2010. № 10(1617). С. 203.
16. Флорида Р. Указ. соч. С. 119.
17. Кондрашов П. Указ. соч. С. 202.
18. Амабайл Тереза М. Как убить творческую инициативу // Креативное мышление в бизнесе: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 9.
19. Тамберг В., Бадьин А. Бренд. Боевая машина бизнеса. URL: <http://www.olbuss.ru>
20. Флорида Р. Указ. соч. С. 7.
21. Хомутова Н. Н. «Креативность» и «творчество» личности в обществе инноваций // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2012. № 3(18). С. 94.
22. Хольгер М. Тэйлоризм 3.0. URL: <http://liberadio.noblogs.org/>
23. Schumpeter J. A. Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process. N. Y., 1939. P. 69.
24. Флорида Р. Указ. соч. С. 138.
25. Хольгер М. Указ. соч.

Notes

1. Brooks D. Bobo v rayu: otkuda beretsya novaya elita [Bobo in Paradise: where does the new elite]. M.: Ad Marginem Press, 2013. P. 118.
2. Ibid. P. 117.
3. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [The flowing present]. SPb.: Peter, 2008. P. 163.
4. Florida R. Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushee [Creative class: people who change their future]. Moscow: Classic XXI, 2005. P. 104–105.
5. Ibid. S. 7.

6. Carmine A. Tvorchestvo kak ferdipyuks [Creativity as ferdipyuks] // Fundamental'nye problemy kul'turologii. T. 5. Theory and Methodology of contemporary cultural. Moscow: Petersburg: The new chronograph, Eidos. 2009. P. 119.
7. Sztompka P. Sociologiya. Analiz sovremennogo obshestva [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos, 2005. P. 540–541.
8. Druzhinin V.N. Psihologiya obshih sposobnostei [Psychology of general abilities]. SPb.: Peter, 1999. P. 175.
9. Ibid. S. 226.
10. Nordstrom K., Ridderstrale J. Biznes v stile fank: kapital plyashet pod dudku talanta [Funky Business: Capital dancing to the tune of talent] Petersburg: The Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2003. P. 221.
11. Florida R. Op. cit. P. 10.
12. Ibid. P. 11.
13. Ibid. P. 127.
14. Toffler E., Toffler H. Revolyucionnoe bogatstvo [Revolutionary Wealth]. Moscow: ACT: ACT MOSCOW, 2008. P. 89-90.
15. Kondrashov P. Globalizaciya i razvitie individa [Globalization and the development of the individual] // Svobodnaya mysl' [Free Thought]. 2010. № 10 (1617). P. 203.
16. Florida R. Op. cit. P. 119.
17. Kondrashov A. P. Op. cit. P. 202.
18. Amabile Teresa M. Kak ubit' tvorcheskuyu iniciativu [How to kill the creative initiative] // Kreativnoe myshlenie v biznese [Creative thinking in business] Moscow: Alpina Business Books. 2006. P. 9
19. Tamberg B., Badin A. Brend. Boevaya mashina biznesa [Brand. Fighting machine of business]. URL: <http://www.olbuss.ru>
20. Florida R. Op. cit. P. 7.
21. Chomutov N. N. «Kreativnost'» i «tvorchestvo» lichnosti v obshestve innovacii ["Creativity" and "creation" of the individual in society of innovations] // Bulletin of the Volgograd State. Univ. Part. 7. Philosophy. 2012. № 3 (18). P. 94.
22. Holger M. Teilorizm 3.0. [Taylorism 3.0.] URL: <http://liberadio.noblogs.org/>
23. Schumpeter J. A. Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process. N. Y., 1939. P. 69.
24. Florida R. Op. cit. P. 138.
25. Holger M. Op. cit.

УДК 94(470)"1891"

Г. Н. Кочешков

М. Н. Покровский об идеологических основах крестьянской реформы 1861 г.

Статья посвящена истории подготовки и реализации крестьянской реформы в трудах М. Н. Покровского – создателя марксистской историографической школы. Анализируются два подхода в подготовке широкомасштабных мероприятий, связанных с отменой крепостного права, – консервативный и либеральный. Изучены дискуссии представителей различных направлений. В статье дана характеристика основных доводов сторонников консервативного и либерального направлений. Будучи историком-марксистом, М. Н. Покровский пытался показать данную дискуссию с позиций экономического материализма. Анализируется работа редакционных комиссий, которые стремились не допустить активного обсуждения крестьянского вопроса среди дворянства. Анализируя труды Покровского, автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на крайне ограниченный характер, тем не менее, отмена крестьянского права и буржуазные реформы 1860-х гг. расчистили путь для развития капиталистических отношений в России.

The article is devoted to the history of the preparation and the realization of the peasant reform in the works of M. N. Pokrovskii – the creator of the Marxist historiographical school. In the article is analyzed two approaches in the preparation of the wide large-scale measures, connected with the abolition of the serfdom – conservative and liberal. The discussions among the representatives of the different directions are examined. In the article is given the description of the based arguments of the supporters of the conservative and liberal trends. As the Marxist-historian M. N. Pokrovskii tries to show such discussion from the position of the economical materialism. Analyzed the activity of the Editorial Boards, who wanted not to permit to the active discussion of the peasant question among the gentry. Analyzing the works on Pokrovskii the author of the article came to the conclusion that in spite of the extremely limited character of the peasant reform the abolition of the serfdom and liberal reforms in 1860-years are opened the way to the capitalist relations in Russia.

Ключевые слова: крестьянская реформа, крепостное право, марксистская историография, консерватизм, либерализм, экономический материализм, редакционные комиссии.

Keywords: peasant reform, serfdom, Marxist historiography, conservative, liberal, economical materialism, Editorial Boards.

60–70-е гг. XIX в. характеризовались глубокими изменениями в социально-экономической жизни страны. Русское общество нуждалось в переменах, крестьянское население, составлявшее абсолютное большинство жителей империи, не желало больше терпеть того униженного положения, в котором оно находилось в течение многих веков. В воздухе витала новая пугачевщина, жуткая и страшная в своей неведомой стихии. Волнения первой половины 50-х гг. усилили этот страх.

По свидетельству А. И. Кошелева, «последняя война (Крымская. – Г. К.) возбудила во многих сильные опасения насчет возмущений, могущих вспыхнуть в случае, если неприятель проникнет во внутренность империи и провозгласит вольность... Притом есть другая, несравненно большая, к нам ближайшая, домашняя беда, которая грозит нам ежечасно... Число раскольников постоянно увеличивается; новые безусловно враждебные правительству толки возникают и усиливаются; связи между ними становятся все теснее и теснее; Боже сохрани, если явится какой-нибудь Пугачев; кровь польется рекою; не только люди более образованные, но и само правительство не будет в состоянии себя защитить ни войсками, ни крепостями. Это обстоятельство так важно, что его одного достаточно, чтоб убедить в необходимости всячески ускорить уничтожение крепостного состояния» [1].

Царскому правительству необходимо было решиться на радикальный шаг, чтобы не допустить новую «жакерию». После долгих, жарких споров в правительственных кругах наконец было опубликовано «Положение 19 февраля 1861 года».

Изучение подготовки и отмены крепостного права в России имеет важное значение для понимания процессов исторического развития страны второй половины XIX в. Эта проблема неоднократно являлась предметом научного исследования отечественных историков; внес свою лепту и М. Н. Покровский, который уделил большое внимание подготовке и реализации крестьянской реформы, рассмотрев ее с классовых, марксистских позиций. В работе «Крестьянская реформа», анализируя содержание нормативно-правовых документов, автор называет «Положение» «легендой», возникшей еще до появления данного документа. Создателем мифа о предстоящей отмене крепостного права Покровский называет М. П. Погодина, который так пафосно охарактеризовал предстоящую реформу: «Есть ли в истории европейской, всемирной, событие чище, выше, благороднее этого, событие равное, подобное этому? Найдите, укажите мне его! Русские люди! Русские люди! На колени. Молитесь, молитесь Богу за это высокое, несравненное счастье, всем нам ниспосылаемое, за это беспримерное в летописях ощущение, которое всех нас ожидает, за эту великолепную страницу, которую украшается отечественная история» [2].

Погодин был представителем консервативного направления русской исторической школы, но, по мнению Покровского, такой же позиции придерживались и сторонники либерального течения. Взгляд самого М. Н. Покровского на ход и итоги крестьянской реформы не оригинален и вполне вписывается в классическую схему марксистско-ленинской методологии. Оценивая «Положение 19 февраля», он отмечает, что все три слагаемых компонента, на которых зиждилось крепостное право, сохранились. Во-первых, права помещика на труд крестьянина в виде барщины и оброка остались практически неизменными. «Положение», отменив различные мелкие виды натурального оброка, полностью сохранило денежные повинности. Еще меньшему изменению подверглась, по утверждению Покровского, барщина: мужская сохранилась в прежнем виде, хотя помещик уже не мог требовать от крестьянина работать более трех дней в неделю, однако данное ограничение было введено еще во времена императора Павла I. Единственное облегчение – сокращение до двух барщинных дней в неделю для женщин. Второй компонент – право помещика на землю, на которой «сидели» крестьяне. Выкупная операция была устроена таким образом, что привела к фактическому разорению крестьянства. М. Н. Покровский солидаризировался в этом вопросе с точкой зрения дореволюционных историков. По оценкам исследователей, до реформы 19 февраля 1861 г. у крестьян в пользовании находилось 29 млн 169 тыс. десятин земли; в ходе выкупной операции у них отрезали 5 млн 262 тыс. десятин, или 18,1% [3]. Кроме того, крестьянин заплатил за землю значительно больше, чем она стоила на самом деле. Ценность всей площади наделных земель в черноземных губерниях до выкупа составляла 284 млн рублей, крестьяне же заплатили за нее 342 млн; в нечерноземных – соответственно 180 и 342 млн рублей [4]. Третий компонент – полицейская и судебная власть, которую помещик осуществлял не в силу лично принадлежавшего ему права, а как агент центральной власти. Анализируя крестьянскую реформу, Покровский приходит к выводу, что с момента учреждения волостных правлений эта власть практически переходила к волостному посреднику в лице дворянина-помещика, хотя и выбирался тот крестьянами через особых уполномоченных.

Единственное реальное благо, дарованное крестьянам «великой реформой», – юридический статус свободного человека: помещик, сохранив многое, все же «потерял возможность распоряжаться людьми, как рабочим скотом. Со дня издания манифеста прекращалась личная продажа крестьян и дворовых людей... крестьянам предоставлялось право без разрешения владельца вступать в брак, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им... Крестьянин перестал быть “подданным” помещика и превратился в то, с чего он начал в XVI веке – в крепкого земле (так в тексте. – Г. К.) государева тяглица» [5].

Известно, что крестьянская реформа обсуждалась и в губернских комитетах, и в редакционных комиссиях. В результате обсуждения выявились два направления среди участников дискуссии, представители которых выразили свое мнение в частных записках. По мнению М. Н. Покровского, расхождения эти имели в своей основе чисто экономические интересы. Представители старого, землевладельческого, строго корпоративного общества были озабочены, в первую очередь, сохранением за ними максимального количества земли; новый слой предприимчивых дворян нуждался в капитале и достаточном количестве свободной, дешевой рабочей силы и ради этого готов был пойти даже на определенные уступки крестьянству. Первую точку зрения вполне определенно высказал представитель знатного дворянского рода князь П. А. Гагарин. В Записке от 5 мая 1857 г. он пытался доказать, что освобождение крестьян с землей может привести к полному упадку сельского хозяйства. «Дарование помещикам права освобождать крестьян без

условий и без земли есть мера самая благодательная, так как она упрочивает за помещиками право земельной собственности и оставляет крестьян под тем влиянием, с которым они свыклись и которое охраняло общий интерес в государстве» [6]. Опасения, высказываемые умеренными либералами о возможной пролетаризации крестьянства в случае оставления их без земли, он считал абсолютно беспочвенным. Проект Гагарина «устранял» такие опасения путем предоставления сельчанам усадебной земли. Таким образом, реализация проекта П. А. Гагарина могла бы привести фактически к полному обезземеливанию крестьян и сохранению при этом вотчинной власти помещиков.

Совершенно другой подход к реализации крестьянского вопроса продемонстрировала та часть дворянства, которая оказалась вовлеченной в орбиту новых капиталистических отношений и в силу этого считала для себя выгодной отмену крепостного права. Интересы этой немногочисленной группы нашли свое выражение в частных записках А. И. Кошелева и К. Д. Кавелина. В статье «Охота пуще неволи», опубликованной в 1847 г., рязанский помещик и видный общественный деятель А. И. Кошелев, критикуя крепостнические порядки, отмечал: «Взглянем на барщинную работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколько возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, – ему не надо делать, а день убить. – На господина работает он три дня и на себя также три дня. В свои дни он обрабатывает земли больше, справляет все домашние дела и еще имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние или в ярость. Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству как к единственно возможному, чтоб дело вперед подвинуть. С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит; материалов не наготовишься; времени проработают они менее барщинского крестьянина; отдохнут они более его; но наделают они вдвое, втрое. От чего? – Охота пуще неволи» [7]. Условия отмены крепостного права, по мнению Кошелева, должны соотноситься с выгодой помещиков в виде вознаграждения: «Опасения, что с уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, совершенно неосновательны. Вероятно, правительство не совершит этого переворота, не назначив им за то вознаграждения. Если оценка потерь и определение вознаграждения будут справедливы, то помещики как будто продадут часть своих имений, и вырученные за то деньги они могут употребить или на погашение лежащих на них долгов, или на устройство своих хозяйств, или на покупку земель казенных, могущих и, вероятно, долженствующих в этом случае поступить в продажу» [8].

Еще более ясно выразил свое отношение к крестьянской реформе К. Д. Кавелин. В «Записке об освобождении крестьян в России» он писал: «Некоторые предлагают выкупить помещичьих крепостных с тем лишь количеством земли, какое нужно для удержания их оседлыми на теперешнем их месте жительства, но которого было бы совершенно недостаточно для прокормления их с семейством. Цель та, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьян к их родине, земле и двору, побудить их поневоле нанимать землю у соседних землевладельцев. Такая система выкупа, в губерниях почти исключительно земледельческих, могла бы, может быть, действительно принести пользу владельцам, доставя им, и то вероятно только сначала, выгодных арендаторов и дешевых рабочих... Последствием этого было бы одно из двух: или бывшие крепостные впали бы в крайнюю нищету и обратились в бездомников и бобылей, – нечто вроде сельских пролетариев, которых у нас покуда, слава Богу, очень мало, – или они стали бы толпами выселяться в другие губернии и края империи» [9].

Для рассмотрения выработанных в губернских комитетах проектов крестьянской реформы в составе Главного комитета в июле 1858 г. была образована комиссия из 4 человек: Н. П. Гагарина, С. С. Ланского, В. Н. Панина и Я. И. Ростовцева. Члены комиссии имели совершенно разные подходы в решении крестьянского вопроса; к тому же Ланской и Панин, будучи министрами, не могли уделять много времени на непосредственное изучение проектов губернских комитетов. Поэтому решено было создать редакционные комиссии из чиновников и экспертов под председательством генерала Я. И. Ростовцева. Анализируя состав комиссий, М. Н. Покровский обращает внимание на то, что в них не нашлось места ни для тверского губернского предводителя дворянства либерала А. М. Унковского, ни для рязанского помещика А. И. Кошелева. «Отсутствие первого в подобном учреждении было достаточно понятно само по себе. Отсутствие второго пытались иногда объяснить тем, что он пользовался наверху не особенно блестящей моральной репутацией: был недостаточно святым человеком для такого “святого” дела», – саркастически замечает историк [10].

Представители редакционных комиссий находилась под личным контролем со стороны министра внутренних дел Н. А. Милютина, стремившегося отстранить депутатов от губернских

комитетов [11] от обсуждения крестьянской реформы. В качестве доказательства данного факта М. Н. Покровский приводит некую «инструкцию», подготовленную, вероятно, самим Милютиным и фактически устранявшую какую-либо возможность дискуссии среди дворян материалов редакционной комиссии. В инструкции подчеркивалось, что депутаты должны дать лишь «местные сведения» для редакционной комиссии в письменном виде. «Когда она (инструкция. – Г. К.) со всеми приложениями была прочитана, – пишет Покровский, – водворилось глубокое молчание. Впечатление было настолько определенное и сильное, что Ростовцев заметно смутился; чтобы несколько рассеять смущение, он занялся формальностями, стал лично раздавать пакеты с печатной инструкцией, но настроение не проходило. Тогда, окончательно растерявшись, он проворчал несколько слов... и ушел из залы. Вскоре после его ухода депутаты в “непрерывной линии”, один за другим, также направились к выходу» [12].

Анализируя причины конфликта, историк приходит к выводу, что они кроются в относительной противоположности интересов самого «крупного землевладения», представители которого непосредственно окружали императора, с землевладением «средне-крупным и просто средним», представленным в губернских комитетах [13].

Будучи недовольны той ролью, которая была отведена губернским комитетам, ее представители обратились к Александру II с рядом адресов, в которых излагались их взгляды на предстоящие преобразования. Пять депутатов: Унковский – от Тверского, Хрущов и Шретер – от Харьковского и Дубровин и Васильев – от Ярославского комитетов представили так называемый «адрес пяти». Содержание его отражает интересы либерального дворянства. Программа преобразований, изложенная в адресе, исходила из необходимости улучшить быт крестьян путем предоставления последним органов самоуправления: учредить «хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале», устроить «независимую судебную власть, т. е. суд присяжных, и гражданские судебные учреждения, независимые от административной власти, с введением гласного и словесного судопроизводства и с подчинением должностных лиц непосредственной ответственности перед судом», ввести «печатную гласность» [14]. Это был открытый вызов реакционерам-крепостникам, на который отреагировал сам император, охарактеризовавший «адрес пяти» как «ни с чем несообразный и дерзкий до крайности» [15].

В октябре 1860 г. редакционные комиссии закончили свою работу и проект реформы был передан для обсуждения в Главный комитет по крестьянскому делу. Завершающий этап подготовительной работы связан с обсуждением проекта в Государственном совете. 19 февраля 1861 г. Александр II подписал все представленные на его утверждение положения. Подводя итог длительной борьбы сторонников и противников крепостного права, Покровский отмечает крайнюю ограниченность реформы, заметив, что в результате ее произошло «превращение крепостного крестьянина в полусвободного батрака с наделом» [16]. В оценке реформы Покровский выступал как представитель классового, марксистского мировоззрения, проявляя последовательность в защите марксистских убеждений.

Однако каковы бы ни были действительные факторы крестьянской реформы и каковы бы ни были причины, ограничившие личные права крестьян, очевидно, что падение крепостного права расчистило путь к гражданской равноправности, создало предпосылки для капиталистической модернизации страны.

Примечания

1. Кошелев А. И. Избранные труды. М., 2010. С. 131–132.
2. Покровский М. Н. Крестьянская реформа. Харьков: Изд-во Пролетарий, 1926. С. 140.
3. Там же С. 145.
4. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 5. Изд. 2-е. М.: Издание Т-ва «Мир», 1913. С. 97.
5. Покровский М. Н. Крестьянская реформа. С. 149.
6. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. С. 57.
7. Кошелев А. И. Избранные труды. С. 35–36.
8. Там же. С. 112.
9. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. II. Публицистика. СПб.: Издание Н. Глаголева, 1897. С. 45.
10. Покровский М. Н. Крестьянская реформа. С. 94–95.
11. Там же. С. 103. По свидетельству М. Н. Покровского, Милютин хотел изобразить губернские комитеты «скопищем тупых и невежественных реакционеров», стремившихся обмануть правительство, сохранив в несколько видоизмененном виде прежнее крепостное право.
12. Там же. С. 107.
13. Там же. С. 115.

14. Там же. С. 119.
15. Там же. С. 119.
16. Там же. С. 140.

Notes

1. Koshelev A. I. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow. 2010. P. 131-132.
2. Pokrovsky M. N. Krest'yanskaya reforma. [Peasant reform]. Harkov. 1926. P. 140.
3. Ibid. P. 145.
4. Pokrovsky M. N. Russkaya istoriya s drevneishih vremen [Russian history from ancient times]. T. 5. Ed. 2 e. Moscow. 1913. P. 97.
5. Pokrovsky M. N. Krest'yanskaya reforma. [Peasant reform]. P. 149.
6. Pokrovsky M. N. Russkaya istoriya s drevneishih vremen [Russian history from ancient times] P. 57.
7. Koshelev A. I. Izbrannye trudy [Selected Works]. P. 35–36.
8. Ibid. P. 112.
9. Kavelin K. D. Sobranie sochinenii [Collected Works]. T. 2. Reading. SPb. 1897. P. 45.
10. Pokrovsky M. N. Krest'yanskaya reforma. [Peasant reform]. P. 94–95.
11. Ibid. P. 103. According to M. N. Pokrovsky, Milutin wanted to portray the provincial committees' throng of stupid and ignorant reactionaries "who sought to deceive the Government of, maintaining a degree of flexibility former serfdom.
12. Ibid. P. 107.
13. Ibid. P. 115.
14. Ibid. P. 119.
15. Ibid. P. 119.
16. Ibid. P. 140.

УДК 94(470) "19/начало 20 вв."

М. С. Судовиков

Черты экономического развития северо-востока Европейской России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматривается вопрос об экономическом развитии Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание обращается на изменения в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, произошедшие после буржуазных реформ Александра II; упоминается о деятельности ярких представителей российской провинции той эпохи – Пастуховых, Александровых, Стахеевых, Т. Ф. Булычева, Я. Ф. Тырышкина, А. Ф. Поклевского-Козелл и др. Анализируется демографическая ситуация в регионе, характеризовавшаяся ростом числа населения. Автор показывает, что в целом становление капиталистических отношений на изучаемой территории шло неравномерно и имело невысокие темпы, но вместе с тем, несмотря на огромное влияние естественных факторов и традиционализма, набирал силу позитивный процесс преодоления экономической отсталости.

The article deals with the issue of economic development of the Vyatka-Kama region in the second half of XIX – early XX century. Particular attention is drawn to the changes in agriculture, industry, trade, occurred after the bourgeois reforms of Alexander II; It refers to the activity of the brightest representatives of the Russian province of the era – Pastukhovs, Alexandrovs, Staheevs, T. F. Bulychev, J. F. Tyryshkin, A. F.-Paklevski-Kozell etc. Analyzed the demographic situation in the region, characterized by the growth of the population. The author concludes that in general the formation of capitalist relations in the study area proceeded unevenly and had low rates, but at the same time, in spite of the enormous influence of natural factors and traditionalism, gaining strength positive process of overcoming underdevelopment.

Ключевые слова: буржуазные реформы 1860–1870-х гг., Вятско-Камский регион, природно-климатические условия, становление капиталистических отношений, экономическая сфера, демографическая ситуация.

Keywords: Bourgeois Reform 1860–1870-ies, Vjatsko-Kamsky region, climatic conditions, the development of capitalist relations, the economic sphere, the demographic situation.

Вторая половина XIX – начало XX столетия стали особым периодом в истории России, начавшимся с либеральных реформ Александра II и завершившимся событиями Первой мировой войны и революционными потрясениями 1917 года. Именно это время было отмечено кардинальными преобразованиями в экономической сфере, позволившими России решить многие проблемы и войти в состав ведущих капиталистических государств той эпохи. В связи с этим, учитывая территориальную масштабность нашей страны, небезынтересно проследить, как менялась экономическая ситуация во второй половине XIX – начале XX столетия в регионах, в какой степени реформы затронули отдаленные от центра губернии.

На северо-востоке Европейской России, в Вятской губернии (Вятско-Камском регионе) – обширной территории с более чем трехмиллионным в конце XIX в., многонациональным населением, отправной точкой в модернизации экономики, как и повсюду, стали буржуазные преобразования Александра II. Отменившая крепостное право в России реформа 1861 г., одна из важнейших в череде тех преобразований, и другие реформы (земская, судебная, городская) той эпохи повлекли за собой общественный подъем, делали местное сообщество более открытым, стирали краски былой сословности.

Об отмене крепостничества жители Вятской губернии узнали в марте 1861 г., когда был получен Манифест 19 февраля. В воскресный день 12 марта этот документ был зачитан в Кафедральном соборе, затем епископ Агафангел с духовенством всех церквей г. Вятки отслужил благодарственный молебен. Манифест произвел сильное впечатление на жителей Вятского края. В день чтения Манифеста в Кафедральном соборе губернского центра находилось столько людей, что сложно было отыскать свободное место. Народ толпился и на городской площади, рядом с собором; площадь опустела только вечером [1].

Общественные настроения 1861 г. передают «Вятские губернские ведомости», где была опубликована статья управляющего удельной конторой, дворянина П. В. Алабина. Она начиналась словами: «Великое дело совершилось! Помещичьи крестьянам дарованы гражданские права! Самое слово крепостной уничтожилось: все сделались одинаково любимыми, равноправными детьми одного общего любезного Отца!..» [2] Статья вышла с названием «Крестьяне – братья»; эпоха Александра II вступала в свои полные права.

И хотя крепостное право в Вятской губернии имело особенности: здесь проживали в основном государственные, лично свободные крестьяне; помещичьи имения располагались главным образом на юге – в Яранском, Малмыжском, Уржумском, Елабужском, Сарапульском уездах (число крепостных не превышало трех процентов; кроме того, в губернии было два удельных имения – Вятское и Сарапульское), а сама реформа далеко не решала в целостности земельный вопрос, – у крестьян появились новые стимулы в организации своей жизни, чем они не могли не воспользоваться.

Однако общая ситуация в сельском хозяйстве Вятской губернии была далеко не однозначной. Нужно учитывать, что земледелие здесь развивалось в неблагоприятных природно-климатических условиях, которые характеризовались морозными зимами, малоплодородными почвами и непродолжительным теплым периодом. «Климат губернии довольно суров и вредно влияет на растительность... Зима в Вятке... продолжается... до пяти месяцев... Таяние снега и вскрытие рек довольно продолжительны... Вятское лето коротко...» – отмечалось в одном из официальных документов [3]. Лучшие урожаи в регионе собирались в Елабужском, Сарапульском, Уржумском, Малмыжском и Яранском уездах, то есть в южных – дворянских и удельных землях. Северные вятские уезды были более ориентированы на развитие промыслов, чем земледелия.

В суровых климатических условиях вятские крестьяне зачастую могли вырастить урожай, достаточный лишь для прокормления собственной семьи. Более того, после отмены крепостного права земельные наделы многих из них сократились. Сказывалось и то обстоятельство, что во второй половине XIX в. огромные пространства губернии (более 50%) были покрыты лесами, а пахотные земли занимали приблизительно треть территории. Признаки малоземелья стали проявляться и в связи со стремительным ростом в тот период числа местного, в основном сельского населения. Все это крайне затрудняло ведение прибыльного для крестьян торгового земледелия.

Отсталость сельского хозяйства выражалась и в слабом развитии животноводства, и непостоянном использовании удобрений. В губернаторском отчете за 1874 г. читаем: «Вотяки и татары Сарапульского уезда не прибегают даже ни к какому способу удобрения земли. Они верят, что урожай дается Богом, и потому не прилагают большого труда для обработки полей. Раскидав зерна по пашне, не могущей ничего производить, они начинают только умолять Бога о ниспослании плодов» [4]. Такая картина была характерна и для других уездов.

О многом говорят и следующие данные: в конце XIX в. зажиточных крестьянских дворов (с тремя и более лошадьми) в губернии насчитывалось только 7,8%, тогда как по Европейской Рос-

сии таковые составляли в среднем 22%; крестьян с нерентабельным хозяйством и имевших по одной лошади на Вятке было 52,8% [5]. Усилившийся в пореформенное время процесс дифференциации местного крестьянства из-за неблагоприятных климатических условий, частых неурожаев, низкой продуктивности хозяйств (средняя урожайность составляла сам-3), устойчивости общинных отношений, традиционных способов ведения хозяйства шел медленно. Во второй половине XIX в. в северных, преимущественно лесных, уездах все еще использовалось подсечное земледелие, основными орудиями труда оставались соха, борона, серп, косуля, цеп. Дальнейшее распространение передовых сельскохозяйственных технологий было связано с деятельностью земства. В конце XIX – начале XX в. земская программа по развитию сельского хозяйства заключалась в распространении среди населения знаний о рациональном ведении земледельческих работ, во внедрении в крестьянское хозяйство совершенного сельскохозяйственного оборудования, минеральных удобрений, в улучшении посевного материала и травосеяния.

Крестьяне Вятской губернии часто искали заработок в промысловой деятельности, с помощью которой им удавалось несколько улучшить свое экономическое положение. Видный статистик Н. А. Спасский вообще определял роль промыслов как выдающуюся для вятского крестьянства. «Промыслы, доставляющие заработок, – писал он, – важны для кустарей еще в том отношении, что не отрывают их от главного занятия – хлебопашества и служат способом не только увеличить недостаточные средства к существованию, получаемые от земледелия, и уплатить все подати и сборы, лежащие на них, но, главное, еще улучшить отчасти состояние сельского хозяйства» [6].

Среди промыслов распространение получили плотничество, токарное, кожевенное, кузнечное и слесарное производства, отход на заводы, бурлачество. Повсеместно в Вятской губернии крестьяне занимались извозом, что обуславливалось отсутствием до конца XIX столетия в регионе железной дороги и непродолжительностью по причине короткого лета пароходного сообщения. Многие крестьяне отправлялись в Сибирь, в Казанскую и Пермскую губернии для заготовки леса и плотничества, участвовали в сплаве леса из губернии в поволжские города.

Однако далеко не все крестьяне находили себе зимний заработок: некоторые из них, уехав в город, жили там без определенных занятий, бедно, их дети занимались сбором милостыни, и, соответственно, местная полиция рассматривала таких людей как источник преступности. В 1872 г. в городе Вятке при полицейском управлении открылся ночлежный приют, в котором нищие находили бесплатное временное убежище. В середине 1870-х гг. в этом приюте ежедневно ночевали более 40 человек. Нередкими были и случаи, когда крестьяне выдворялись полицией из города в места своего прежнего проживания.

Низкий уровень развития капиталистических отношений в вятской деревне проявился во время проведения столыпинской аграрной реформы. К 1917 г. из общины вышли 24 233 домохозяйства, или 5% дворов [7]. Часто крестьяне-собственники сталкивались с неодобрительным к себе отношением со стороны крестьян-общинников. «...Были некоторые недоразумения в Малмыжском уезде между крестьянами деревни Мальчиковой на почве выхода из общины, сторонники коей позволили себе преследовать выделившихся, разбивая у них окна, ломая печи в банях и высказывая разные угрозы», – сообщалось в январе 1912 г. губернскими властями в департамент полиции [8].

Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. способствовали дальнейшему развитию промышленности. В изучаемое время в регионе работали предприятия четырех групп: «1. Заводы и фабрики, обделывающие животные продукты; 2. Обделывающие растительные продукты; 3. Обделывающие ископаемые продукты; 4. Смешанных производств» [9]. Особенно большое распространение получили кожевенное, скорняжное, шубно-овчинное, валено-сапожное, винокуренное, пряничное производства. Общая тенденция заключалась в том, что здесь возросла численность предприятий, увеличивался выпуск промышленной продукции, совершенствовалась производственная техника, росло число рабочих.

Однако значительная часть предприятий губернии относилась к категории мелких, с примитивной организацией труда производств, где работали от 1–5 до 100 рабочих. Наиболее крупными промышленными заведениями с более совершенным машинным оборудованием были заводы, располагавшиеся на востоке губернии, – это железоделательные и чугуноплавильные заводы Омутнинского и Холуницкого горных округов, Ижевский оружейный и Воткинский железоделательный заводы, тяготевшие к уральской горнозаводской промышленности, и на них была сосредоточена основная часть рабочих региона.

По форме собственности эти заводы являлись как государственными (Ижевский, Воткинский), так и частными. Предприятия Омутнинского горного округа (Омутнинский, Песковский, Пудемский, Кирсинский заводы) принадлежали ярославским предпринимателям Пастуховым; заводы Холуницкого горного округа (Холуницкий, Климковский, Чернохолуницкий, Залазин-

ский), славившиеся чугунным литьем и выпускавшие железо, принадлежали витебскому дворянину и купцу 1-й гильдии А. Ф. Поклевскому-Козелл и его наследникам.

Средние и мелкие производства губернии являлись в основном частновладельческими; среди них немалый удельный вес имели купеческие и крестьянские предприятия. В России были известны вятские кожевенные, скорняжные, винокуренные, литейные, фосфоро-спичечные производства. Больших успехов в промышленных делах добились слободские купцы Александровы. Первоначально они владели кожевенными заводами, а впоследствии стали профессионально заниматься виноделием. У истоков их винокуренного производства стоял Василий Васильевич Александров – купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Его дело с размахом продолжали сын Иван Васильевич и внуки. Заводы и торговые заведения этого купеческого семейства работали в Слободском, Вятке, Малмыже, Казани; Александровы торговали в Поволжье, на Урале и даже в Испании, выдерживая конкуренцию с лучшими европейскими виноделами. У них был и свой флот. В 1900 г. пароходы этой семьи вошли в общую с Т. Ф. Булычевым и Я. Ф. Тырышкиным пароходную фирму, преобразованную позже в товарищество Вятско-Волжского пароходства [10].

Темпы развития промышленности губернии были медленными и неравномерными. Во второй половине XIX в., в частности в период промышленного подъема 1890-х гг., наблюдалось, с одной стороны, сокращение числа фабрик и заводов (с 750 в 1890 г. до 711 в 1900 г.), а с другой – рост объема производства (более чем в 1,5 раза) и увеличение количества рабочих (с 31 419 до 35 862) [11].

В период экономического кризиса начала XX в. число предприятий по-прежнему сокращалось, сумма производства и численность рабочих оставались сравнительно стабильными. В 1910-е гг. наблюдался рост числа фабрик и заводов, выпуска продукции и уменьшение численности рабочих, что было связано с событиями Первой мировой войны. Сокращение количества промышленных заведений происходило за счет мелких предприятий, которые, не выдержав конкуренции со стороны более крупных, лучше технически оснащенных производств, закрывались или входили в состав других предприятий.

Развитие капиталистических отношений вело и к дальнейшему расширению торговли. Из губернии как земледельческого региона вывозилось много зерна, муки, крупы, льна и другой сельскохозяйственной продукции, отправлялись также железо, бумага, вино, лес. Вятские товары пользовались спросом на рынках портовых городов – Санкт-Петербурга, Архангельска, откуда они вывозились за границу; их поставляли в Нижний Новгород, Рыбинск, Москву, в города Поволжья, Урала и Сибири. Немалое значение для расширения торговых связей имели появившиеся здесь во второй половине XIX в. пароходное сообщение и железная дорога – Пермь-Котласская (1899 г.) и Северная (1906 г.).

Во второй половине XIX – начале XX столетия широкое развитие получила и внутренняя торговля: стационарная – магазинная, лавочная и периодическая – ярмарочная, базарная. В конце 1880-х гг. в Вятской губернии насчитывалось до шести тысяч торговых заведений; в середине 1890-х гг. торгово-промышленных предприятий было уже около семи тысяч, а в 1915 г. их число достигло 21246. Среди ярмарок крупными по товарообороту были Алексеевская ярмарка в Котельниче, Семеновская в Вятке, Троицкая в Уржуме и Никольская в Глазове. Значительная часть ярмарок проходила в сельской местности. В 1874 г. в губернии насчитывалось 147 ярмарок, из них 20 – городских и 127 – сельских [12].

Торговля являлась одним из главных профессиональных занятий местных купцов. Наибольшее их число проживало в Вятке (424 чел.), Елабуге (311), Сарапуле (305), Нолинске (233), Слободском (199) [13]. Формирование наиболее крупных гильдейских капиталов в изучаемой местности происходило на основе внешнеторговой деятельности местного купечества, вложения средств в традиционные (винокурение, кожевенное производство) и новые (химическое производство) отрасли экономики, в создание транспортной инфраструктуры региона. Вместе с тем природно-географические и экономические факторы не благоприятствовали складыванию в Вятской губернии значительных гильдейских капиталов; поэтому подавляющая часть вятского купечества состояла во второй купеческой гильдии.

В пореформенное время наблюдался и процесс упадка российского купеческого сословия как корпорации, рожденной в феодальный период. Новые экономические условия способствовали появлению нового типа предпринимателя – буржуазии, которую составили выходцы из различных сословий. Процесс упадка купеческого сословия ускорило Положение о государственном промысловом налоге 1898 г., по которому для занятий торгово-предпринимательской деятельностью уже не требовалось в обязательном порядке приобретать купеческие свидетельства [14]. В Вятской губернии произошло снижение общей численности купечества, повышался его сред-

ний возраст, увеличивалось число неторгующих купцов, то есть тех, кто приобретал гильдейские свидетельства только для звания. В то же время медленные темпы развития в крае капиталистических отношений способствовали большей устойчивости купеческой корпоративной организации. Вплоть до 1917 г. купцы сохраняли свое влияние в экономической и общественно-политической жизни региона.

Как и в России в целом, в Вятской губернии шел процесс объединения торговых и промышленных капиталов в акционерные общества и торговые дома. Крупными торгово-промышленными объединениями, охватывавшими металлургическое, кожевенное, скорняжно-меховое, вино-водочное, химическое производства и другие отрасли, были фирмы купцов Александровых, Зоновых, Гирбасовых, Прозоровых, Тырышкиных, Стахеевых, Ушковых и др.

Наибольшее распространение в регионе получило объединение капиталов в форме торговых домов, организованных на родственных началах (их учредителями были и представители купеческого сословия, и зажиточные крестьяне, и мещане) [15]. Особенно широкие масштабы приобрела деятельность торговых домов купцов Стахеевых, которые вели крупную хлебную торговлю на российских рынках и за рубежом, торговали нефтью, керосином, мануфактурными товарами, чаем, вином. В начале XX в. на основе их торгово-промышленных предприятий и Русско-Азиатского банка сложился концерн, возглавляемый А. И. Путиловым, П. П. Батолиным, И. И. Стахеевым. Слияние торгового капитала с промышленным, создание крупных торгово-промышленных объединений свидетельствовало о все большем развитии в губернии капиталистических отношений.

Приметой времени стало появление на Вятке иностранных предпринимателей. Последние не только закупали вятский хлеб, но и вкладывали свои капиталы в железоделательное, спичечное, винокуренное производство, в сферу услуг. В центре г. Вятки была открыта гостиница «Стокгольм», принадлежавшая семье Пуссетов, пытавшихся превратить свое учреждение в гостиницу европейского уровня. Глава семьи швед Аксель Пуссет владел также кондитерской, булочной, рестораном, содержал извозчиков с элитными экипажами, имел прогулочный пароход. Выходцами из Швеции были и промышленники Нобели. Людвиг Нобель оснащал вятские предприятия паровыми и силовыми машинами, заключал контракты с Ижевским заводом. О деятельности иностранцев-предпринимателей вспоминал купец Константин Игнатьевич Клепиков: «...В зиму 1896–1897 гг. евреи из Лейпцига купили в нашей губернии чрез комиссионеров – вятских купцов – 150 тыс. пудов кудели» [16]. «В Вятке никогда не бывали китайцы; в минувшее лето приезжали, ходили по всему городу, продавали китайскую чесучу; граждане охотно покупали и много расспрашивали о Китае», – писал Клепиков в 1900 г. [17] Иностранный капитал был здесь явлением эпизодическим, существенно не влиявшим на экономическое развитие региона.

Экономическая модернизация проявилась и в заметном расширении кредитно-банковской системы. В Вятке и уездных городах действовали общественные банки, появившиеся благодаря активности городских дум и предпринимательского сообщества.

В ряде случаев первоначальный капитал банка являлся инициативой отдельных купцов: в Котельнице – Михаила Кардакова (пожертвовал на открытие банка 10 тыс. руб. серебром), в Нолинске – Ивана Лихачева, в Орлове – Якова Шамова. «Имя М. И. Кардакова пользуется большою известностью в промышленной России и за границею...» – сообщали «Вятские губернские ведомости», рассказывая об открытии 6 ноября 1862 г. «общественного Кардакова банка» в г. Котельнице. «...Михаил Иванович сколько имел в виду удобство промышленных людей, которые будут иметь под руками готовый и нисколько не обременительный кредит, столько же желал положить прочную основу существованию дома призрения, в котором чувствуется здесь настоятельная потребность» [18]. В начале XX в. по суммам основного и запасного капиталов лидерами среди городских банков были Елабужский, Вятский, Сарапульский и Слободской.

В губернии работали также Вятское отделение Государственного банка (с 1865 г.), отделения Волжско-Камского банка, Вятское общество взаимного кредита (с 1873 г.), в начале XX в. открылись отделения Русского для внешней торговли банка, Сибирского торгового банка, Русского торгово-промышленного банка. По сведениям на 1909–1910 гг., здесь действовало 10 отделений коммерческих банков, 12 городских общественных банков, два общества взаимного кредита, более 200 учреждений мелкого кредита (ссудо-сберегательных, кредитных товариществ и касс) [19]. Больше всего банков насчитывалось в Вятке (6 учреждений), Сарапуле (4), Котельнице (3). Несмотря на преобладание в регионе мелкого и среднего предпринимательства с традиционным укладом экономических интересов, характеризовавшихся аграрно-торговой направленностью, банковские учреждения становились источником финансирования местных промышленных производств, что говорило о втягивании экономики региона в монополистические процессы.

Важным показателем развития Вятской губернии в капиталистическую эпоху являлась демографическая ситуация. Во второй половине XIX – начале XX столетия в регионе наблюдался быстрый рост числа населения. На обширных пространствах региона в 1878 г. проживали 2 567 121 чел., в 1897 г. – 3 030 831, в 1914 г. – 3 791 678 [20].

Наиболее заселенным в тот период являлся центральный – Вятский уезд, менее – находившийся на северо-востоке губернии Слободской уезд. Большое число населения проживало в юго-восточной части губернии. В одном только Сарапульском уезде, где находились промышленные гиганты губернии – Ижевский оружейный и Воткинский железодельный заводы, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., насчитывалось 408 058 жителей, Глазовском – 368 587 чел., Малмыжском – 280 427 чел., Уржумском – 289 188 чел., Елабужском – 241 005 чел.

Согласно переписи 1897 г. в губернии проживало 2 945 109 крестьян, или 97,2 процента, затем шли мещане (52 913), рабочие (35 862), духовенство (13 912), дворяне (10 007), купцы (2889) [21]. Число горожан в тот период было небольшим (чуть более трех процентов), но в то же время оно неуклонно увеличивалось. В период с 1878 по 1914 г. общая численность жителей вятских городов возросла более чем в два раза (с 74 715 до 154 433 чел.). Реформы Александра II способствовали вовлечению в торгово-промышленную деятельность больших масс крестьян, которые и стали главным источником пополнения населения. Самыми крупными по числу жителей были города Вятка (25008), Сарапул (21 398), Слободской (10051), Елабуга (9764) [22]. В то же самое время в губернии невысокой была численность рабочих (в 1897 г. – 1,2%, в 1914 г. лишь 1%), что было связано со слабым развитием здесь фабрично-заводской промышленности.

Нельзя не заметить, что эпоха капитализма стала временем расцвета юго-восточных вятских городов, прежде всего Елабуги и Сарапула. Феномен этих городов, связанный с превращением их во второй половине XIX – начале XX столетия в крупные центры экономики и предпринимательской активности, не в последнюю очередь объяснялся восприимчивостью местного делового сообщества к новым, буржуазным условиям, а также географической близостью к Уралу и Поволжью, интенсивно капитализировавшихся в тот период.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX столетия в Вятской губернии, являвшейся сельскохозяйственным регионом, становление капиталистических отношений в целом шло неравномерно и имело невысокие темпы. Вместе с тем в этот период, несмотря на огромное влияние естественных факторов и традиционализма, набирал силу позитивный процесс преодоления экономической отсталости, обусловленный буржуазными преобразованиями и общими изменениями в хозяйственной жизни страны. Создание кредитно-банковской системы, развитие транспортной инфраструктуры, урбанизация, разрушение сословной системы с ее корпоративными привилегиями способствовали формированию нового социально-экономического облика губернии.

Примечания

1. Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880). По Вятским губернским ведомостям // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 21–22.
2. Вятские губернские ведомости. 1861. № 18. 6 мая.
3. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1874 год. Вятка, 1875. С. 2.
4. Там же. С. 10.
5. Мусихин В. Е. Вятские крестьяне в начале XX века // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 286.
6. Спасский Н. А. Труды по истории и статистике Вятского края. Киров, 2014. С. 167.
7. Мусихин В. Е. Указ. соч. С. 292.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4 ДП. 1909. Д. 108. Ч. 15. Л. 38.
9. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 год. Вятка, 1901. Ведомость № 2.
10. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 293.
11. Более подробные статистические данные см.: Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009. С. 335.
12. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1874 год. Вятка, 1875. С. 48.
13. По данным на 1897 г. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 2.
14. Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге – 8 июня 1898 г. // ПСЗ : собрание третье. Т. 18. № 15601.
15. Об этом см. статью: Судовиков М. С. Торгово-промышленные объединения регионального купечества России в XIX – начале XX в.: механизмы формирования, особенности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1(1). С. 47–52.

16. Клепиков К. И. Сборник статей вятского старожила. Вятка, 1899. С. 6.
17. Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 4.
18. Вятские губернские ведомости. 1862. № 49. 8 дек. Часть неоф.
19. Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр. 1911–1912 гг. Отд. I–V. Киев, 1911. Отд. I. Стб. 40–41.
20. По данным Календаря Вятской губернии на 1880 г. (Вятка, 1879. Отд. II); Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897. (Т. X. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 1); Памятной книжки и адрес-календаря Вятской губернии на 1916 г. (Вятка, 1916. Отд. I).
21. Первая всеобщая перепись населения... С. 2.
22. Там же. С. 1.

Notes

1. Vyatskaya hronika za poslednie 25 let (1855–1880) Po Vyatskim gubernskim vedomostyam [Vyatka Chronicle over the past 25 years (1855–1880). In Vyatka Provincial Gazette] // Stoletie Vyatskoi gubernii. 1780–1880: sb. materialov k istorii Vyatskogo kraja [Centenary Vyatka province. 1780-1880: Sat. materials for the history of the Vyatka region]. Т. 1. Vятка, 1880. P. 21–22.
2. Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka Provincial Gazette]. 1861. № 18. May the 6th.
3. Prilozhenie k vsepoddanneishemu otchetu vyatskogo gubernatora za 1874 [Annex to the report most humbly Vyatka governor for 1874]. Vятка, 1875. P. 2.
4. Ibid. P. 10.
5. Musikhin V. E. Vyatskie krest'yane v nachale XX veka [Vyatka peasants at the beginning of the XX century] // Encyclopedia Vyatka land. Т. 4. History. Kirov, 1995. P. 286.
6. Spassky N. A. Trudy po istorii i statistike Vyatskogo kraja [Works on the history and statistics Vyatka region]. Kirov, 2014. P. 167.
7. Musikhin V. E. Op. cit. P. 292.
8. Gosudarstvennyi arhiv Rossiiskoi Federacii [The State Archive of the Russian Federation]. F. 102. 4 Inv. 1909. С. 108. Part. 15. P. 38.
9. Prilozhenie k vsepoddanneishemu otchetu vyatskogo gubernatora za 1900 god [The annex to the report Vyatka Governor in 1900]. Vятка, 1901. № 2.
10. Gosudarstvennyi arhiv Kirovskoi oblasti [State archive of the Kirov region]. F. 628. Inv. 5. С. 116. P. 293.
11. More detailed statistics see: Sudovikov M. S. Kupecheskoe soslovie Vyatsko-Kamskogo regiona v konce XVIII – nachale XX veka [Merchant class Vyatka Kama region in the late XVIII – early XX c]. Kirov. 2009. P. 335.
12. Prilozhenie k vsepoddanneishemu otchetu vyatskogo gubernatora za 1874 [The annex to the report most humbly Vyatka governor for 1874]. Vятка. 1875. P. 48.
13. According to the 1897 See. : Pervaya vseobshaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii [The first general census of the population of the Russian Empire]. 1897. Т. 10. Vятка Province. SPb. 1904. P. 2.
14. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge. 8 iyunya 1898 g. [Highest Approval of the Regulations on the State Tax fishing. June 8, 1898] // Shipyard: meeting the third. Т. 18. № 15601.
15. See. more: Sudovikov M. S. Torgovo-promyshlennyye ob'edineniya regional'nogo kupechestva Rossii v XIX – nachale XX v.: mehanizmy formirovaniya, osobennosti [Commerce and Industry Association of Regional Russian merchants in the XIX – early XX century: mechanisms of formation, especially] // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2011. № 1 (1). P. 47–52.
16. Klepikov K. I. Zаметki i vpechatleniya starozhila [Collection of articles Vyatkian old-timer]. Vятка, 1899. P. 6.
17. Klepikov K. I. Zаметki i vpechatleniya starozhila [Notes and impressions of the old-timer]. Vятка, 1900 P. 4.
18. Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka Provincial Gazette]. 1862. № 49. December the 8th.
19. Vsyа Rossiya. Spravochnaya kniga rossiiskoi promyshlennosti, trgovli, sel'skogo hozyaistva, administracii, predstavitelei obshchestvennoi i chastnoi sluzhebnoi i ekonomicheskoi deyatelnosti i pr. [All Russia. Reference book of Russian industry, commerce, of agriculture, administration, representatives of public and private service and economic activity and etc.] 1911–1912 years. Dep. I–V. Kyiv, 1911. Dep. I. Stb. 40–41.
20. According to the Calendar of Vyatka province in 1880 (Vyatka, 1879. Dep. II); First general census of the Russian Empire, 1897. (Т. X. Vyatka Province. SPb., 1904. P. 1); Memory-term calendar, address book and Vyatka province in 1916 (Vyatka, 1916. Dep. I).
21. The first general census of the population ... P. 2.
22. Ibid. P. 1.

Податные инспекторы Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)

Статья посвящена анализу деятельности податных инспекторов Вятской губернии – вторых по степени значимости служащих финансовых учреждений уездного уровня. На основе анализа архивных документов рассматриваются такие аспекты их деятельности, как наблюдение за правильностью налогообложения и своевременностью уплаты налогов, проведение ревизий уездных казначейств, составление годовых отчётов и аналитических обзоров состояния местного хозяйства, подача экспертных заключений по значимым экономическим вопросам.

This article is devoted to analyzing the activity of the tax inspectors in the Vyatka province – the second-importance employees of the financial district offices. The source of the research are the archives files. Such aspects are investigated, as the watching of the regularity taxation and timely payment the taxes, organization the extraordinary inspections of the District Treasuries, making yearly reports, analytic surveys and expert conclusions about economic questions.

Ключевые слова: Вятская губерния, податной инспектор, уездное казначейство, Вятская казённая палата, внезапная ревизия, налоги, сборы, бюджет.

Keywords: the Vyatka province, tax inspector, District Treasury, Vyatka State Chamber, extraordinary inspection, taxes, dues, Budget.

История института податных инспекторов ведёт своё начало с 30 апреля 1885 г., когда был издан закон, в соответствии с которым в ведении губернских казенных палат учреждались податные инспекции. Они были образованы по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге ввиду отсутствия у казенных палат достаточных возможностей для ознакомления с условиями доходности имуществ, промыслов и торговли, подлежащих налогообложению. Податная инспекция изначально должна была представлять собой самостоятельный местный орган фискального надзора, однако впоследствии она была подчинена казенным палатам. Таким образом, податные инспекторы стали, по сути, чиновниками казенных палат по особым поручениям [1].

Обязанности податных инспекторов заключались в следующем:

- наблюдение за поступлением торговых сборов;
- участие в раскладке местных сборов (поземельных налогов и сборов с городских недвижимых имуществ);
- наблюдение за поступлением окладных сборов;
- председательство в уездных податных присутствиях;
- наблюдение за исчислением и поступлением пошлин по безмездному переходу имуществ;
- ревизия уездных казначейств;
- постоянное наблюдение за правильностью торговли в своих участках;
- участие в генеральных проверках торговых заведений;
- содействие казенной палате в оценке ценности и доходности имуществ, подлежащих обложению в доход казны;
- донесение казенной палате о неправильности действий правительственных и общественных установлений по взиманию или распределению казенных сборов;
- исполнение других обязанностей и поручений, которые на них будут возложены казенной палатой [2].

Деятельность податных инспекторов контролировал непосредственно управляющий казенной палатой, в том числе занимался и ревизией их делопроизводства. За каждой податной инспекцией была закреплена определенная территория (город, уезд или часть большого уезда), называвшаяся податным участком. Назначение податных инспекторов в губернии и уездах утверждалось министром финансов [3].

Чтобы составить чёткое представление об обязанностях податного инспектора, необходимо рассмотреть, прежде всего, что включал в себя его основной годовой отчет. Первая часть от-

чёта – «Общий обзор истекшего года с хозяйственной и податной точки зрения». Обзор этот делился на следующие отделы:

а) краткая характеристика урожая хлебов и цен на них в отчетному году, с пояснением условий уборки и сбыта хлебов и степени обеспеченности населения хлебом и скота – кормом, а также общие сведения о промысловых заработках населения (о наиболее развитых видах промыслов, приблизительной доходности каждого из них и о влиянии их в истекшем году на успех поступления сборов);

б) сведения об успешности поступления окладных сборов в отчетном году и об обстоятельствах, оказывающих заметное влияние на платежную способность населения;

в) данные по исполнению населением основных натуральных повинностей (подводной, дорожной, по истреблению вредных для сельского хозяйства насекомых и животных), о характере этих повинностей, способах их выполнения и приблизительной стоимости, а также о степени их тяжести для населения и влиянии на поступление окладных сборов.

Вторую часть ежегодного отчёта составлял краткий очерк деятельности податного инспектора по всем главнейшим отраслям его ведомства, где должны были рассматриваться степень обременительности тех или других обязанностей, причины успеха или неуспеха деятельности податного инспектора, встречающиеся затруднения и способы их устранения, примерное распределение времени в течение отчетного года между исполнением разного рода обязанностей (проверки торговли, производства, раскладки дополнительного раскладочного сбора, дело-производства по квартирному присутствию и т. п.), а также – число входящих и исходящих бумаг в отчетном году. Помимо этих обязательных сведений податные инспекторы могли помещать в отчетах и иные данные по своему усмотрению [4].

В течение февраля 1904 г. в казённую палату поступали записки податных инспекторов о характеристике в хозяйственном и податном отношениях 1903 г., не самого благоприятного в силу погодных условий. Некоторые инспекторы ограничивались необходимыми статистическими сведениями с краткими комментариями, другие же стремились дать максимально полный анализ причин имеющихся недоимок по казённым и земским сборам. Например, из Котельничского уезда сообщалось, что недоимки в размере 0,23% от окладных сборов были связаны не только с недородом зерновых культур и трав в отчётном году, но и с традиционными обстоятельствами: население 2-го податного участка живёт почти исключительно земледелием, кустарные промыслы со сбытом за пределами участка отсутствуют, а отхожие промыслы развиты очень слабо (незначительная часть крестьян нанимается плотовщиками в Сибири, рабочими на фабрики Московской и Владимирской губерний) [5].

Помимо этих годовых отчётов податные инспекторы ежемесячно направляли сведения о ценах на сельскохозяйственные продукты в Вятскую казённую палату и одновременно – в департамент торговли и промышленности (с 1906 г. – в Министерство торговли и промышленности). Форма представления этих отчётов включала в себя не только ценовые показатели, но и пункт «О ходе местной торговли: настроение рынка, ожидаемое движение цен, виды на урожай, состояние запасов, размеры подвозов и т. п.». Инспекторы должны были выступить в данном случае в качестве экономических экспертов, и некоторые из них очень ответственно подходили к делу. Например, инспектор 1-го податного участка Елабужского уезда И. Романов сообщал, что по состоянию на 1 марта 1906 г. объём подвоза хлеба на местные рынки «сравнительно с прежними годами следует признать весьма незначительным. Причина этому сначала – Масленица, во время которой население не занималось сбытом хлебных продуктов, а затем – сырая и снежная погода, стоявшая значительную часть месяца и препятствовавшая молотить хлеба для рынка на открытом воздухе по неимению у большинства населения овинов... В ценах перемен почти не произошло» [6].

Время и порядок составления отчетов податных инспекторов и представления их департаменту окладных сборов строго регламентировались. К 1 апреля казенная палата отправляла податному инспектору составленные ею для данного отчета таблицы. Податный инспектор, дополнив их своими сведениями и составленными им самим таблицами, составлял общий обзор, в виде объяснительного текста, и препровождал в Палату полный годовой отчет к июню. Палата после тщательной проверки составляла сводные губернские таблицы и общий обзор (подобный указанному для отчетов податных инспекторов) с заключением о характере деятельности податных инспекторов в истекшем году и степени достоверности сведений в их отчетах, а затем представляла в департамент не позднее 1 августа следующего за отчетным года.

В обязанность податных инспекторов входила также ежегодная доставка в казённую палату сведений о деятельности торгово-промышленных заведений на подведомственной им территории [7]. Циркуляром департамента окладных сборов от 2 ноября 1895 г. за № 10073 предписывалось

валось, чтобы податные инспекторы не позднее 15 апреля доставляли в департамент краткий обзор истекшей зимы и затем к 1 и 15 числу каждого месяца вплоть до 1 ноября представляли телеграммами сведения о видах на урожай озимых и яровых хлебов [8].

Периодически проводились губернские съезды податных инспекторов под руководством управляющего казённой палатой, где обсуждались вопросы составления отчётов. К сожалению, дату проведения первого съезда установить пока не удалось, а в 1895 г. в Вятке проходил уже четвёртый по счёту. Вскоре после этого съезда, 31 октября 1895 г., управляющий Екатеринбургской казённой палатой направил письмо управляющему Вятской казённой палатой с просьбой выслать ему копию журнала заседаний съезда для обмена опытом и приложил копию журнала заседаний съезда податных инспекторов своей губернии [9]. 9 февраля 1905 г. управляющий Вятской казённой палатой В. В. Ликандер сообщал, что на 7 марта назначен очередной съезд податных инспекторов, и просил заранее присылать вопросы, которые желательно было бы обсудить, а также «заготовленные доклады». В «Программу занятий съезда» было включено множество вопросов, разбитых на «части»: податная часть, торговая статистика, наследственные и крепостные пошлины, квартирный налог, торговые пошлины. Вопросы от инспекторов поступали, с ними работали служащие казённой палаты, многое в текстах выделено синим карандашом (возможно, принято к сведению) [10]. Елабужский инспектор Иван Романов, всегда отличавшийся очень обстоятельными отчётами, подготовил доклад по всем «частям» [11].

Одной из важнейших обязанностей податных инспекторов было участие в проведении так называемых внезапных ревизий (свидетельств) уездных казначейств. В соответствии со ст. 109 Инструкции казначействам, изданной в 1879 г., лица, производящие внезапные свидетельства казначейств, были обязаны сверять статьи приходного журнала и расходного реестра с не отосланными по принадлежности подлинными приходными и расходными документами, вывести итоги прихода и расхода сумм Государственного банка, Государственного казначейства, депозитов и специальных средств за все дни со времени последнего срочного свидетельства кассы, сравнить эти итоги с кассовым журналом и по прибавлении остатка, бывшего при посланном свидетельстве, «вывести сумму, которая должна находиться в Казначействе ко дню свидетельства и которая должна оказаться совершенно тождественною с итогами кладовой книги» [12]. Помимо этого проверялись правильность хранения денег в кассе, наличие на месте дежурных караульных с положенным оружием и правильность хранения этого оружия, наличие ценных бумаг и товаров, находящихся в государственной монополии (например, игральные карты). При каждом производстве податным инспектором внезапного свидетельства местного казначейства он должен был в точности исполнять требования и представлять в казённую палату полную и достоверную информацию. 21 июня 1894 г. в циркулярном письме податным инспекторам отмечалось, что достаточно часто производимые казенные ревизии казначейств достигают своей цели – надзора за правильностью ведения делопроизводства, поэтому инспекторам вменялось в обязанность производить внезапные ревизии уездных казначейств не реже 3–4 раз в год [13].

За подробностями из этой сферы деятельности податных инспекторов можно обратиться к материалам внезапных ревизий казначейств, проводившихся в 1903 г. Чаще всего в акте ревизии фиксировалось, что «никаких неправильностей и злоупотреблений обнаружено не было» [14]. В то же время выявлялись и существенные нарушения, которые тщательно фиксировались. Например, в Елабужском казначействе «отданные на хранение денежные сундуки и пакеты доставляются туда и требуются оттуда не запечатанными и предъявляются в открытом виде получателю и сдатчику»; денежный ящик Елабужского комитета с пожертвованиями И. И. и Д. И. Стахеевых на благотворительные нужды «выдавался постороннему лицу – члену городской управы крестьянину Ивану Антропову»; к денежному ящику училища слепых в Елабуге и Елабужского попечительного комитета «не были приложены печати всех членов, как требуют правила» [15]. Во время ревизии Нолинского казначейства дежурный караульный держал заряженный револьвер на столе [16]. Но чаще всего нарушения были связаны с ведением отчётной документации самих казначейств и сберегательных касс при них.

Важно отметить, что уездным казначеям приходилось работать над устранением недостатков, выявленных податными инспекторами в ходе ревизий. Например, ревизия сберегательной кассы при Воткинском казначействе в июле 1903 г. выявила целый ряд нарушений: неверный расчёт процентов по ценным бумагам, перевод средств на новый счёт без закрытия старого, отсутствие взаимной проверки правильности расчётов по контрольным выпискам и т. д. Казначей и старший бухгалтер оправдывались при этом нехваткой работников [17]. А в начале декабря исполняющий дела Воткинского казначея А. Криницын рапортовал управляющему Вятской казённой палатой: «...Ошибки, допущенные Воткинским казначейством в счетоводстве и отчётности по Сберегательной кассе... в настоящее время почти уже все найдены... Ошибки произошли

исключительно от неправильных арифметических действий в лицевых счетах, не задевая главной книги...» [18]. Аналогичные нарушения были выявлены и в ходе ревизии в июле 1903 г. сберегательной кассы при Ижевском казначействе; впоследствии «делопроизводство заметно упорядочено после передачи заведования кассой от писца Москалева к бухгалтеру II разряда Морозову» [19]. В ходе ревизии Сарапульского казначейства был выявлен «беспорядок в помещении», и спустя некоторое время, в сентябре 1903 г., проводилась повторная ревизия, в результате которой было установлено, что «сырость, некогда существовавшая, в настоящее время устранена, кроме кладовой, где хотя и есть сырость, но небольшая...» [20]. В декабре того же года податный инспектор направил управляющему казённой палатой рапорт с сообщением о том, что «в кладовой казначейства совершенно сухо; все ценности расположены в самом строгом порядке...» [21].

В случае каких-либо изменений в законах о взимании налогов, пошлин и сборов податные инспекторы получали соответствующую информацию из Вятской казённой палаты. Так, 10 апреля 1895 г. было Высочайше утверждено Мнение Государственного Совета об установлении некоторых льгот по взиманию крепостных пошлин (они налагались при переходе недвижимой собственности из одних рук в другие) и с безмездного перехода имуществ [22]. Данный закон отменил пошлины в случае безмездного перехода от одного супруга к другому и к родственникам по прямой линии сельской земельной собственности и установил для отдельных случаев льготное исчисление крепостных пошлин [23]. Особую статью доходов казны составляли сборы с паровых котлов. 12 сентября 1897 г. Министерство финансов разъясняло казённым палатам, чинам фабричной инспекции и губернским механикам, что правила сбора за следующий, 1898 год сохраняются прежние: за котлы, принадлежащие предприятиям, содержание которых дозволяется не иначе как с платежом сбора за право торговли и промыслов, – одновременно со взятием торговых документов, т. е. в период от 1 ноября по 1 января; за прочие котлы – не позднее 1 октября [24]. 25 апреля 1900 г. Вятская казенная палата препроводила податным инспекторам инструкцию «Об обложении промысловым налогом ренсковых погребов и почтовых и земских станций», где сообщалось, что отныне циркулярным предписанием Министра финансов по департаменту торговли и мануфактур от 3 апреля за № 11507 утрачивали силу два документа: циркуляр департамента торговли и мануфактур от 26 ноября 1899 г. за № 37 979 в части, касающейся отдельного обложения государственным промысловым налогом ренсковых погребов, содержимых при колониальных, бакалейных и других магазинах и лавках, и циркуляр казенной Палаты от 19 января за № 591 об обложении содержимых подрядным способом почтовых и земских станций одновременно по сумме подряда и по числу наемных рабочих. Также сообщалось, что излишне уплаченные владельцами вышеназванных предприятий деньги (за вторые промысловые свидетельства) могут быть возвращены по особым ходатайствам владельцев, оплаченным гербовым сбором [25].

Следовательно, объём текущих дел податных инспекторов на протяжении 1890-х гг. постоянно возрастал. Не удивительно, что они не всегда успевали качественно выполнить всю возложенную на них работу. Так появлялись критические замечания в их адрес. 26 июля 1896 г. исполняющий обязанности вятского губернатора вице-губернатор Н. Н. Новосельский отмечал в послании податным инспекторам и некоторым учреждениям Вятской губернии следующую ситуацию: по данным губернского присутствия, ход дел по обследованию хозяйственного положения и платежных средств недоимочных селений Вятской губернии, на предмет предоставления льгот по уплате недоимок выкупных платежей по закону 7 июля 1894 г., «значительно замедляется должностными лицами, на которых эти обследования возложены, кроме того, сами обследования производятся в большинстве случаев неточно и возвращаются лицам, которые их производили, отчего происходит как излишняя переписка, так и непроизводительная трата времени» [26]. 19 октября 1896 г. податным инспекторам Вятской губернии был разослан циркуляр «О предъявлении сведений об урожаях хлебов в департамент окладных сборов». Через некоторое время управляющий казенной палатой отмечал, что в присланных некоторыми податными инспекторами в октябре копиях ведомостей об урожае хлебов в текущем году было выявлено несоответствие в цифровых данных о числе казенных десятин под посевами с таковыми же в предварительных сведениях, представленных в департамент [27]. Во время производства в 1896 г. ревизии делопроизводства некоторых из податных инспекторов было замечено, что вырученные за проданные торговые документы деньги вносятся ими в казначейства позже срока, установленного «Инструкцией о порядке выдачи торговых документов». Поэтому было издано распоряжение о том, что податные инспекторы «отныне при взносе в казначейства денег за проданные торговые документы должны строго исполнять требования § 13 «Инструкции», согласно которому взысканные за торговые документы сборы должны быть вносимы в казначейство, при выдаче

документов на месте жительства податного инспектора или на следующий после их выдачи день, в случае же выдачи их во время объездов податного участка – немедленно по возвращении» [28].

Представителями губернской администрации податные инспекторы воспринимались как основные эксперты в области хозяйственного положения уездов. Их мнение запрашивалось, в частности, при обсуждении вопроса об открытии новых ярмарок. Так, 25 сентября 1900 г. вице-губернатор Н. Н. Новосельский сообщил управляющему Вятской казённой палатой о постановлении губернского земского собрания от 19 января 1900 г. об открытии новых ярмарок в 17 сёлах Яранского, Нолинского, Глазовского, Слободского, Сарапульского уездов, а также одной новой ярмарки в Малмыже [29]. Вице-губернатор в связи с этим запрашивал, не будет ли каких-либо возражений со стороны казённой палаты для утверждения данного постановления. Уже 4 октября от имени управляющего казённой палатой были разосланы запросы податным инспекторам соответствующих уездов. Перечень вопросов, на которые ожидалось ответы, был достаточно обширным. Вот только некоторые из них: на каком основании возбуждено ходатайство об открытии ярмарки, не совпадают ли планируемые дни ярмарки с какими-либо местными церковными праздниками, насколько данные сёла развиты в торгово-промышленном отношении, кто и кому будет сбывать товары на ярмарке, на какой оборот можно рассчитывать, можно ли рассчитывать на подъём производительности в крае в связи с открытием ярмарки? Наконец, податным инспекторам предлагалось дать собственное заключение «о необходимости и пользе» открытия данной ярмарки [30]. Сроки представления ответов на эти запросы не оговаривались, однако податные инспекторы отреагировали достаточно оперативно: сохранившиеся документы датированы в диапазоне от 16 октября до 1 ноября 1900 г. По существу дела податными инспекторами высказывались самые разные мнения; приводимые ими аргументы свидетельствуют о хорошем знании не только хозяйственного положения уездов, но и взаимоотношений в среде местного населения. Оптимистичный прогноз в связи с перспективой открытия новой, четырёхдневной ярмарки в Малмыже давал податной инспектор Малмыжского уезда М. Столбов. Он отмечал, что «и в настоящее время в дни с 7 по 9–10 июля в г. Малмыже производится торговля без формального утверждения ярмарки», торговый оборот новой ярмарки может составить около 5 тысяч рублей, а сама она будет «не лишней попыткой прийти на помощь нуждам местного населения». Более того, податной инспектор предлагал закрыть «как уже не существующую» Екатерининскую ярмарку в Малмыже, проходившую в прежние годы с 28 ноября по 5 декабря [31]. Податной инспектор Слободского уезда М. Ковальков столь же позитивно оценивал перспективы открытия ярмарок в сёлах Косинском и Полянке, прогнозируя оборот каждой из них примерно в 10 тысяч рублей. Он указывал, что здесь возможна торговля не только сельскохозяйственными, но и промышленными товарами, а жители окрестных селений будут избавлены от «обременительных для них поездок в отдалённые города» [32].

А вот с решением об открытии ярмарок в сёлах Верх-Ишетском Нолинского уезда и Троицком Яранского уезда податные инспекторы оказались категорически не согласны и мнение своё не сочли нужным смягчать. Нолинский податной инспектор С. Леплинский отмечал, что ходатайство об открытии ярмарки в селе Верх-Ишетском «возбуждено не сельским, а церковно-приходским сходом... так как открытая в том или ином селе ярмарка прежде всего являет финансовую выгоду причту той церкви, при которой ярмарка открыта; окрестные же сельские обыватели, занимая центральное положение между такими довольно бойкими торговыми пунктами, как сёла Татаурово, Афанасьевское, Богословское и Ишетское... не ощущают особой потребности в установлении ещё одной ярмарки в селе Верх-Ишетском...» С. Леплинский заключал, что данное ходатайство, по его мнению, «является совершенно праздною затеей небольшой горсти докучных людей...» [33]. Аналогичные соображения высказал и податной инспектор 2-го участка Яранского уезда Пальчиков, отметив, что инициатива открытия двух однодневных ярмарок в селе Троицком «принадлежала не сельскому сходу, как положено по закону, а церковно-приходскому»: «собрание народа в оба эти дня в селе Троицком нельзя назвать многолюдным», а церковная община рассчитывает «на увеличение в эти дни церковных доходов в той мере, в какой представляется возможность привлечь больше стечения народа публикациями об открытии базаров». Поэтому он предлагает отклонить ходатайство, которое «вытекает не из торговых интересов местного населения» [34].

Аналогичная переписка между управляющим казённой палатой и рядом податных инспекторов развернулась в начале 1901 г. в связи с постановлением губернского земского собрания об открытии ярмарок в сёлах Вожгальском Вятского уезда, Шешурге Яранского уезда и Сезеневе Слободского уезда [35]. Здесь податные инспекторы не находили серьёзных перспектив, но высказывались без особых эмоций. Например, податной инспектор Вятского уезда сообщал, что в селе Вожгальском каждое воскресенье работают «обыкновенные базары», а новая ярмарка «не

даст краю никакой пользы», ссылаясь на то, что «после открытия с недавнего времени ярмарок край остался в том же неподвижном положении, как и был ранее» [36].

Мнение податных инспекторов оказалось очень значимым и при рассмотрении ещё одного серьёзного вопроса – учреждения казначейства в слободе Кукарке Яранского уезда. Эта инициатива исходила от жителей слободы, подавших в 1902 г. соответствующее прошение в департамент Государственного казначейства. Оттуда был сделан запрос в Вятскую казённую палату, на основании которого податные инспекторы Яранского уезда должны были дать характеристику торгово-промышленного состояния Кукарки и оценить целесообразность открытия в слободе казначейства. Одно из дел фонда Вятской казённой палаты хранит обширное письмо инспектора 2-го податного участка Яранского уезда (к сожалению, его неразборчивая подпись не позволяет назвать фамилию), где самым подробным образом описаны сословный состав населения Кукарки, ежегодно собираемые суммы казённых и земских сборов, торгово-промышленные заведения и их доходность, предприятия, ведущие экспортную торговлю, объёмы денежных переводов жителям слободы и иногородним торговцам через Яранское казначейство. По его подсчётам, «в случае открытия в Кукарке казначейства к нему могут быть причислены для внесения окладных сборов 22 волости (1827 окладных единиц) с общей суммой сборов до 500 тысяч рублей в год», тогда как ежегодные расходы на содержание казначейства составят примерно 55 тысяч рублей [37]. Несомненно, настолько убедительные доводы в пользу открытия казначейства оказали влияние на позицию губернских и столичных властей, и 1 июля 1904 г. казначейство в Кукарке появилось [38].

В фондах ГАКО сохранились интересные документы, позволяющие узнать, какие особые требования предъявлялись к служащим, занимающим должность податных инспекторов. 18 августа 1892 г. департамент окладных сборов издал циркуляр за № 5571 «О несовместимости должности податного инспектора с частными занятиями по торгово-промышленной части». Судя по всему, за соблюдением этого распоряжения осуществлялся периодический контроль. 6 марта 1896 г. Вятская казенная палата констатировала, что, по имеющейся в департаменте информации, некоторые податные инспекторы ошибочно полагают, что им запрещено лишь участие в чужих торгово-промышленных предприятиях, и «производят в месте их служения торгово-промышленные действия и даже имеют соответственные сему заведения». Вятская казенная палата в связи с этим признавала «совершенно недопустимым занятие податных инспекторов и составляющих их семейства лиц каким-либо видом торга или промысла» [39]. В тех случаях, когда податные инспекторы избирались на какие-то общественные должности, они должны были своевременно информировать об этом своё руководство. Управляющий Вятской казенной палатой В. В. Ликандер 20 февраля 1898 г. предписал податному инспектору Яранского уезда, препровождая для сведения копию циркулярного предписания департамента окладных сборов от 14 января за № 356, в случае избрания его в участковые попечители немедленно доложить ему об этом [40].

Заслуживает внимания следующий документ. В представленном 28 октября 1899 г. заключении о смете расходов Яранского уездного земства на 1900 г. податный инспектор Яранского уезда Э. И. Ясенский нашел излишним расход в 950 рублей на увеличение вознаграждения казначейству за счетоводство по земским суммам ввиду того, что вопрос о вознаграждении казначейств за эту работу ещё только обсуждался в высших правительственных учреждениях. Однако управляющий Вятской казенной палатой разъяснил, что согласно § 12 Правил обращения сумм земских учреждений в кассах Министерства финансов, приложенных к циркуляру департамента Государственного казначейства от 14 июня 1895 г. за № 52, на усиление средств казначейств по приему и расходованию состоящих в распоряжении земских управ сумм отчисляется известный процент [41]. Подобная позиция податного инспектора не может не вызывать уважения.

Таким образом, податные инспекторы являлись вторыми по степени значимости, после уездных казначеев, служащими финансовых учреждений уездного уровня. От добросовестного исполнения ими своих служебных обязанностей зависело успешное исполнение доходной части бюджета, формирование в губернских органах адекватного представления о состоянии хозяйства и его перспективах, осуществление должного контроля за деятельностью уездных казначейств. Именно податные инспекторы становились компетентными экспертами в области развития местной торговли, промышленности и аграрного хозяйства.

Примечания

1. *Фадеекина Н. В., Воронов В. А.* История российского казначейства: дореволюционный период // Сибирская финансовая школа. 2005. № 2. С. 32.
2. См. там же.
3. См. там же.

4. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об. – 11.
5. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2983. Л. 12–13.
6. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6051. Л. 54–54 об.
7. Об этом см.: Соловьева И. А. К вопросу об экономическом состоянии Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вятская земля в прошлом и настоящем: сб. материалов регион. науч.-практ. конф. Киров, 2012. С. 86–87.
8. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.
9. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2863. Л. 56.
10. Там же. Л. 1–3 об.
11. Там же. Л. 26–41.
12. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 123.
13. Там же. Л. 22.
14. См., напр.: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1370. Л. 10.
15. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1370. Л. 86–86 об.
16. Там же. Л. 151.
17. Там же. Л. 102–103 об.
18. Там же. Л. 124.
19. Там же. Л. 105–106 об.
20. Там же. Л. 90.
21. Там же. Л. 174.
22. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
23. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/91760/
24. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.
25. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.
26. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
27. Там же. Л. 29.
28. Там же. Л. 20.
29. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3403. Л. 1.
30. См. там же. Л. 2–12.
31. Там же. Л. 14 об. – 15.
32. Там же. Л. 16 об.
33. Там же. Л. 17–17 об.
34. Там же. Л. 18 об. – 19 об.
35. Там же. Л. 40–42 об.
36. Там же. Л. 40 об. – 41.
37. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1475. Л. 11 об. – 12 об.
38. Подробнее см.: Соловьева И. А. Становление казначейства в Вятско-Камском регионе в конце XVIII – начале XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(1). С. 38.
39. ГАКО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
40. Там же. Л. 70.
41. Там же. Л. 128.

Notes

1. Fadeykina N. V., Voronov V. A. Istoriya rossiiskogo kaznacheistva: dorevolyucionnyi period [History of the Russian Treasury: pre-revolutionary period] // Siberian School of Finance. 2005. № 2. P. 32.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. State archive of the Kirov region (SAKR). F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 10 Reverse. – 11.
5. SAKR. F. 176. Inv. 1. C. 2983. P. 12-13.
6. SAKR. F. 176. Inv. 1. C. 6051. P. 54-54 Reverse.
7. On this see.: Solovieva I. A. K voprosu ob ekonomicheskom sostoyanii Vyatskoi gubernii v konce XIX – nachale XX v. [To a question about the economic state of the Vyatka province in the late XIX – early XX century] // [Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashem] Vyatka region in the past and present: Dig. materials region. scientific. conf. Kirov. 2012. P. 86-87.
8. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 41.
9. SAKR. F. 176. Inv. 1. C. 2863. P. 56.
10. Ibid. P. 1–3 Reverse.
11. Ibid. P. 26–41.
12. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 123.
13. Ibid. P. 22.

14. See. Eg. : GAKO. F. 176. Inv. 1. C. 1370. P. 10.
15. SAKR. F. 176. Inv. 1. C. 1370. P. 86–86 Reverse.
16. Ibid. P. 151.
17. Ibid. P. 102–103 Reverse.
18. Ibid. P. 124.
19. Ibid. P. 105–106 Reverse.
20. Ibid. P. 90.
21. Ibid. P. 174.
22. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 5.
23. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/91760/
24. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 59.
25. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 1. P. 130.
26. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 23.
27. Ibid. P. 29.
28. Ibid. P. 20.
29. SAKR. F. 176. Inv. 1. C. P. 3403. 1.
30. See. Ibid. P. 2–12.
31. Ibid. P. 14 Reverse – 15.
32. Ibid. P. 16 Reverse.
33. Ibid. P. 17–17 Reverse.
34. Ibid. P. 18 Reverse – 19 Reverse.
35. Ibid. P. 40–42 Reverse.
36. Ibid. P. 40 Reverse – 41.
37. SAKR. F. 176. Inv. 1. C. P. 1475. 11 Reverse. 12 Reverse.
38. See. : Soloviev IA Becoming Treasury Vyatsko Kama region in the late XVIII – early XX century. // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2012. № 4 (1). P. 38.
39. SAKR. F. 197. Inv. 1. C. 2. P. 16.
40. Ibid. P. 70.
41. Ibid. P. 128.

УДК 94(470.342) "1935/1941"

П. Н. Шарабаров

Застройка и благоустройство г. Кирова в 1935–1941 гг.

В статье анализируется развитие отдельных звеньев городского хозяйства г. Кирова во второй половине 1930-х гг. Автором показан бурный рост города, развитие социальной инфраструктуры, толчком к чему стало превращение Кирова в краевой, а затем областной центр. Уделено внимание жилищной, административной и культурной застройке, строительству канализации, водопровода, развитию дорожной сети, городского транспорта, электроснабжению и благоустройству города. Выявлены проблемы, вставшие перед городскими властями и простыми жителями, в связи с изменением облика краевого/областного центра.

The article analyzes development of separate spheres of urban economy in the city of Kirov during the second half of the 1930s. The author has shown a rapid growth of the city, the development of social infrastructure, which became the impetus for transformation of Kirov into a regional center. Attention is paid to the residential, administrative and cultural building, construction of a sewer and a water supply systems, development of the road network, city transport, electrification and landscaping of the city. The article reveals some problems, which were facing to the municipal authorities and citizens, due to changes of the city image.

Ключевые слова: городское хозяйство, благоустройство, электроснабжение, городской транспорт, социальная инфраструктура.

Keywords: municipal economy, landscaping, electrification, city transport, social infrastructure.

Рубеж 1920–1930-х гг. был ознаменован резким изменением административного статуса г. Вятки. В 1929 г. столица губернии стала центром округа, а в 1930 г. – главным городом района в

составе Нижегородского (с 1932 г. – Горьковского) края [1]. Понижение в административном положении Вятки привело к снижению объемов финансирования города и, как следствие, к углублению кризиса городского хозяйства, который в полной мере проявился еще в 1920-е гг. К концу 1934 г. коммунально-бытовое обслуживание населения, благоустройство города находилось в плачевном состоянии, катастрофически не хватало жилой площади. Городское хозяйство попросту не поспевало за бурно растущей промышленностью Вятки.

Между тем в далеком Ленинграде произошло событие, прямым образом затронувшее Вятку. 1 декабря 1934 г. в Смольном был убит руководитель Ленинградской парторганизации ВКП(б) С. М. Киров. 2 декабря 1934 г. состоялось траурное заседание бюро Вятского городского районного комитета ВКП(б) и президиума горсовета, обсудившее вопрос увековечения памяти С. М. Кирова. По итогам собрания было решено провести ряд мероприятий:

1. Построить в г. Вятке памятник С. М. Кирову.
2. Присвоить имя Кирова комбинату учполитехоборудования и ветзооинституту.
3. Переименовать улицу Коммуны в улицу им. Кирова.
4. Установить в ветзооинституте три дополнительных стипендии им. Кирова для лучших студентов-ударников за счет средств местного бюджета.
5. Принять участие в создании фонда для строительства самолета им. Кирова [2].

Примерно в том же ключе 2–3 декабря проходили общегородские собрания и митинги. 4–5 декабря трудящиеся Вятки выступили с «ходатайством о переименовании Вятки в город имени Кирова» [3]. Рассмотрев эти ходатайства, ЦИК СССР 5 декабря 1934 г. принял постановление «О переименовании города Вятки в город Киров», а 7 декабря Президиум Всероссийского ЦИК решил разделить Горьковский край на Кировский с центром в г. Кирове и Горьковский с центром в г. Горьком. В 1936 г., в связи с принятием новой Конституции СССР, Кировский край был преобразован в Кировскую область. Таким образом, наш город стал краевым, а затем областным центром.

Интересно, что первые два заседания бюро Кировского крайкома ВКП(б) состоялись в г. Горьком 8 декабря 1934 г. Среди всего прочего было решено: «Выехать в г. Киров 16 декабря. С 17 декабря приступить к оперативной работе в г. Кирове» [4]. После переезда Кировский крайком ВКП(б) размещался в здании центральной гостиницы (ул. Коммуны, д. 6).

Превращение Кирова в краевой центр явилось толчком к развитию города. 24 декабря 1934 г. на пленуме горсовета было отмечено, что «перед всеми трудящимися г. Кирова стоит величайшая ответственная задача – превратить город Киров в передовой, образцовый социалистический город» [5]. Перед городом ставился ряд важнейших задач на ближайшую перспективу: строительство водопровода, канализации, Дома Советов, гостиницы, городского театра, расширение жилищного строительства, повышение объема работ по дорожному мостовому хозяйству с особым вниманием на благоустройство центральной и северной частей Кирова и многое другое. Особенно отрядным было колоссальное повышение объемов финансирования краевого центра. 19 апреля 1935 г. был утвержден план строительства с объемом годовых капиталовложений в промышленное и городское хозяйство в сумме 40 млн руб. [6] Жителям города предстояла огромная работа.

Впоследствии в связи с расширением города встал вопрос об эффективном управлении Кировом. 23 июня 1936 г. 15-й пленум Кировского горсовета постановил «одобрить решение ЦК ВКП(б) и правительства о районировании путем создания трех районов в городе Кирове» [7]. Отныне северный район назывался именем И. В. Сталина, береговой район – А. А. Жданова, юго-восточный район – В. М. Молотова [8]. Вскоре были созданы райсоветы, в которые входили по пять человек, до 15 июля проведены выборы депутатов и первые организационные пленумы. Большая часть работы по благоустройству и строительству ложилась на три городских районных совета и райисполкома.

В Кирове развернулось широкое строительство. В 1934 г. был принят новый генеральный план развития города. В соответствии с этим планом вступило в строй 179 домов, школ, детских садов, яслей, консультаций, медицинских учреждений [9]. Новые каменные дома появились на ул. Карла Маркса близ площади Труда. В северном промышленном районе города вырос поселок для рабочих Комбината учебно-технического школьного оборудования (КУТШО), «Искож» и др. Такой же поселок строился и для рабочих и служащих машиностроительного завода им. 1 Мая. Кроме того, было построено большое количество деревянных домов. Председатель крайисполкома А. А. Бобков совершенно справедливо отметил летом 1936 г. на первой кировской конференции ВКП(б): «Наш город по существу превратился в строительную площадку. Никогда город Киров во всю свою историю не имел такого строительства, как он имеет в этом 1936 г. <...> Всего этого мы не имели ни в 1933, ни в 1934 году» [10]. В то же время были уничтожены многие исто-

рические памятники, в том числе собор Александра Невского, созданный по проекту выдающегося архитектора А. Л. Витберга.

Несмотря на то, что к 1939 г. жилая площадь возросла до 519 тыс. [11], а в 1940 г. было введено в эксплуатацию еще 15 тыс. кв. м [12], население продолжало ощущать острый недостаток в жилье. Более того, проблема еще более усугубилась. Председатель горсовета М. С. Лозовский (занимал должность в августе 1935 – июне 1937 г.) в мае 1937 г. отмечал, что за два года население города увеличилось на 40 тыс. человек, а жилья было построено только на 4 тыс. [13] Так, к моменту организации Кировского края на одного жителя города приходилось 4,11 кв. м жилья, а в 1938 г. – 3,5 кв. м (при норме в 9 кв. м) [14].

Власти вынуждены были идти на крайние меры. 26 января 1935 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О жилищных мероприятиях в Кирове, в связи с организацией в нем краевого центра». Согласно данному документу Кировскому горсовету разрешалось производить изъятие 20% жилплощади в тех частновладельческих домах, где это могло дать отдельное помещение не ниже установленной нормы [15].

Кроме того, качество новых домов иногда оставляло желать лучшего. Один из делегатов июльского 1938 г. пленума горсовета с горечью рассказал собравшимся: «Хочу сказать о поселке горсовета. Безобразно построены дома в этом поселке. Как только комиссия принимала эти дома? Если в ближайшее время квартирам <...> не будет ремонта, они сойдут на нет, так как могут так просуществовать не более 3–4 лет. Если идет дождь, так льет в квартире везде. Ставим тазы, ведра, корыта, собираем всю посуду, которая имеется, все подставляем» [16]. По данным Кировского краевого управления народнохозяйственного учета, на 1 января 1935 г. 16% жилой площади г. Кирова составляли бараки, которые были полностью ликвидированы только к концу 1984 г. [17].

Преодолев недостаток финансов, городские власти столкнулись с нехваткой строительных материалов. Для выполнения программы строительства только 1935 г. (без Дома Советов, а также водопровода и других коммунальных работ) необходимо было 7,5 млн кирпича, 1,5 тыс. тонн извести, 12 тыс. куб. м цемента, 10 тыс. куб. м лесоматериала и многое другое [18]. Кроме того, катастрофически не хватало квалифицированной рабочей силы, а имеющаяся нередко работала из рук вон плохо, злоупотребляя спиртными напитками. Один из делегатов 25-го пленума горсовета июля 1938 г. Казакевич выступил с интересной репликой: «Как ремонтируется у нас улица К[арла] Маркса? Безобразно плохо. Рабочие, которые ремонтируют дорогу по ул. Пролетарской, ежедневно пьяные. Там имеется пивная, так ежедневно она бывает переполнена. Безответственно относятся к строительству, нет никакого контроля за рабочими, они напьются и спят» [19]. В результате подобных явлений частыми были задержки в строительстве домов, ремонте улиц. От плохого состояния улиц страдал даже секретарь обкома ВКП(б) М. Я. Канунников, который в январе 1939 г. заявил, что «вот когда идешь по тротуарам, так на один конец встанешь, а другим тебя ударяет» [20]. Можно себе представить неудобства простых жителей...

С превращением Кирова в центр края возникла огромная проблема размещения многочисленных краевых учреждений [21]. В конце декабря 1934 г. председатель горсовета И. С. Кочетов отметил, что «для того, чтобы создать минимально необходимые условия для работы краевых учреждений, нам необходимо изыскать около 30 000 кв. м жилой и полезной площади. На сегодня мы предоставили в распоряжение краевых организаций менее половины этого количества» [22]. Горсовет предоставлял помещения для краевых организаций, во-первых, за счет временного переселения городских учреждений; во-вторых, за счет так называемых самоуплотнений. Характерно, что многие кировские предприятия и учреждения крайне неохотно предоставляли свои помещения, некоторые даже писали жалобы в центральные органы своих ведомств [23].

Об остроте данной проблемы свидетельствует даже тот факт, что крайисполкому Советов рекомендовалось при организации в Кирове краевых учреждений комплектовать их штат преимущественно из местных работников и допускать переезд в город руководителей и ответственных работников из других районов только в случае крайней необходимости, дабы не усугублять этим и без того сложную жилищную ситуацию [24]. Крайне необходимым было строительство новых административных зданий.

В начале 1935 г. было принято принципиальное решение о необходимости строительства административного центра Кировского края – Дома Советов (современное здание Правительства Кировской области). Интересно, что первоначально рассматривались три варианта размещения строения: на месте городского театра (современный сквер у драмтеатра им. С. М. Кирова), на набережной реки Вятки (на месте современного мемориального комплекса «Вечный огонь») и, наконец, на пересечении улиц Коммуны и Карла Либкнехта. В перспективе расширения города рассматривалось его центральное расположение [25].

19 октября 1935 г. состоялось совещание крайисполкома по вопросу рассмотрения проектов Дома Советов. Было представлено пять проектов под девизами «Я», «Синий круг», «Перспективы в круг», «Советам Дворец» и один без девиза. Обсуждение получилось очень содержательным и жарким, выступавшие высказали свое мнение по отдельным проектам [26]. К сожалению, в документах не показан результат дискуссии, которая, однако, сама по себе показательна в плане основательности подхода к строительству Дома Советов. Однако масштабное строительство затянулось и к 1941 г. не было закончено.

19 июля 1936 г. на заседании президиума Кировского крайисполкома было принято решение о разборке здания Владимирской церкви, находившейся на углу улиц Карла Маркса и Молодой Гвардии. На месте церкви предполагалось строительство нового кинотеатра, который возводился из кирпича, в том числе полученного от разрушения храма [27]. 5 июля 1938 г. показом звукового художественного фильма «Детство Горького» был открыт новый 500-местный кинотеатр «Октябрь», на строительство которого было потрачено 776 тыс. руб. [28] Интересно, что к этому времени кировчане познакомились с цветным кинематографом. Первый цветной фильм «Груня Корнакова» был продемонстрирован 20 сентября 1936 г. в кинотеатре «Колизей» [29].

В 1936 г. город украсила Центральная гостиница, построенная по проекту выдающегося архитектора И. А. Чарушина. При входе гостей встречал швейцар, в гостинице имелись зимний и летний ресторан, большая комната отдыха с шахматами, свежими газетами, патефоном, бильярдом. На первом этаже был открыт самый большой в городе магазин [30].

Постановлением Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР от 21 июля 1936 г. была утверждена генеральная смета по строительству нового театра в г. Кирове в сумме 5 млн руб. [31] Строительство шло очень высокими темпами. Украшение города – областной драматический театр на 1100 мест – был выстроен и вступил в эксплуатацию к 1939 г. Кроме того, в 1935 г. был открыт областной кукольный театр, в 1936 г. – областной театр юного зрителя.

Весной 1940 г. в городе был открыт деревянный полустационарный цирк. В течение последующего летнего сезона в цирке работала постоянная труппа, сформированная из московских и ленинградских артистов [32].

Не до конца решенным оставался вопрос вывоза нечистот и скорейшей постройки канализации. Секретарь городского комитета ВКП(б) А. П. Грачев, выступая в августе 1936 г. на первой городской партийной конференции, очень точно выразил общее настроение: «Что значит иметь 100 тыс. населения и не иметь канализации. Это значит возиться в своем собственном навозе. Мы и возимся. В школу войти нельзя, в учреждение войти нельзя, хоть маски одевай. У нас имеется только несколько счастливых учреждений, которые имеют канализацию, а домовладения это единицы» [33]. Строительство канализации началось в г. Кирове в 1936 г. с расчетом пропуска 36 тыс. куб. м сточных вод [34]. До конца года в городе была пущена неполная раздельная канализация протяженностью 4,7 км уличной сети.

В середине – второй половине 1930-х гг. в Кирове широко развернулось строительство нового водопровода. Отпуск воды для домов обобщественного фонда увеличился с 169 тыс. куб. м в 1937 г. до 215,9 тыс. куб. м в 1939 г. [35] В 1937 г. была построена новая мощная водонасосная станция.

По мере возможностей решались проблемы электроснабжения населения, учреждений и предприятий. Весной 1936 г. заместитель председателя крайисполкома Э. Х. Филюшкина сообщила в Наркомхоз РСФСР, что «электросеть города <...> не только не может удовлетворить быстро растущих запросов, но, будучи сильно перегруженной, как по питательным магистралям, так и по трансформаторным киоскам, находится под угрозой крупной аварии» [36]. Временным выходом из создавшегося положения явились уже привычные вятчанам многочисленные постановления «Об экономии электроэнергии» (например, от 23 октября 1936 г.). Несмотря на несомненные успехи в увеличении выработки электроэнергии, реконструкция старых и строительство новых электростанций не поспевали за широко развернувшимся возведением новых городских зданий [37]. Дефицит электроэнергии в 1938 г. составлял 3000 кВт, в 1939 г. – 4500 кВт [38]. Историк Г. Г. Загвоздкин справедливо отмечал, что «электроосвещение имели отдельные дома. Керосиновая лампа по-прежнему освещала жизнь большинства вятчан» [39].

Других удобств в домах кировчан также не хватало. Жилье продолжало отапливаться дровами. Центральное отопление жилых домов в Кирове появилось только к 1944 г., когда на базе старой электростанции было создано предприятие тепловых сетей [40].

Огромное внимание уделялось благоустройству города. С 12 апреля по 1 октября 1935 г. проводился «социалистический поход им. С. М. Кирова за благоустройство города». В рамках мероприятия 12 и 18 апреля развернулись массовые субботники трудящихся за чистоту улиц, дворов, территорий по месту жительства, что должно было «явиться началом массовой работы по

развертыванию похода за внешнее благоустройство улицы, увеличение озеленения цветов, газонов, началом подготовки к великому интернациональному празднику 1-го мая» [41].

В городе были организованы так называемые уличные комитеты, перед которыми была поставлена задача «благоустройства своих улиц, дворов, садов, посадки во всех дворах домовладений не менее трех-пяти деревьев, пяти-десяти кустов, ремонт и покраска фасадов домов, оград, заборов, устройства в каждом доме цветников, газонов, площадок для игр детей, оборудования достаточного уличного освещения, устройства и ремонта тротуар» [42]. Весной 1935 г. Кировский горсовет вызвал своих ижевских коллег на социалистическое соревнование по благоустройству города. Киров стал преображаться буквально на глазах.

В ноябре 1936 г. на территории между КУТШО и мясокомбинатом был отведен земельный участок для строительства асфальтобетонного завода [43]. Вскоре новое предприятие дало первую продукцию. В 1935 г. земельно-зеленым трестом Кирова были получены трактор, автомашина, десятитонный каток для асфальтирования улиц, а также «смеситель» – машина, перерабатывавшая известь и гравий в асфальтобетон, необходимый в дорожном строительстве. На асфальтирование было выделено 280 тыс. руб. Широкими темпами возобновилось мощение улиц города, причем при этом использовалось не только и не столько дерево, а главным образом торф, гудрон и др. Асфальтом были покрыты центральные улицы города: Коммуны, Карла Маркса, Ленина, Комсомольская, Дрелевского и др. [44]

К началу 1939 г. протяженность городских улиц составляла 95,8 км, 50,8% которых были замощены. Примерно столько же освещалось в темное время суток. Вдоль улиц были посажены 2,6 тыс. деревьев, протяженность зеленых насаждений достигла 4 км. Увеличить их не удавалось из-за бродячего беспризорного скота [45].

Развивался городской транспорт. Еще в конце 1920-х гг. периодически организовывалось городское автобусное сообщение средствами освобожденного почтового и междугородного транспорта. Маршруты, в большинстве своем, начинались от улицы Розы Люксембург и заканчивались у железнодорожного вокзала Вятка-1. Однако широкое использование автобусов в качестве городского транспорта началось в 1930-х гг. С 25 февраля 1934 г. в городе официально устанавливалось автобусное движение – от станции Вятка-1 по ул. Ленина до Берегового района и от Вятки-1 по ул. Карла Маркса до спиртзавода [46]. По состоянию на конец 1934 г., в Кирове перевозку людей осуществляли три автобуса, протяженность маршрутов составляла 11 км. Уже с 1935 г. число автобусов в городе возросло до 13 [47]. Согласно оценке председателя горсовета М. С. Лозовского, «это количество машин совершенно не обеспечивает связи с такими крупными предприятиями, как КУТШО, мясной комбинат, машстройзавод, Коминтерн, находящимися на окраинах городской черты. Вследствие этого тысяча рабочих, живущих в основной части города, ежедневно ходит пешком на предприятия 3–5 км» [48].

Вследствие нехватки транспорта автобусы были постоянно переполнены, время их ожидания доходило до 40 минут. К тому же в результате неправильно организованной работы в одну сторону шли один за другим по 4–5 автобусов. 2 июля 1935 г. президиум горсовета в постановлении «Об автобусном движении» констатировал «большую недисциплинированность автопарка коммунтреста, выразившуюся в опозданиях шоферов на работу, незнании вагоновожатыми своих обязанностей, стоянии автобусов на конечных станциях более полагающегося времени» [49]. В план 1936 г. было включено приобретение 10 автобусов ЗИС [50] на сумму 300 тыс. руб. В 1937 г. по городу курсировали уже 24 автобуса, обслуживших в течение года 6,6 млн пассажиров [51].

С 22 сентября 1938 г. от Центральной гостиницы до станции Киров и обратно начали курсировать две автомашины-такси М-1 Кировского механического треста. В день новыми услугами пользовались до 200 человек [52]. В 1940 г. автопарк кировского такси пополнился еще восемью автомобилями [53].

В довоенный период широко развернулось строительство городских трамвайных путей. Стоимость работ по вводу трамвайного движения в Кирове оценивалась в 25 млн руб. [54] В 1940 г. было потрачено чуть более 1 млн руб. и сооружено 5 км путей [55]. На 1941 г. в данном направлении планировалась активизация работы [56].

Интересно, что в 1934 г. планировалось использование для внутригородской связи и р. Вятки. В этих целях предполагалось приобретение мелкосидящих лодок для установления маршрутов Киров – «Красная звезда» – Коминтерн, Киров – лесозавод № 1, Киров – лесозавод № 2 и др. [57]

Развивалась воздушная связь города с другими населенными пунктами края. В 1935 г. началось строительство аэропорта, в связи с чем у колхоза деревни Лянгасы был изъят участок площадью 160 га. В городе был открыт аэроклуб. Вскоре начали работу воздушные линии, свя-

завшие краевой центр с Нолинском, Уржумом, Вятскими Полями, Можгой, Ижевском, Сарапулом [58].

В целом образование Кировского края, а затем области имело огромное значение для экономического и культурного роста города Кирова. Быстро росло число школ. Только с 1934 по 1939 г. в Кирове были построены 13 больших школьных зданий. В 1940 г. город имел 43 школы, в которых обучались 23453 человека [59]. На 110 тыс. кв. м увеличилась жилая площадь. Выработка электроэнергии возросла в 2,4 раза [60]. Стало быстро увеличиваться население Кирова, развиваться промышленность, изменяться его облик. По данным переписи 1939 г., число жителей Кирова составило 143558 человек. Перед Великой Отечественной войной здесь проживали уже около 168 тыс. человек [61]. Это был интенсивно развивающийся, цветущий город, с прекрасными новыми зданиями, и в то же время сохранивший очарование старины, хотя именно ее в эти годы интенсивно уничтожали. Жители Кирова с надеждой смотрели в будущее, строили радужные планы. Существовало несколько вариантов расширения города, превращения его в город-сад [62]. Однако мечтам не суждено было сбыться – 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война.

Примечания

1. 200 лет Вятской губернии: статистический сборник / под ред. В. А. Зырина. Киров, 1996. С. 29.
2. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 166. Л. 195 об.
3. Чудиновских Е. Н. «От имени народа»?! // Вятский наблюдатель. 1994. 27 ноября – 3 дек. (№ 48). С. 7.
4. См. также: Глушков А. Д., Подавалова З. В. Мы помним суровое время // Кировская правда. 1989. 11 янв. (№ 9). С. 2; Марков А. А. Переименование города Вятки в город Киров. (По материалам декабрьских номеров газеты «Вятская правда» 1934 г.) // Вятка. 1930-е годы: путеводитель по книжно-иллюстративной выставке. Киров, 2006. С. 67–72.
5. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 21.
6. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1039. Л. 6; там же. Д. 1040. Л. 7.
7. См. также: Кочетов И. С. За образцовый социалистический город Киров // Кировская правда. 1934. 24 дек. (№ 7). С. 2.
8. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1039. Л. 45.
9. Там же. Л. 120.
10. Границы Сталинского района, располагавшегося в северо-западной части города, проходили по улицам Горбачева и Володарского с включением привокзальной части Котласской железной дороги. Ждановский район, располагавшийся в северо-восточной части города и граничивший со Сталинским, включал также и территории заречной части города. Молотовский район располагался южнее ул. Горбачева с включением всей привокзальной части Северной железной дороги и р. Хлыновки (Чернышева Н. В., Романенко Л. М. Предвоенный город Киров // Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н. П. Гурьянова. Киров, 2012. С. 11).
11. Кирюхина Е. И. Годы предвоенных пятилеток // Спутник агитатора. 1974. № 10. С. 29.
12. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 20. Л. 186–187.
13. Кирюхина Е. И. Указ. соч. С. 29.
14. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 3. Д. 2. Л. 19.
15. Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 129.
16. Там же. Д. 69. Л. 19 об.
17. Семенова А. Ю. Социально-экономическое положение рабочих цензовой промышленности Вятской губернии/Кировской области в 1928–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2012. С. 157.
18. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1039. Л. 189.
19. 200 лет Вятской губернии... С. 157.
20. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 66. Л. 112.
21. Там же. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1039. Л. 189.
22. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 87. Л. 28.
23. Постановление горсовета от 11 декабря 1934 г. «Об обеспечении квартирами командированных в г. Киров работников» помимо всего прочего предусматривало следующее: «...Центральную гостиницу полностью предоставить для временного размещения прибываемых работников краевых учреждений. ...В доме колхозника к 13 декабря освободить все номера в южной части второго этажа, и к 14 декабря все номера и комнаты общежития на третьем этаже основного здания для временного размещения прибываемых краевых работников. Освободить дом на уг[лу] ул. Дрелевского и К[арла] Либкнехта, ныне занимаемый общежитием медтехникума» (ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1047. Л. 14 б).
24. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1041. Л. 4.

25. Постановлением от 27 декабря 1934 г. «О ходе размещения краевых учреждений и работников краевых учреждений» президиум горсовета требовал разрешить все вопросы о размещении краевых учреждений к 29 декабря (ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1047. Л. 21).
26. Семенова А. Ю. Указ. соч. С. 158–159.
27. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 66. Л. 112 об., 114.
28. Там же. Д. 85. Л. 21–30.
29. Там же. Д. 462. Л. 164.
30. Открытие кинотеатра «Октябрь» // Кировская правда. 1938. 3 июля (№ 151). С. 4; Открыт кинотеатр «Октябрь» // Комсомольское племя. 1938. 6 июля (№ 75). С. 4; Кино // Кировская правда. 1946. 2 февр. (№ 24). С. 3.
31. Решение о необходимости строительства в городе еще одного кинотеатра было принято на заседании президиума Кировского крайисполкома еще 17 апреля 1935 г. В постановлении о начале строительства кинотеатра отмечалось, что имевшиеся в Кирове три кинотеатра пришли в полную негодность и не обеспечивают интересы жителей.
32. Блокнот агитатора. Киров, 1957. № 12. С. 32.
33. В новой гостинице // Комсомольское племя. 1937. 4 марта (№ 28). С. 4; см. также: Чарушин И. А. Какой будет кировская гостиница // Кировская правда. 1935. 30 марта (№ 74). С. 4.
34. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 780. Л. 3.
35. Посетителям обещали, что они «увидят дрессированных волков, наездников Евстафьевых, акробатов-прыгунов под руководством орденоносца тов. Беякова. На арене цирка борцы исполняют французский чемпионат. Музыкальная клоунада Зинковского продемонстрирует ряд интереснейших номеров» (Щетинина В. К открытию нового цирка // Комсомольское племя. 1940. 10 мая (№ 64). С. 4).
36. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 20. Л. 27.
37. Чернышева Н. В., Романенко Л. М. Указ. соч. С. 29.
38. Там же.
39. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 706. Л. 23.
40. Только в 1937 г. добавочные потребности города увеличивались вдвое за счет спроса на электроэнергию со стороны вновь пускаемых хлебозавода, кирпичных заводов и прочих промышленных абонентов, присоединения селекционной станции академика Н. В. Рудницкого, новой водоканализационной станции, освещения строящегося медицинского техникума, Дома Советов и т. д. (ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 706. Л. 62).
41. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 118. Л. 22.
42. Загвоздкин Г. Г. Триумф и трагедия 30-х годов // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История / под общ. ред. В. А. Ситникова. Киров, 1995. С. 388.
43. Кулябина Т. В. Энергетике Вятки 100 лет. Киров, 2004. С. 99.
44. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1039. Л. 49; там же. Д. 1047. Л. 61–62.
45. Там же. Д. 1039. Л. 45 об.
46. О работе горсовета по устройству уличных комитетов и планы их работы – ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1047. Л. 30, 49; там же. Д. 1070. Л. 1–5.
47. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 711. Л. 13.
48. Превратим город Киров в зеленый цветущий парк // Комсомольское племя. 1935. 14 марта (№ 41). С. 4; Улицы одеваются в асфальт // Комсомольское племя. 1938. 26 сент. (№ 113). С. 4; Благоустройство гор. Кирова // Комсомольское племя. 1939. 10 авг. (№ 114). С. 4.
49. Чернышева Н. В., Романенко Л. М. Указ. соч. С. 29.
50. В августе 1936 г. на первой городской партийной конференции директор КУТШО В. З. Бабинцев сообщил, что «мы у себя потратили колоссальные деньги на озеленение своего участка. Искож нам испортил. Я снова восстановил, весной Мясокомбинат испортил, гонят свой скот, который ломает древонасаждения» (ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 20. Л. 104).
51. Володин А. Автобусное движение в Вятке // Вятская правда. 1934. 23 февр. (№ 45). С. 4.
52. В то время движение автобусов осуществлялось по трем маршрутам. Первый – проходил по ул. Ленина от станции Киров до кожзаводов (угол улиц Профсоюзной и Казанской). Здесь работали два малых автобуса. Вторая линия – станция Киров – комбинат «Политехоборудование» – проходил по ул. Карла Маркса. Третья линия – кольцевая от станции Киров – гостиница – крайисполком и обратно до станции Киров. На этой линии работали два больших автобуса, один из которых шел по ходу часовой стрелки, другой обратно (Новые линии автобусного движения // Кировская правда. 1935. 9 янв. (№ 8). С. 3).
53. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 774. Л. 25; [Кировские автобусы используются плохо] // Кировская правда. 1935. 10 февр. (№ 34). С. 4.
54. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1047. Л. 83.
55. ЗИС – Первый государственный автомобильный завод им. И. В. Сталина, будущий завод им. Лихачева (ЗИЛ).

56. 200 лет Вятской губернии... С. 185.
57. Первые такси в гор. Кирове // Комсомольское племя. 1938. 24 сент. (№ 112). С. 4; 16 000 пассажиров // Комсомольское племя. 1938. 20 дек. (№ 155). С. 4.
58. Они курсировали по маршрутам: станция Киров – гостиница, станция Киров – КУТШО, станция Киров – овчинно-шубный завод. Кроме того, имелись такси для индивидуального пользования, которые выезжали по вызову клиентов (Такси в Кирове // Комсомольское племя. 1940. 2 июня (№ 75). С. 4.).
59. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 118. Л. 21.
60. Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 19 об.
61. Были намечены следующие первоочередные линии трамвая: Филейский тракт – Октябрьский бульвар – ул. Горького – вокзал; Филейский тракт – ул. Карла Маркса – ул. Розы Люксембург – ул. Свободы – ул. Комсомольская – вокзал (Геймасон И. О будущем нашего города // Кировская правда. 1941. 15 апр. (№ 89). С. 2).
62. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1041. Л. 18.
63. Там же. Ф. Р-2168. Оп. 2. Д. 3. Л. 29; Авиалиния Киров–Сарапул // Кировская правда. 1935. 6 февр. (№ 31). С. 3.
64. Кирюхина Е. И. Указ. соч. С. 28.
65. История города Кирова. 1374–1974: Краткий очерк / науч. ред. А. В. Эммаусский, Е. И. Кирюхина. Киров, 1974. С. 234.
66. Там же. С. 213, 238.
67. См., например: Геймасон И. О будущем нашего города // Кировская правда. 1941. 15 апр. (№ 89). С. 2.

Notes

1. 200 let Vyatskoi gubernii: statisticheskii sbornik [200 years Vyatka province: a statistical digest] / ed. V. A. Zyrin. Kirov, 1996. P. 29.
2. State Archive of Social and Political History of the Kirov region (SASPHKR). F. P 100. Inv. 1. D. 166. P. 195 vol.
3. Chudinovskikh E. N. Ot imeni naroda [On behalf of the people?!] // Vyatka Observer. 1994. November 27 – December 3. (№ 48). P. 7.
4. See. Also: Glushkov A. D., Podavalova Z.V. My pomnim surovoe vremya [We remember the severe time] // Kirovskaya pravda [The Kirov truth]. 1989. January 11. (№ 9). P. 2; Markov A. A. Pereimenovanie goroda Vyatki v gorod Kirov [Renaming city Vyatka Kirov. (According to the December issue of the newspaper "Pravda Vyatskaya" 1934)] // Vyatka. 1930s: A Guide to a book illustrative exhibition. Kirov, 2006, Pp. 67–72.
5. SASPHKR. F. P 1255. Inv. 1. C. 2. P. 13, 21.
6. State Archive of Social and Political History of the Kirov region (SAKR). F. R 897. Inv. 1. D. P. 1039. 6; ibid. C. 1040. P. 7.
7. See. Also: Kochetov I. S. Za obrazcovyi socialisticheskii gorod Kirov [For a model socialist city of Kirov] // The Kirov truth. 1934. December 24. (№ 7). P. 2.
8. SAKR. F. P 897. Inv. 1. D. P. 1039. 45.
9. Ibid. P. 120.
10. The boundaries of Stalin District, located in the northwestern part of the city, through the streets of Gorbachev and Volodarsky with the inclusion of the landside Kotlas railway. Zhdanov district, located in the north eastern part of the city and is bordered by Stalin, also included territory beyond the river and the city. Molotov district located south of the street. Gorbachev to include all parts of the station of the Northern Railway and p. Hlynovki (Chernyshev N.V., Romanenko P. M. Predvoennyi gorod Kirov [Pre-war city of Kirov] // City, forge victory: Kirov during the Great Patriotic War of 1941-1945. Book. 1. 2012. P. 11).
11. Kiryukhina E. I. Gody predvoennykh pyatiletok [Prewar five-year plans] // Sputnik agitatora [Companion of agitator]. 1974. № 10. S. 29.
12. SASPHKR. F. 1293. Inv. 2. C. 20. P. 186-187.
13. Kiryukhina E.I. Inv. cit. P. 29.
14. SASPHKR. F. P 1293. Inv. 3. D. 2. LA 19.
15. Ibid. Inv. 2. C. 47. P. 129.
16. Ibid. C. 69. P. 19 on.
17. Semenov A. Y. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochih cenzovoi promyshlennosti Vyatskoi gubernii/Kirovskoi oblasti v 1928–1937 gg [Social and economic situation of workers of the census industry Vyatka province / Kirov region in 1928-1937]: dis. ... cand. hist. sciences. Kirov. 2012. P. 157.
18. SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. 1039. P. 189.
19. 200 let Vyatskoi gubernii... P. 157.
20. SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 66. P. 112.
21. Ibid. F. P 897. Inv. 1. C. 1039. P. 189.
22. SASPHKR. F. P 1293. Inv. 2. C. 87. P. 28.

23. Resolution of the City Council on December 11, 1934 "On provision of flats in Kirov seconded workers" among other things, provides as follows: "... Central Hotel fully provide for temporary accommodation of workers arriving ra-edge institutions. ... The house of the collective farmer to December 13 release of all the rooms in the southern part of the second floor, and by 14 December, all rooms and dorm rooms on the third floor of the main building for temporary accommodation of workers arriving edge. Release House on corner of street. Drelevskogo and K.[arl] Liebknecht, now occupied by the dormitory of medical school" (SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. 1047. P. 14 b).

24. SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. 1041. P. 4.

25. In a judgment of 27 December 1934 "On the course of the placement of boundary edge institutions and workers of institutions," the presidium of the city council demanded to resolve all questions about blur edge institutions by 29 December (GAKO. F. P 897. Inv. 1. C. 1047. P. 21).

26. Semenov A. Y. Op. cit. P. 158–159.

27. SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 66. P. 112, reverse. 114.

28. Ibid. C. 85. P. 21-30.

29. Ibid. C. 462. P. 164.

30. The opening of the cinema "October" // The Kirov truth. July 3, 1938 (№ 151). C. 4; Open Cinema "October" // Komsomol tribe. July 6, 1938 (№ 75). C. 4; Movie // The Kirov truth. Feb 2, 1946. (№ 24). P. 3.

31. The decision to build in the city of another theater was taken at a meeting of executive committee of the Kirov yet April 17, 1935 The decision to start construction of the cinema was pointed out that the available in three cinemas Kirov came in complete disrepair and do not provide the interests of residents.

32. Notes the agitator. Kirov. 1957. № 12. P. 32.

33. The new hotel // Komsomol tribe. March 4, 1937. (№ 28). C. 4; see also: Charushin I. A. What will Kirov hotel be // The Kirov truth. 1935 March 30 (№ 74). P. 4.

34. SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 780. P. 3.

35. Visitors are promised that they "will see the trained wolves, Evstafieva riders, acrobats jumpers under the guidance of Comrade order bearer. Belyakov. In the arena of the circus fighters will perform the French championship. Musical clown Zinkovsky will show several interesting numbers "(Shchetinina V. K otkrytiyu novogo cirka [By the opening of the new circus] // Komsomol tribe. 1940. May 10 (№ 64). P. 4.

36. SASPHKR. F. P 1293. Inv. 2. C. 20. P. 27.

37. Chernyshev N. V., Romanenko P. M. Op. cit. P. 29.

38. Ibid.

39. SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 706. P. 23.

40. Only in 1937, additional needs of the city doubled due to the demand for electricity from the newly started-up bakery, brick factories and other industrial users, joining breeding station Academician N.V. Rudnicki, a new water tower, under construction lighting Medical College, the House of Soviets and so on. d. (SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 706. P. 62).

41. SASPHKR. F. P 1293. Inv. 2. C. 118. P. 22.

42. Zagvozdkin G. G. Triumf i tragediya 30-h godov [Triumph and tragedy of the 30s] // Encyclopedia Vyatka land. T. 4. History / under total. ed. V.A. Sitnikov. Kirov. 1995. P. 388.

43. Kulyabina T. V. Energetike Vyatki 100 let [100 years of Vyatka Energy]. Kirov. 2004. P. 99.

44. SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. 1039. P. 49; ibid. C. 1047. P. 61-62.

45. Ibid. C. P. 1039. 45 reverse.

46. The work of the City Council on the device of street committees and their work plans – SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. 1047. P. 30, 49; ibid. C. 1070. P. 1-5.

47. SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 711. P. 13.

48. Prevratim gorod Kirov v zelenyi cvetushii park [Turn the city into a green blossoming Kirov Park] // Komsomol tribe. 1935. March 14 (№ 41). P. 4; Ulicy odevayutsya v asfal't [The streets are dressed in asphalt] // Komsomol tribe. Sep 26, 1938. (№ 113). P. 4; Blagoustroistvo gor. Kirova [Improvement of Kirov city]// Komsomol tribe. 1939. August 10. (№ 114). S. 4.

49. Chernyshev N.V., Romanenko P.M. Op. cit. P. 29.

50. In August 1936 the first director of the city Party conference KUTSHO V. Z. Babintsev said "we are at huge money spent on landscaping your site. Ex-leather mess of us. I once again restored, spoiled meat-packing plant in the spring, driven their cattle, which breaks Arbor "(SASPHKR. F. P 1293. Inv. 2. C. 20. P. 104).

51. Volodin A. Avtobusnoe dvizhenie v Vyatke [Bus traffic in Vyatka] // The Vyatka true. Feb 23. 1934. (№ 45). P. 4.

52. While the movement of buses was carried out on three routes. The first – took place on the Lenin street. from the station to the tanning Kirov (coner Profsoyuznay and Kazanskaya). There were two small buses. The second line – the station Kirov – Works "Politehoborudovanie" – took place on the street. Karl Marx. The third line – ring from the station Kirov – hotel krayispolkom and back to the station Kirov. On this line, there were two large buses, one of which went clockwise, the other back (New Line bus traffic // Kirov true. January 9. 1935. (№ 8). P. 3.

53. SAKR. F. P 2168. Inv. 1. C. 774. P. 25; [Kirov buses used bad] // Kirov true. Feb 10, 1935. (№ 34). P. 4.
54. SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. P. 1047. 83.
55. ZIS – First State Automobile Plant named by Stalin, the future Plant. Likhachev (ZIL).
56. 200 years Vyatka province ... P. 185.
57. Pervye taksi v gor. Kirove [The first taxi in Kirov city]// Komsomol tribe. Sep 24, 1938. (№ 112). P. 4.; 16 000 passazhirov [16,000 passengers] // Komsomol tribe. December 20. 1938. (№ 155). P. 4.
58. They cruised along the routes: Kirov station – hotel, station Kirov – KUTSHO station Kirov – Fur sheepskin factory. In addition, there were taxis for individual use, which went on-call customers (Taxi Kirov // Komsomol tribe. June 2, 1940. (№ 75), P. 4.).
59. SASPHKR. F. P 1293. Inv. 2. C. 118. P. 21.
60. Ibid. Inv. 3. C. 2. P. 19 reverse.
61. The following priorities were outlined tram line: Fileysky tract – Oktyabrsky Boulevard – st. Gorky – Station; Fileysky tract – st. Karl Marx – Str. Rosa Luxemburg – Str. Svobody – st. Komsomolskaya – Station (Geymason I. O budushem nashego goroda [On the future of our city] // Kirov truth. April 15. 1941. (№ 89), P. 2.
62. SAKR. F. P 897. Inv. 1. C. 1041. P. 18.
63. Ibid. F. P 2168. Inv. 2. C. 3. P. 29; Avialiniya Kirov–Sarapul [Airline Kirov Sarapul] // The Kirov truth. Feb 6. 1935. (№ 31). P. 3.
64. Kiryukhina E. I. Op. cit. P. 28.
65. Istoriya goroda Kirova [The history of the city of Kirov. 1374-1974: A brief sketch]. Kirov. 1974. P. 234.
66. Ibid. P. 213, 238.
67. See. Geymason I. On the future of our city [O budushem nashego goroda] // The Kirov truth. 1941. April 15. (№ 89). P. 2.

УДК 94"1944/1950"(571.17)

А. В. Бельков, М. А. Орлов

Иностранные военнопленные и интернированные как одна из волн принудительной миграции на территории Кемеровской области (1944–1950 гг.)

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся контингента иностранных военнопленных и интернированных, в 1944–1950 гг. содержавшихся на территории Кемеровской области. Авторы затрагивают процесс их поступления в область, подробно освещают изменения численности данного контингента как в масштабах всей области, так и в рамках той или иной организации – лагеря или отдельного рабочего батальона. Кроме того, в статье уделяется внимание переводу контингента из одних организаций в другие и процессу его репатриации. При рассмотрении поступления контингента в Кемеровскую область, его убытия из области и перевода из одной организации в другую авторы указывают конкретные обстоятельства, вызывавшие подобное движение контингента. Подводя итоги, авторы выделяют особенности ситуации, наблюдавшейся в Кемеровской области, по сравнению с другими регионами Западной Сибири.

The article is devoted to issues related to the contingent of foreign prisoners of war and internees who were kept on the territory of Kemerovo region during 1944–1950. The authors touch upon the process of their arrival to the region and also show in detail the changes of abundance of this contingent on a scale both of the whole region and of one or another organization such as camp or separate working battalion. Besides, in the article attention to transference of contingent from one to another organization and to the process of its repatriation is paid. Elucidating the arrival of the contingent to Kemerovo region, its departure from the region and transference from one to another organization the authors indicate specific circumstances caused such movement of the contingent. Summing up the authors point out the peculiarities of the situation observed in Kemerovo region compared with other regions of Western Siberia.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, спецконтингент, принудительная миграция, Кемеровская область.

Keywords: prisoners of war, internees, special contingent, forced migration, Kemerovo region.

В 1939–1956 гг. в СССР содержалось значительное количество иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Одним из регионов, где они размещались, была Кемеровская область. В 1944 г. в области были созданы лагеря военнопленных и интернированных № 162, 142 и 203, весной 1945 г. преобразованные соответственно в лагеря № 503 (с центром с Кемерове), 525 (с центром в Сталинске) и 526 (с центром в Юрге). В 1948 г. был ликвидирован лагерь № 526, в 1949 г. – № 503. Лагерь № 525 в 1949 г. был преобразован в лагерь № 464, ликвидированный в 1950 г. Каждый лагерь состоял из управления лагеря и лаготделений; последние нередко располагались на значительном удалении от управления лагеря, в других населенных пунктах. Кроме лагерей, в 1945–1949 гг. на территории области действовал отдельный рабочий батальон (ОРБ) № 1104, в 1948–1950 гг. – спецгоспиталь № 1407. Данные организации подчинялись Управлению по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), а с января 1945 г. – Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР.

В статье рассматривается движение контингента указанных организаций, действовавших в Кемеровской области: поступление людей в область и дальнейшее изменение их численности, перевод контингента из одних организаций в другие и его репатриация (при этом в статье не уделяется специальное внимание спецгоспиталю № 1407, поскольку движение его контингента требует рассмотрения с особого ракурса – в более тесной связи с состоянием здоровья пленных и интернированных и их медицинским обслуживанием). Движению контингента военнопленных и интернированных, содержащихся в Кемеровской области, уделяется внимание в ряде работ Р. С. Бикметова, С. С. Букина, А. А. Долголюка, Н. М. Маркдорф, М. А. Орлова [1]. Несмотря на это, в современной науке всё еще не получил широкого освещения ряд проблем, например изменение численности контингента той или иной конкретной организации на протяжении всего периода ее деятельности, причины и масштабы перевода контингента из одних лагерей в другие.

Необходимо отметить, что при изучении проблем, касающихся численности контингента того или иного лагеря, лаготделения или ОРБ, исследователи, как правило, сталкиваются с тремя различными показателями: фактической численностью по состоянию на определенную дату, среднесписочной (средней за определенный период времени, например месяц или год) и лимитной (максимально допустимой и установленной официально).

Первым среди лагерей Кемеровской области контингент получил лагерь № 203. Приказ НКВД СССР № 00901 от 27 июля 1944 г., которым лагерь был создан, предусматривал, что лимитная численность контингента лагеря составит 3 тыс. чел. 8–9 августа 1944 г. лагерь был готов к приему 1500–1700 чел., 1–5 сентября – уже 2 тыс. Но пленные не прибыли даже в октябре. Имевшийся жилфонд, рассчитанный на летние условия, потребовал переоборудования, а возможностей для этого лагерь не имел. Поэтому к 21 октября 1944 г. лагерь № 203 уже отказывался от получения военнопленных. 28 ноября 1944 г. начальник лагеря отмечал, что в ближайшее время из-за неподготовленности жилого фонда лагерь не сможет принять все 3500 пленных, которых УПВИ планировало туда завезти. Но при этом 1 декабря 1944 г. в лагерь прибыли 349 военнопленных: УПВИ по просьбе лагеря № 203 выделило их (из состава эшелона, шедшего в лагерь № 199) для выполнения строительных работ. В I квартале 1945 г. контингент лагеря № 203 не пополнялся, и его численность постепенно сокращалась: 9–10 января 1945 г. здесь содержались 342 чел., в начале апреля 1945 г. – 308 (в 9,7 раза меньше лимитной численности) [2].

Основное поступление военнопленных и интернированных в Кемеровскую область пришлось на 1945 г. Во II квартале 1945 г. в соответствии с постановлением ГКО от 29 января 1945 г. НКВД СССР был обязан направить в область 12 тыс. пленных для использования их на жилищном и культурно-бытовом строительстве (строительным трестам Наркомстроя СССР – 6 тыс. чел., предприятиям Наркомугля СССР – 5 тыс., Наркомчермета СССР – 1 тыс.). В дальнейшем число военнопленных и интернированных, поступивших в область, должно было составить 48500 чел. К 18 августа 1945 г. в область прибыли 26200 пленных и интернированных – 54% планового количества. Всего же за 1945 г. в ОРБ и лагеря военнопленных и интернированных, действовавшие на территории Кемеровской области, поступили 41010 чел.: во-первых, 34945 военнопленных и интернированных, во-вторых, 6065 чел. (по другим данным, почти на 200 чел. меньше), числившихся власовцами и белоэмигрантами и направленных в лагерь № 525. В конце 1945 – начале 1946 г. в область стали прибывать японские пленные, что привело к появлению новых отделений в лагерях № 503 и 526 [3].

Общая среднесписочная численность контингента лагерей № 503, 525 и 526 оказалась в 1945 г. максимальной по сравнению с другими годами, составив около 27 тыс. чел. Из-за продолжавшегося в начале 1946 г. поступления военнопленных и интернированных среднесписочная численность контингента лагерей области по сравнению с 1945 г. снизилась в 1946 г. несущественно, составив около 25 тыс. чел. (табл. 1). В конце лета 1946 г. в лагерях № 503, 525 и 526 содержались 25419 чел. [4]

Численность контингента лагерей № 503, 525 и 526 [5]

Номер лагеря	Показатель	Год				
		1945	1946	1947	1948	1949
503	Численность контингента на 1 января, чел.	–	13334	7821	8735	6649
	Количество поступившего контингента, чел.	19053	929	5098	4687	966
	Количество убывшего контингента, чел.	5719	6442	4184	6773	7615
	Среднесписочная численность контингента (фактически), чел.	7489	9086	7520	10251	5293
525	Численность контингента на 1 января, чел.	–	15336	10074	14317	7423
	Численность контингента на 1 октября, чел.	17273– 17330	10573	9036	9821	3718
	Среднесписочная численность контингента (по плану), чел.	Нет данных	11934	10171	12498	6298
	Среднесписочная численность контингента (фактически), чел.	16101	10515– 11260	10782– 11245	11632– 11634	6298– 6465
526	Среднесписочная численность контингента, чел.	3476	5492	5349	4639	–

Прибытие контингента в кузбасские лагеря военнопленных и интернированных продолжалось и в 1947 г. (но, в отличие от 1944–1946 гг., поступление осуществлялось не из фронтовых лагерей). Приказ Минвостокугля СССР № 190с/с от 30 декабря 1946 г. предусматривал, что вместо пленных и интернированных, репатриированных по нетрудоспособности, комбинаты «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь» получают соответственно 5,5 и 4 тыс. арестованных немцев, пребывавших до этого в спецлагерях и тюрьмах МВД СССР в Германии. В марте 1947 г. данный контингент (численностью, однако, только около 2800 чел.) поступил в лагеря № 525 и 526. Постановление Совета Министров СССР № 3214-1050с от 10 сентября 1947 г. обязывало МВД СССР к 1 ноября 1947 г. направить на предприятия Минвостокугля СССР и Министерства строительства топливных предприятий СССР дополнительное количество военнопленных, сняв их с объектов других министерств и ведомств. В связи с этим 15 сентября 1947 г. МВД СССР издало приказ № 00968, согласно которому Кемеровская область по числу направлявшихся в нее пленных (11600 чел.) стояла на третьем месте после Сталинской и Ворошиловградской. По данным Р. С. Бикметова и Н. М. Маркдорф, 5000 чел. должен был получить комбинат «Кузбассуголь», 4500 – комбинат «Кемеровоуголь» [6].

В 1947 г. из-за поступления в Кемеровскую область нового контингента общая среднесписочная численность контингента лагерей № 503, 525 и 526 по-прежнему снизилась незначительно (на 3,9% по сравнению с 1946 г.) и составила около 24 тыс. чел. В 1948 г. данный показатель превысил 26,5 тыс. чел., в 1949 г. составил лишь около 12 тыс. (см. табл. 1) [7].

Кроме общих данных по Кемеровской области интерес представляют и сведения о контингенте каждого лагеря в отдельности. В мае 1945 г. с преобразованием лагеря № 162 в лагерь № 503 (с 11 отделениями) лимитная численность контингента нового лагеря составила 10 тыс. чел. Контингент поступал в лагерь № 503 на протяжении всех лет его работы (с 1945 г. по 1949 г.), и за это время через лагерь прошли 30733 чел. За 1945 г. лагерь получил 19053 чел. С первым эшелонами поступили не менее 400 чел., со вторым, прибывшим 26 апреля 1945 г., – не менее 450; в конце декабря 1945 г. лагерь получил из Кореи 5873 военнопленных японской армии. Однако уже за 1945 г. из лагеря по разным причинам убыли 5719 чел., и в начале 1946 г. здесь содержались 13334 чел. Среднесписочная численность контингента лагеря составила в 1945 г. около 7,5 тыс. чел. (см. табл. 1) [8].

В феврале 1946 г. в лагере содержались 12 690 чел., в конце лета 1946 г. – 7981 (31,4% контингента лагерей № 503, 525 и 526). За 1946 г. убыли 6442 чел. (при этом 5353 – до начала осени), а поступили только 929. К концу 1946 г. в лагере № 503 содержался 7821 чел. – в 1,7 раза (или на 5513 чел.) меньше, чем в начале года. Среднесписочная численность контингента лагеря, напротив, в 1946 г. оказалась в 1,2 раза выше, чем в 1945 г. (см. табл. 1) [9].

За 1947 г. 4184 чел. из лагеря № 503 убыли, 5098 – поступили в лагерь. К концу 1947 г. по сравнению с началом года контингент лагеря вырос в 1,1 раза – до 8735 чел. Несмотря на это, среднесписочная численность контингента лагеря в 1947 г. по сравнению с 1946 г. уменьшилась в 1,2 раза, составив около 7,5 тыс. чел. (см. табл. 1) [10]; объясняется это тем, что в 1947 г. основные убытия контингента произошли на несколько месяцев раньше основных его поступлений, из-за чего на протяжении значительной части года численность контингента лагеря была намного меньше 7,5 тыс. чел.

В 1948 г. поступления в лагерь составили 4687 чел., убытия из лагеря – 6773. К концу 1948 г. здесь содержались 6639 чел. – минимальное количество контингента по сравнению с аналогичными показателями предыдущих годов. Но среднесписочная численность контингента лагеря в 1948 г., наоборот, выросла до 10,3 тыс. чел. (в 1,4 раза по сравнению с 1947 г.) и оказалась максимальной за все годы (см. табл. 1) [11]. Это связано с резким, но кратковременным увеличением фактической численности контингента, произошедшим из-за передачи лагерю № 503 контингента ликвидированного лагеря № 526.

К 4 июля 1949 г., когда началась массовая репатриация контингента лагеря № 503, здесь содержались около 6700 чел. За 1949 г. убытия контингента из лагеря оказались по сравнению с предыдущими годами максимальными и составили 7615 чел., тогда как поступления в лагерь – 966 чел. Среднесписочная численность контингента лагеря в 1949 г. по сравнению с 1948 г. уменьшилась в 1,9 раза, составив 5293 чел. (см. табл. 1) [12].

Менее многочислен по сравнению с лагерем № 503 был контингент лагеря № 526, образованного весной 1945 г. на базе лагеря № 203 (хотя после данного преобразования контингент лагеря заметно вырос: в мае – июне 1945 г. сюда прибыли 4277 военнопленных). Среднесписочная численность контингента лагеря № 526 составила в 1945 г. около 3,5 тыс. чел. (см. табл. 1) [13].

В мае 1946 г. количество отделений в лагере увеличилось. Лимитная численность контингента лагеря возросла до 6600 чел. В конце лета 1946 г. здесь содержались 6528 чел. (25,7% контингента лагерей № 503, 525 и 526). Среднесписочная численность контингента лагеря в 1946 г. по сравнению с 1945 г. увеличилась в 1,6 раза – почти до 5,5 тыс. чел. (см. табл. 1) [14].

В марте 1947 г. лагерь № 526 получил около 800 чел. из спецлагеря № 1 в Нюрнберге, размещенных во вновь созданном лаготделении № 8 в Анжеро-Судженске. Тем не менее среднесписочная численность контингента лагеря постепенно уменьшалась: в 1947 г. по сравнению с 1946 г. – в 1,03 раза, в 1948 г. по сравнению с 1947 г. – в 1,15 раза (см. табл. 1) [15]. Летом 1948 г. лагерь № 526 был ликвидирован, а его контингент был передан лагерю № 503.

Многочислен был контингент лагеря № 525. За 1945–1949 гг. через лагерь прошли до 36443 чел., а одновременно в нём содержались до 20 тыс. чел. [16] (сведения об источниках поступления контингента см. в табл. 2).

Таблица 2

Источники поступления контингента в лагерь № 525 за 1945–1949 гг. [17]

Откуда поступил контингент	Количество поступивших, чел.	Доля среди всех поступивших, %
Из лагеря № 11 (пос. Сучан Приморского края) эшелонам № 907158	1977	5,42
Из г. Санок	1318	3,62
Из фронтового приемно-пересыльного лагеря № 22 (г. Освенцим)	10102	27,72
Из фронтового приемно-пересыльного лагеря № 176 (г. Фокшаны)	9129	25,05
Из лагеря № 3 Забайкальского фронта (г. Мукден) эшелонам № 42223/8052	1496	4,11
Из ОРБ № 305, 310, 314, 315, 334, 384, 385, 389 и др. (г. Сталино, г. Брест, Московская область)	3112	8,54
Из лагеря № 503 (г. Кемерово)	1535	4,21
Из спецгоспиталя № 1407 (г. Сталинск)	524	1,44
Из спецлагерей № 4 (г. Баутцен) и 7 (г. Ораниенбург) Советской военной администрации в Германии	2549	6,99
Из лагеря № 347 (г. Лениногорск)	1585	4,35
Из лагеря № 30 (г. Улан-Удэ) эшелонам № 98958	700	1,92
Прочие поступления	2416	6,63
ИТОГО	36443	100,00

Весной 1945 г. планировалось, что у лагеря № 525 будет 25 лаготделений, а лимитная численность его контингента составит 25 тыс. чел. Фактически же в 1945 г. в составе лагеря были сформированы 18 отделений с общей лимитной численностью контингента в 30 600 чел. Уже в 1945 г. численность контингента лагеря начала уменьшаться: так, за IV квартал этого года она сократилась на 11,2–11,5% (с 17 273–17 330 до 15 336 чел.), хотя за тот же квартал в лагерь поступили не менее 1496 пленных японцев. Среднесписочная численность контингента лагеря составила в 1945 г. около 16,1 тыс. чел. (см. табл. 1) [18].

В конце лета 1946 г. в лагере № 525 размещались 10910 чел. (42,9% контингента лагерей № 503, 525 и 526), 1 октября 1946 г. – 10573, 1 января 1947 г. – 10074. С 1 января 1946 г. по 1 января 1947 г. численность контингента лагеря № 525 сократилась на 34,3% (5262 чел.), причем количество власовцев и белоэмигрантов – на 71,2% (с 3256 до 939 чел.), военнопленных европейских армий – на 28,1% (с 9008 до 6481 чел.), интернированных из стран Европы – на 20,1% (с 1576 до 1259 чел.). Среднесписочная численность контингента лагеря в 1946 г. по сравнению с 1945 г. уменьшилась на 30,1–34,7%, составив, по разным данным, 10515 или 11260 чел. (см. табл. 1) [19].

В марте 1947 г. лаготделение № 7 (в Прокопьевске) получило около 2 тыс. чел. из тюрем и спецлагерей Германии. Несмотря на это, к 1 октября 1947 г. контингент лагеря № 525 по сравнению с 1 января всё же сократился, составив 9036 чел. Но за IV квартал 1947 г. численность контингента лагеря увеличилась до 14317 чел., поскольку в ноябре 1947 г. для обслуживания предприятий угольной промышленности лагерь принял еще 7946 военнопленных (в том числе 2285 японцев) из рабочих рот Министерства вооруженных сил СССР. В итоге с 1 января 1947 г. по 1 января 1948 г. контингент лагеря вырос на 42,1%, причем наиболее заметно увеличилось количество японцев (с 1345 до 3529 чел., в 2,6 раза) и интернированных из стран Европы (с 1259 до 2915 чел., в 2,3 раза). Среднесписочная численность контингента лагеря в 1947 г. практически не изменилась по сравнению с 1946 г. (см. табл. 1) [20].

1 октября 1948 г. в лагере № 525 содержался 9821 чел., 1 января 1949 г. – 7423. С 1 января 1948 г. по 1 января 1949 г. контингент лагеря сократился на 6894 чел. (в 1,9 раза); наиболее резко снизилась численность власовцев и белоэмигрантов (с 772 до 52 чел., в 14,8 раза), а также японцев (с 3529 до 975, в 3,6 раза). Среднесписочная численность контингента лагеря в 1948 г., напротив, выросла по сравнению с 1947 г. на 3,4–7,9%, составив около 11,6 тыс. чел. (см. табл. 1) [21].

С 1 января по 1 октября 1949 г., к моменту ликвидации лагеря № 525, его контингент сократился вдвое – с 7423 до 3718 чел. По сравнению с 1948 г. в 1949 г. в 1,8 раза уменьшилась и среднесписочная численность контингента, составившая, по разным данным, около 6,30–6,5 тыс. чел. (см. табл. 1) [22].

Как уже отмечалось, на территории Кемеровской области пленные и интернированные содержались не только в лагерях, но и в ОРБ № 1104. В 1945 г. лимитная численность его контингента составила 800 чел. Всего же с августа 1945 г. по октябрь 1949 г. через батальон прошел 1471 чел. (в документах при освещении причин убытия контингента батальона указывается, что 140 чел. умерли, 1086 чел. были репатрированы, 172 чел. – отправлены в лагерь военнопленных и интернированных, 19 чел. – переданы на спецпоселение) [23].

Осенью 1949 г. – после репатриации основной части военнопленных и интернированных и ликвидации ОРБ № 1104 и лагерей № 503 и 525 – в Кемеровской области остались 3782 пленных и интернированных (нерепатрированная часть контингента ОРБ № 1104 в это число не входит, поскольку была отправлена в Красногорский лагерь № 27) [24].

Для содержания контингента, оставшегося в Кемеровской области, 1 октября 1949 г. на базе ликвидированного лагеря № 525 был создан лагерь № 464. Все 3718 чел., находившиеся на тот момент в лагере № 525, были переданы новому лагерю и первоначально составляли весь его контингент (лимитная же численность контингента нового лагеря составила 2750 чел.). Кроме лиц, полученных 1 октября 1949 г. от лагеря № 525, позднее в лагерь № 464 поступили до 710 чел. из других организаций, например лагеря № 503 и спецгоспиталя № 1407. Всего же через лагерь № 464 прошли 4428 чел. [25]

За первые три месяца работы лагеря № 464 его контингент сократился (причем наиболее существенно – за ноябрь и декабрь 1949 г.: соответственно на 1162 и 524 чел. или в 1,5 и 1,3 раза), за январь и февраль 1950 г. увеличился, но лишь на 175 чел., а в марте снова сократился. Уменьшалась и среднесписочная численность контингента лагеря: в IV квартале 1949 г. она составила 2980 чел. (плановая – 2750), в I квартале 1950 г. – 2132 чел. (плановая – 2000) [26].

Всего, по нашим подсчетам, через лагерь военнопленных и интернированных Кемеровской области, ОРБ № 1104 и спецгоспиталь № 1407 за 1945–1950 гг. прошли до 62,3 тыс. чел. [27] По оценкам же С. С. Букина и А. А. Долголюка, за 1945–1949 гг. через данные учреждения области прошли от 54 до 60 тыс. чел. (56,5–69,8% контингента, прошедшего за 1943–1949 гг. через аналогичные учреждения Западной Сибири, и 22,1–26,3% – через учреждения всей Сибири) [28].

Из одних тыловых лагерей военнопленных и интернированных, ОРБ и спецгоспиталей, действовавших на территории СССР, контингент нередко переводился в другие аналогичные органы. Затронуло данное явление и учреждения Кемеровской области. Например, часть контингента лагеря № 525 была отправлена в Кировскую область в спецгоспитали Наркомздрава (Минздрава) СССР: № 1773 на станции Быстряги (в 1945–1947 гг.) и № 3171 на станции Фосфоритная (не позднее янва-

ря 1949 г.). 3669 японцев, которых впоследствии предполагалось репатриировать, были не позднее октября 1947 г. отправлены из лагеря № 525 в Акмолинский лагерь № 330. Контингент лагеря № 525 переводился также в лагерь № 503, ОРБ № 1104, спецгоспиталь № 1407, проверочно-фильтрационный лагерь № 0315 в Прокопьевске. 2898 чел. лагерь передал местным органам МВД СССР на спецпоселение. В сам лагерь № 525 контингент поступал из лагерей № 11, 30, 347, 503, спецгоспиталя № 1407, различных ОРБ Министерства вооруженных сил СССР (подробнее см. в табл. 2) [29].

Из лагеря № 503 за 1945–1949 гг. в другие тыловые лагеря были отправлены 8229 чел.; кроме них, 171 чел. убыл из-за назначения уголовного наказания. Из 8927 военнопленных японской армии, прошедших через лагерь № 503, 2152 чел. поступили в него из других лагерей Кемеровской области, 902 чел. – из Известкового лагеря № 4 в Хабаровском крае (в 1947 г.). В 1947 г. в лагерь № 503 завезли пленных и из Белоруссии [30].

Всего за 1945–1950 гг. из лагерей Кемеровской области, ОРБ № 1104 и спецгоспиталя № 1407 в лагеря и спецгоспитали других областей были отправлены 5815 чел., в тюрьмы как осужденные военными трибуналами – 816, на спецпоселение – 3558, в проверочно-фильтрационный лагерь № 0315 – 1666 [31].

Отмечавшийся в документах перевод контингента из лагеря в лагерь в ряде случаев был связан просто с передачей подразделений одного лагеря другому (например, с переходом анжеро-судженских отделений лагеря № 503 в состав лагеря № 526 в 1946 г.). Нередко передача отделений одного лагеря другому была вызвана ликвидацией одного из лагерей. Так, летом 1948 г. был ликвидирован лагерь № 526, а те его отделения, которые находились в Анжеро-Судженске, вместе с контингентом снова оказались в составе лагеря № 503. Сходная ситуация возникла и при ликвидации лагеря № 525: два его отделения не были упразднены, а послужили основой вновь созданного лагеря № 464 [32]. Однако чаще в документах упоминаются случаи, когда контингент того или иного ликвидированного лагеря переводился в другой лагерь без передачи лаготделений.

Уже в 1945 г. пленных и интернированных, находившихся в Кемеровской области, начали репатриировать. В 1945–1947 гг. репатриировались, как правило, больные и нетрудоспособные (например, согласно постановлению Совета Министров СССР № 1653-726/с от 27 июня 1946 г. – неизлечимо больные, инвалиды, беременные, женщины с маленькими детьми). Приказ МВД СССР № 001078 от 15 октября 1947 г. предусматривал проведение в период с октября 1947 г. по март 1948 г. репатриации 100 тыс. нетрудоспособных пленных немцев с вывозом их в лагерь органов репатриации № 69 во Франкфурте-на-Одере, в том числе 1 тыс. чел. из лагерей Кемеровской области [33]. В 1947 г. наряду с плохим состоянием здоровья отмечают и другие основания для репатриации. Так, директива МВД СССР № 102 от 29 мая 1947 г. предполагала отправку на родину в июне – сентябре 1947 г. лучших производственников-антифашистов из числа пленных немцев, в частности 30 чел. из Кемеровской области [34].

В апреле 1947 г. в Москве на конференции глав внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании было принято решение о завершении репатриации военнопленных к концу 1948 г. Данный срок соблюден не был, но в 1948–1949 гг. отправка пленных и интернированных на родину носила уже массовый характер [35]. Выборочная репатриация сменилась сплошной: на родину постепенно вывозился весь контингент того или иного лагеря, кроме отдельных лиц, не подлежавших репатриации.

За 1945–1947 гг. из Кемеровской области были репатриированы 15 485 чел., за 1948–1949 гг. – 26 344 чел., за 1950 г. – 1494 чел. Из года в год повышался процент репатриированных из лагеря № 503: в 1945 г. они составили 15,7% контингента, прошедшего через лагерь за год, в 1946 г. – 16,7%, в 1947 г. – 23,0%, в 1948 г. – 41,4%, в 1949 г. – 76,2%. С 4 июля по 14 сентября 1949 г. из лагеря № 503 были репатриированы 4942 чел. В октябре 1949 г. был отправлен на родину подлежавший репатриации контингент ОРБ № 1104 [36].

В сентябре – октябре 1949 г. массовая репатриация пленных и интернированных из Кемеровской области завершилась. Контингент, не подвергнувшийся репатриации или переводу в другие регионы, разместился в лагере № 464 и действовавшем при нём спецгоспитале № 1407. Из самого лагеря № 464 в течение 1949–1950 гг. были репатриированы более 3200 чел. (73% всех прошедших через лагерь): в лагерь репатриации № 69 во Франкфурте-на-Одере направили более 1800 военнопленных, в лагерь репатриации № 284 в Бресте – более 1400 интернированных [37].

Всего же за 1945–1950 гг. из Кемеровской области были репатриированы 43 293–43 323 пленных и интернированных: 93,5% всех военнопленных японской армии, прошедших через область, 77,3% военнопленных европейских армий и 57,9% интернированных. У интернированных столь низкий показатель во многом объясняется высоким процентом умерших среди них [38].

По сравнению с другими регионами Западной Сибири (Алтайским краем, Тюменской и Новосибирской областями) пребывание военнопленных и интернированных в Кемеровской облас-

ти имело ряд особенностей. Во-первых, численность пленных и интернированных, прошедших через Кемеровскую область, была наибольшей. Во-вторых, в 1947 г. имели место крупные дополнительные поступления в Кемеровскую область данного контингента, в результате чего здесь, в отличие от других регионов Западной Сибири, стабильное сокращение численности пленных и интернированных началось только с конца 1947 г. В-третьих, в Кемеровской области значительно позднее завершилась репатриация военнопленных и интернированных.

Примечания

1. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово, 2009; Букин С. С., Долголюк А. А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 49–53; Маркдорф Н. М. Особенности репатриации японских военнопленных из Западной Сибири (1946–1949) // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 114–122; Орлов М. А. Иностранные военнопленные и интернированные в Кемеровской области: численность, состав, смертность (1944–1950 гг.) // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 2007. С. 123–131.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 114; Д. 75. Л. 3–7, 17–19 об., 20 об., 28, 28 об., 29 об., 30, 32, 32 об., 34, 34 об., 36 об.–37 об., 40 об., 41 об.
3. Букин С. С., Долголюк А. А. Указ. соч. С. 50; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 204. Л. 106; Д. 205. Л. 116; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 3, 4.
4. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 14; Д. 345. Л. 24, 25.
5. Там же. Д. 331. Л. 14, 64, 66, 74; Д. 345. Л. 49, 57; Д. 352. Л. 39, 40, 50, 51, 55–57, 62, 65, 79.
6. Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: документы и материалы. Кемерово, 2002. С. 31–32, 34; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 9, 26, 59; Д. 352. Л. 52, 55, 63; Д. 354. Л. 14, 17; Сидоров С. Г. Использование военнопленных в угольной промышленности СССР в 1941–1949 гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Вып. 1. Волгоград, 1999. С. 208–209.
7. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 14.
8. Там же. Д. 331. Л. 3, 14; Д. 345. Л. 44, 48, 49, 52, 57.
9. Букин С. С., Долголюк А. А. Указ. соч. С. 52; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 14; Д. 345. Л. 24, 25, 49, 57.
10. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 14; Д. 345. Л. 49, 57.
11. Там же.
12. Там же. Д. 331. Л. 14; Д. 345. Л. 49, 57, 78.
13. Букин С. С., Долголюк А. А. Указ. соч. С. 50; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 14.
14. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 3, 14; Д. 345. Л. 25.
15. Там же. Д. 331. Л. 9, 14; Д. 354. Л. 14, 17.
16. Букин С. С., Долголюк А. А. Указ. соч. С. 50; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 38.
17. Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг.: сб. документов и статей. М., 2001. С. 60; Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы. М., 2000. С. 1029, 1035; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 34, 171, 178, 186, 622, 623, 626, 628, 629, 1118, 1119; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 38.
18. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 3, 14; Д. 352. Л. 35–40, 50, 62, 65, 79.
19. Там же. Д. 331. Л. 14; Д. 352. Л. 39, 50, 55–57, 65, 79.
20. Там же. Д. 331. Л. 9, 14, 59; Д. 352. Л. 39, 40, 50, 52, 55–57, 63, 65, 79, 84.
21. Там же. Д. 331. Л. 14; Д. 352. Л. 39, 40, 51, 55–57, 65, 79.
22. Там же.
23. Там же. Д. 331. Л. 3, 47, 48.
24. Там же. Л. 51.
25. Там же. Д. 331. Л. 51, 64–66; Д. 352. Л. 39, 40, 105.
26. Там же. Д. 331. Л. 53, 72, 74; Д. 352. Л. 40, 51.
27. Там же. Д. 331. Л. 4–7.
28. Букин С. С., Долголюк А. А. Указ. соч. С. 51.
29. Главное управление по делам военнопленных... С. 490, 493, 494, 1118; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 38, 39.
30. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 345. Л. 49.
31. Там же. Д. 331. Л. 4–7; Д. 352. Л. 39.
32. Главное управление по делам военнопленных... С. 1119; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 51, 59, 63; Д. 345. Л. 50; Д. 352. Л. 39, 40, 105; Д. 354. Л. 5–7, 9, 24.
33. Военнопленные в СССР. С. 855, 858; Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы. С. 30; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 41, 42; Д. 345. Л. 52, 76.
34. Военнопленные в СССР. С. 840–841.
35. Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы. С. 54–55; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 86.

36. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 41, 42, 50; Д. 345. Л. 49, 52, 78.

37. Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы. С. 55; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 41, 42, 51, 55, 60, 62, 65, 66, 68.

38. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 4, 41, 42.

Notes

1. Bikmetov R. S. Ispol'zovanie spetskontingenta v ekonomike Kuzbassa (1929–1956 gg.). Kemerovo, 2009; Bukin S. S., Dolgol'uk A. A. Formirovanie lagerei voennoplennykh i internirovannykh v Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2000. № 2. P. 49–53; Markdorf N. M. Osobennosti repatriatsii iaponskih voennoplennykh iz Zapadnoi Sibiri (1946–1949) // Rossiia i ATR. 2012. № 4. P. 114–122; Orlov M. A. Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Kemerovskoi oblasti: chislennost', sostav, smertnost' (1944–1950 gg.) // Aktualnye problemy noveishei otechestvennoi istorii. Kemerovo, 2007. P. 123–131.

2. Russian state military archives (RSMA). F. 1п. Sh. 9в. File 73. Sh. 114; Д. 75. Sh. 3–7, 17–19 turn, 20 turn, 28, 28 turn, 29 turn, 30, 32, 32 turn, 34, 34 turn, 36 turn–37 turn, 40 turn, 41 turn.

3. Bukin S. S., Dolgol'uk A. A. Op. cit. P. 50; State archives of Kemerovo region (SAKR). F. П-75. Sh. 1. File 204. Л. 106; File 205. Sh. 116; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 3, 4.

4. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 14; File 345. Sh. 24, 25.

5. Ibid. File 331. Sh. 14, 64, 66, 74; File 345. Sh. 49, 57; File 352. Sh. 39, 40, 50, 51, 55–57, 62, 65, 79.

6. Inostrannye voennoplennye v Kuzbasse v 1940-e gody: Dokumenty i materialy. Kemerovo, 2002. P. 31–32, 34; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 9, 26, 59; File 352. Sh. 52, 55, 63; File 354. Sh. 14, 17; Sidorov S. G. Ispol'zovanie voennoplennykh v ugol'noi promyshlennosti SSSR v 1941–1949 gg. // Ekonomicheskaiia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia. Vol. 1. Volgograd, 1999. P. 208–209.

7. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 14.

8. Ibid. File 331. Sh. 3, 14; File 345. Sh. 44, 48, 49, 52, 57.

9. Bukin S. S., Dolgol'uk A. A. Op. cit. P. 52; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 14; File 345. Sh. 24, 25, 49, 57.

10. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 14; File 345. Sh. 49, 57.

11. Ibid.

12. Ibid. File 331. Sh. 14; File 345. Sh. 49, 57, 78.

13. Bukin S. S., Dolgol'uk A. A. Op. cit. P. 50; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 14.

14. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 3, 14; File 345. Sh. 25.

15. Ibid. File 331. Sh. 9, 14; File 354. Sh. 14, 17.

16. Bukin S. S., Dolgol'uk A. A. Op. cit. P. 50; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 352. Sh. 38.

17. Arkhiv noveishei istorii Rossii. Series «Publikatsii». Vol. II. Spetsialnye lageria NKVD/MVD SSSR v Germanii. 1945–1950 gg.: Sbornik dokumentov i statei. M., 2001. P. 60; Voennoplennye v SSSR. 1939–1956: Dokumenty i materialy. M., 2000. P. 1029, 1035; Glavnoe upravlenie po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD-MVD SSSR. 1941–1952: Otchetno-informatsionnye dokumenty i materialy. Volgograd, 2004. P. 34, 171, 178, 186, 622, 623, 626, 628, 629, 1118, 1119; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 352. Sh. 38.

18. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 3, 14; File 352. Sh. 35–40, 50, 62, 65, 79.

19. Ibid. File 331. Sh. 14; File 352. Sh. 39, 50, 55–57, 65, 79.

20. Ibid. File 331. Sh. 9, 14, 59; File 352. Sh. 39, 40, 50, 52, 55–57, 63, 65, 79, 84.

21. Ibid. File 331. Sh. 14; File 352. Sh. 39, 40, 51, 55–57, 65, 79.

22. Ibid.

23. Ibid. File 331. Sh. 3, 47, 48.

24. Ibid. Sh. 51.

25. Ibid. File 331. Sh. 51, 64–66; File 352. Sh. 39, 40, 105.

26. Ibid. File 331. Sh. 53, 72, 74; File 352. Sh. 40, 51.

27. Ibid. File 331. Sh. 4–7.

28. Bukin S. S., Dolgol'uk A. A. Op. cit. P. 51.

29. Glavnoe upravlenie po delam voennoplennykh... P. 490, 493, 494, 1118; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 352. Sh. 38, 39.

30. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 345. Sh. 49.

31. Ibid. File 331. Sh. 4–7; File 352. Sh. 39.

32. Glavnoe upravlenie po delam voennoplennykh ... P. 1119; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 51, 59, 63; File 345. Sh. 50; File 352. Sh. 39, 40, 105; File 354. Sh. 5–7, 9, 24.

33. Voennoplennye v SSSR. P. 855, 858; Inostrannye voennoplennye v Kuzbasse v 1940-e gody. P. 30; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 41, 42; File 345. Sh. 52, 76.

34. Voennoplennye v SSSR. P. 840–841.

35. Inostrannye voennoplennye v Kuzbasse v 1940-e gody. P. 54–55; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 352. Sh. 86.

36. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 41, 42, 50; File 345. Sh. 49, 52, 78.

37. Inostrannye voennoplennye v Kuzbasse v 1940-e gody. P. 55; RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 41, 42, 51, 55, 60, 62, 65, 66, 68.

38. RSMA. F. 1п. Sh. 15а. File 331. Sh. 4, 41, 42.

Структурно-семантические особенности кваликативного предложения в современном французском языке

Статья представляет собой опыт исследования структурно-семантических особенностей кваликативного предложения в современном французском языке. Сопоставление различных типов кваликативного предложения – предложений тождества, предложений классификации и предложений характеристики – позволяет вскрыть внутреннюю динамику французского языка, эволюцию его синтаксического строя. В статье рассматриваются лингвистические аспекты отношения тождества, выявляются критерии отграничения предложений тождества от предложений смежных типов: классификации и характеристики, реляционных предложений; выявляются формальные способы выражения отношения тождества во французском языке. Предложения тождества не отделяются от предложений смежных типов резкими разграничительными линиями. Своеобразная динамика предложений тождества проявляется во взаимопроникновении трех типов кваликативного предложения, что находит свое выражение в усложнении отношения тождества отношениями классификации и характеристики, а также в его переходе в отношения классификации и характеристики.

This article shows the research experience in structural-semantic peculiarities of qualificative sentence in modern French. The comparison of different types of qualificative sentence (identity sentence, classification sentence, characterization sentence) allows revealing the interior dynamics of the French language, its syntactic structure evolution.

This article regards linguistic aspects of identity and identity sentences criteria of distinguishing from related sentences. It includes: the classification of relational sentences; the characterization of relational sentences; formal methods of expressing identity relations in French.

The identity sentences aren't greatly detached from related sentences. The original dynamic of the identity sentences appeared in an interosculation of qualificative sentences. It finds the expression in complexification in relation between the identity relation, the qualification/characterization relation and its conversion to the qualification/characterization connection.

Ключевые слова: кваликативное предложение, предложение тождества, предложение классификации, предложение характеристики, предложения смежных типов.

Keywords: qualification sentence, identity sentence, classification sentence, characterization sentence, related sentence.

Во французском языке тождество выражается предложениями с глаголом-связкой, который соединяет две части высказывания, что схематически обозначается логической формулой $A = B$, где A и B – отождествляемые объекты, а знак математического равенства ($=$) – оператор тождества. Объекты мы понимаем в весьма широком смысле: это люди и вещи в своих различных проявлениях (ипостаси объекта), процессы, действия, явления, факты, свойства, качества, состояния, отношения и т. п. как природы, так и психической деятельности людей, продуктов их воображения, результатов абстрактного мышления. Ядерной синтаксической моделью предложений тождества служит структура кваликативного предложения $S + Vc + P$. Однако эта структура семантически неоднородна, и мы исходим из положения, что кваликативные предложения охватывают три семантических типа: предложения тождества, предложения классификации и предложения характеристики.

В предложениях тождества объекты A и B представлены соответственно в синтаксической форме подлежащего и предикатива, а функцию связки выполняет глагол être. Синтаксическая модель $S \pm Vc + P$ описывает и два других типа отношений:

– показывает на включение субъекта в класс, обозначаемый предикативом (предложения классификации);

– характеризует субъект высказывания (предложения характеристики).

Разным семантическим типам могут соответствовать и различия в особенностях структуры предложения: *Paris est la capitale de la France* (тождество); *Paris est une capitale* (классификация); *Paris est beau* (характеризация).

Три значения квалификативного предложения связаны между собой постепенными переходами: отношение тождества перекрещивается с отношением включения и с отношением характеристики, а отношения характеристики и включения содержат в себе элемент тождества (по свойству) [1]. Элемент тождества по свойству включают в себя и реляционные предложения: *Le gouffre est analogue à la nuit* (частичное тождество объектов по одному из свойств: пропасть так же черна и безмолвна, как ночь).

Несмотря на отсутствие четких границ между тремя типами квалификативного предложения, существует ряд критериев, позволяющих отделить предложения тождества от смежных с ними типов: предложений классификации и характеристики, а также реляционных предложений. Некоторые из этих критериев отмечались в литературе [2], однако результаты исследования позволяют их дополнить.

Проба на равнообъемность значения субъекта и предикатива. Семантической особенностью предложений тождества является равнообъемность подлежащего и предикатива ($S = P$). В предложениях классификации и характеристики объем значения подлежащего уже, чем объем значения предикатива, и включается в него ($s < P$): *La Brabençonne est l'hymne national belge* ($S = P$; тождество); *José était un moissonneur du village voisin* ($S < P$; классификация); *C'est une scrapule!* ($S < P$; характеристика).

Предложения тождества нередко содержат в себе индикаторы тождества. К ним относятся прилагательные *seul*, *unique*, обладающие общим значением единичности вообще или в данной ситуации, т. е. способные суживать область референции имени существительного до одного-единственного объекта: *L'amour pour Napoléon est la seule passion qui me soit restée*, а также имена существительные с определенным артиклем со значением действующего лица: *l'auteur*, *le créateur*, *l'inventeur*, *l'organisateur*, *le fondateur*, *le continueur*, *le précurseur*, *le sauveur*, *le vainqueur* и т. п., вследствие чего характеризующиеся логической и прагматической определенностью: *L'auteur de la théorie de la relativité est Einstein*.

Проба на симметричность. Выражая равенство объема значения, субъект и предикатив предложения тождества взаимозаменяемы. Предложение сохраняет правильность, однако изменяется соотношение темы и ремы. В предложениях классификации взаимозамена темы и ремы невозможна без нарушения смысла высказывания: *L'homme qui l'a le plus frappé comme orateur, c'est Freycinet = Freycinet, c'est l'homme qui l'a le plus frappé comme orateur*; *La directrice était une femme extraordinaire = Une femme extraordinaire était la directrice*.

Проба на равенство артиклей. В предложениях тождества (структурная модель $le/x/ + Vc + le /y/$) имена нарицательные, входящие в состав субъекта и предикатива, употребляются с определенным артиклем. В предложениях сигнификативного тождества в предикативе возможно употребление неопределенного артикля в обобщающей функции перед существительным в составе именной группы с относительным придаточным предложением. В предложениях классификации в предикативе используется неопределенная или нулевая форма артикля: *Le 14 juillet est l'anniversaire de la prise de la Bastille* (тождество); *Il n'était pourtant pas horloger, mais employé dans l'enregistrement* (классификация).

Прономинализация послесвязочного компонента. Предикатив предложений тождества замещается предметными местоимениями *le*, *la*, *les*, тогда как в предложениях классификации и характеристики – только непредметным местоимением *le neutre*: *Etranger, je suis la reine Clytemneste(Sartre) = Je la suis* (тождество); *Etes-vous ouvrière? = Je le suis* (классификация).

Проба на референтность. S и P предложения тождества «ригидно» референтны и могут употребляться в идентифицирующих целях в дальнейшем тексте, не нарушая его связности. Данная функция не свойственна референтно неопределенному предикативу классифицирующего суждения: *L'Internationale est le chant des travailleurs révolutionnaires. ----- Le chant des travailleurs révolu- tionnaires a été créé par Eugène Pettier en juin 1871; Le rossignol est un oiseau. Le rossignol est brun- roux, но L'oiseau est brun-roux.*

Проба на образность. Предложения тождества свободны от образности и двусмысленности, для них не характерно употребление тропов. Использование последних типично для предложений характеристики: *Par les mânes de mon père Agamemnon, je te le jure: je suis Oreste (Sartre)* (тождество); *Charlus, c'est Proust tel qu'il aurait pu devenir si son génie ne l'avait sauvé* (характеризация).

Проба на «денотативную целостность». Предложения, устанавливающие частичное тождество, т. е. тождество по одному из признаков денотата, относятся к реляционным предложениям: *La Place de la Bastille, à Paris, correspond à l'emplacement de l'ancienne Bastille* («частичное» тождество, касающееся только пространства, а не самого объекта).

Значение контекста, определяющего смысл отношения между S и P. Контекст мы рассматриваем не как чисто языковое окружение, а как отражение пресуппозиции или ситуативного фона, включающего в себя как факторы конкретной материальной ситуации, так и факторы языковой и культурной компетенции коммуникантов: *Soudain, Fellow souleva la tête, et Anne se redressa: ils avaient reconnu ensemble le pas rapide d'Antoine, sa manière brusque d'ouvrir et de fermer les portes. C'était lui, en effet.*

Проба на отрицание. Для предложений тождества снимается критерий пробы на отрицание, выделенный рядом исследователей, ввиду специфики французского языка: совпадения в одной форме полного и частного отрицания. Совпадение полного и частного отрицания является опровержением предполагаемой идентичности и при этом реально оказывается, что отрицается узкое понимание либо субъекта, либо предикатива: *Paris n'est pas la capitale de la France* = Париж не столица Франции (отрицаемое тождество) или Париж – столица, но не Франции (классификация).

Однако, как уже указывалось, предложения тождества не отделены от предложений смежных типов абсолютно резкими разграничительными линиями. Своеобразная динамика предложений тождества проявляется во взаимопроникновении трех типов квалификативного предложения, что находит свое выражение в усложнении отношения тождества отношениями классификации и характеристики, а также в его переходе в отношения классификации и характеристики.

Основная форма усложнения отношения тождества отношениями характеристики и классификации связана с введением в состав структурной схемы предложения дополнительных членов, прежде всего прилагательных.

Тождество + Характеризация. Дистинктивным признаком усложнения модели является введение в состав предикатива качественных прилагательных, отражающих в своем значении: самые общие свойства объекта (параметрические прилагательные): размер, форму (*grand, petit* и т. п.); соответствие идеальному представлению о предмете (*vrai, réel, pur* и т. п.); общую субъективную оценку: *L'apprêt est le meilleur cuisinier.*

Тождество + Классификация. В качестве дистинктивного признака выступают количественные прилагательные *premier, dernier, principal, primordial, central, fondamental, exclusif* и т. п. Количественные определители при предикативном компоненте указывают на наличие (в предшествующих или последующих) предложениях ряда объектов, из числа которых выделяется названный объект, и свидетельствуют о семантической сложности высказывания: *La France, l'Angleterre et l'Espagne furent les principales nations colonisatrices* (были и другие колониальные державы).

Динамика предложений тождества связана также с преобразованием данного типа высказываний в предложения классификации или характеристики.

Тождество ----> Классификация. Французский язык обладает определенным инвентарем средств, принадлежащих к различным частям речи и указывающим на включение объекта в класс. В роли индикаторов классификационных отношений выступают:

1. Вводные наречия и наречные выражения:

а) выделяющие один элемент из множества ему подобных и тем самым свидетельствующие о существовании и других элементов класса: *par exemple, en particulier, principalement*;

б) осуществляющие логическую связь с другими объектами *aussi, surtout, avant tout*: *Et je vis que cet homme était, lui aussi, Frédéric Belot... Lequel était Belot, le vrai Belot, le cher parrain.*

2. Предлоги: *parmi*, характеризующий множество, и *avec*, подчеркивающий неединичность объекта: *Turenne, Condé, Villars, Catinat furent parmi les plus célèbres capitaines du siècle de Louis XIV* (классификация + характеристика);

Marinette m'a tout donné. ... C'est le seul être que je sois sûr d'aimer avec moi (классификация);

3. Прилагательное *autre*, наречие *plutôt*, обладающие значением альтернативности, на базе которого возникает значение неопределенности: *Ce vice (l'avarice) est plutôt l'effet de l'âge (...)*;

4. Наречия и наречные выражения, формы кондиционала и субжонктива, вводящие элемент неуверенности, сомнения, оценки и снижающие категоричность высказывания. Говорящий не исключает факта возможности вхождения субъекте высказывания в множество, обозначаемое предикативом: *C'est peut-être la leçon suprême de Poil de Carotte, sa dernière épreuve* (тождество ----> классификация).

Тождество ----» Характеризация. Высказывания прочитываются как характеризующие, т. е. называющие комплекс качеств, присущих объекту в случае употребления:

1. Существительных в переносном смысле. Имена существительные в переносном смысле представляют собой результат не прямой, или косвенной, номинации и служат характеризации объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Имена существительные в переносном значении обладают особыми референциальными свойствами: они не имеют референции к некоему определенному объекту: *L'université de Paris est la fille aînée des rois de France...*

2. Оценочных имен существительных. В семантическом плане имена существительные с оценочным значением отличаются метафоричностью и употребляются, как правило, нереперентно в функции предикатива: *Ce jeune homme est le coq du village* (в определенных контекстах высказывание может быть прочитано как предложение тождества).

3. Существительных *le type, le modèle* и т. п., представляющих особый класс оценочных выражений: *Harpaçon est le type de l'avare*.

4. Именных групп, стержневым элементом которых является имя прилагательное в превосходной степени. При употреблении превосходной степени прилагательного в атрибутивно-именном комплексе высказывание получает, как правило, субъективно-оценочное значение и служит характеризации субъекта: *L'homme est à lui-même le plus prodigieux objet de la nature* (характеризация <-----> тождество + характеризация);

5. Связочных глаголов (косвенные способы выражения тождества), включающих сему «оценочности»: *sembler, paraître, se prétendre, passer pour, avoir l'air, s'avérer, être réputé comme, être jugé de, être traité de, être qualifié de, se prendre pour, se montrer* и т. п.: *Il le fait passer pour son neveu*.

«Оценочные» глаголы содержат указание на несоответствие признака, выраженного предикативом, реальному миру говорящего, с точки зрения которого субъект не заслуживает того качества, которое ему приписывают.

Предложения тождества семантически неоднородны. Исходя из положения, что смысловая структура слова представляет собой так называемый «семантический треугольник», мы выделяем три типа предложений тождества: предложения номинативного тождества (тождество на уровне имени), предложения сигнификативного тождества (тождество на уровне сигнификата) и предложения денотативного тождества (тождество на уровне денотата). Имеется и смежные (переходные) типы предложений тождества.

Предложения номинативного тождества основываются на отношении именованности, основное свойство которого заключается в том, что один и тот же предмет может иметь различные имена, тогда как данное имя может быть именем только одного предмета. Наименования, входящие в состав предложений номинативного тождества, совпадают по объему обозначаемого понятия, но различаются по «внутренней форме». Основу предложений номинативного тождества составляют имена собственные и их эквиваленты, употребляющиеся автономно, т. е. для обозначения самих себя: *le Nouveau Continent, c'est l'Amérique*.

В основе предложений сигнификативного тождества лежит отражаемое в формах языка понятие – сигнификат. Наименования, входящие в состав данного типа предложений, выступают как общие метаязыковые указания, раскрывающие содержание понятия или устанавливающие значение термина. В предложениях сигнификативного тождества субъект и предикатив могут быть представлены любой частью речи, реализующей свое сигнификативное содержание: *La syntaxe est la manière dont s'agencent les mots dans la phrase; Vivre, c'est agir...*

Предложения денотативного тождества опираются на функцию идентификации. В предложениях денотативного тождества утверждается кореферентность именных групп (главных компонентов), замещающих вполне определенный предмет, причем один и тот же. Во французском языке для выражения единичной идентифицирующей референции наиболее приспособлены личные и дейктические местоимения, имена собственные, числительные в абсолютном употреблении, именные группы с именем нарицательным в роли главного слова, «идентифицирующие» придаточные предложения, именные группы, стержневым элементом которых является прилагательное в превосходной степени: *La Lune est le satellite de la Terre; A présent te voilà: Oreste, c'était toi*.

Каждый из названных типов предложений тождества также семантически неоднороден. Так, к предложениям номинативного тождества относятся высказывания, устанавливающие:

- 1) тождество имен на основании тождества денотатов: *Everest, c'est Chomolungma*;
- 2) тождество имен, независимо от объекта: *Fred, c'est Alfred*.

В предложениях сигнификативного тождества выделяются:

- 1) предложения-определения: *le squelette est la charpente du corps*;

2) предложения «авторского» сигнификативного тождества: L'enfer, c'est de ne plus aimer.

Особую группу предложений сигнификативного тождества составляют высказывания, ус-танавливающие отношение эквивалентности сигнификатов двух различных выражений, релевантное только в рамках определенного сообщения. Мы назвали подобные высказывания предложениями «авторского» сигнификативного тождества. В качестве элементов, реализующих основные компоненты предложений «авторского» сигнификативного тождества, выступают абстрактные имена существительные и глаголы в инфинитиве, что в известной мере предопределяет общенность всего высказывания.

В предложениях денотативного тождества особую группу представляют предложения тематического равенства (тождества):

1) синтетические: Dix et quatre font quatorze;

2) аналитические: Le mille marin équivaut à 1852 mètres.

Таким образом, ядерной синтаксической моделью предложений тождества служит структура квалификативного предложения S+Vc+P. Синтаксическая структура S+Vc+P описывает другие типы отношений: показывает на включение субъекта в класс, обозначаемый предикативом (предложение классификации), или характеризует субъект высказывания (предложение характеристики). Несмотря на отсутствие четких разграничительных линий между тремя типами квалификативного предложения, существует ряд критериев (в статье их выделено восемь), позволяющих отделить предложения тождества от смежных с ними типов: предложений классификации, предложений характеристики, а также предложений реляционной предикации, включающих в себя элемент частичного тождества объектов. Окружающий нас мир находится в постоянном движении. Диалектика, своеобразная динамика предложений тождества проявляется в усложнении отношения тождества отношениями классификации и характеристики; модификации отношения тождества в отношении классификации характеристики; семантической неоднородности исследуемого типа предложений.

Примечания

1. Ионице М. П., Потапова М. Д. Проблемы логико-синтаксической организации предложения. Кишинев: Штиинца, 1982. 136 с.

2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.; Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 850 с.; Чиликина О. Н. Структурно-семантические особенности предложений классификаций во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 179 с.

Notes

1. Ionice M. P., Potapova M. D. Problemy logiko-sintaksicheskoi organizacii predlozheniya [Problems of sentence logical syntactic organization]. 1982. P. 136.

2. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl [The sentence and its meaning]. Moscow. 1976. P. 383; Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka [Theoretical grammar of the French language]. Moscow: Dobrosvet. 2000. 850 p.; Chilikina O. N. Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozhenii klassifikacii vo francuzskom yazyke [Structural and semantic features of the proposed classification in the French language]: dis. ... cand. filol. sciences. Moscow. 1987. 179 p.

УДК 8; 81-26

А. Н. Тарасова

Синергия вопросительного и восклицательного знаков в сетевых текстах (на материале татарского, русского и английского языков)

Данная статья посвящена комплексному исследованию такого языкового феномена, как синергия вопросительного и восклицательного знаков, на материале татарских, русских и английских сетевых текстов. Показано, что синергия рассматриваемых пунктуационных знаков является одним из наиболее эффективных приемов эмоциональной и графической эмфазы в сетевых текстах. Данный пунктуационный прием направлен на выражение различных чувств и эмоций пишущего, а также оказание психоэмоционального воздействия на читающего то или иное сообщение. На основе проведен-

ного лингвистического анализа автор приходит к выводу о том, что пунктуация сетевых текстов претерпевает значительные изменения. В частности, данные изменения проявляются в том, что знаки препинания приобретают новые функциональные возможности передачи эмоций и чувств в печатной речи разноструктурных языков.

The article is devoted to a complex investigation of such linguistic phenomenon as synergy of question and exclamation marks on the material of Tatar, Russian and English net texts. It is shown that synergy of these punctuation marks presents one of the most effective means of emotional and graphical emphasis in such kinds of texts. Synergic effect of these punctuation marks is aimed at expression of feelings and emotions of the author and as well making a strong psychological influence on the reader of the message. On the basis of the linguistic analysis, the author states that this expressive and emotive method contributes to obtaining of new functional potential in different-structured languages.

Ключевые слова: пунктуационный знак; сетевой текст; синергия; экспрессивно-эмотивный прием; разноструктурные языки.

Keywords: punctuation mark; net text; synergy; expressive and emotive method; different-structured languages.

В центре нашего исследования – проблема нестандартной, экспрессивной пунктуации в интернет-коммуникации, а именно, в одной из ее форм – в сетевых текстах. Акцент делается на описании и анализе особенностей употребления комбинированных пунктуационных знаков «!» и «?», а также на выявлении их новых функциональных возможностей в осуществлении коммуникативного процесса в татарском, русском и английском интернет-пространстве.

Прежде чем дать определение понятию «сетевой текст», обратимся к трактовке термина «текст» в целом. В *Толковом словаре русского языка* «текст» определяется как «слова, предложения в определенной связи и последовательности, образующие какое-либо высказывание, сочинение, литературное произведение, документ и т. п., напечатанные, написанные или запечатлѐнные в памяти» [1]. *Longman Online Dictionary of Contemporary English* дает следующее значение: “Text is any written material” («Текст – любой написанный материал». – *Перевод науч.*) [2]. Итак, в рамках нашего исследования мы рассматриваем сетевой текст как напечатанную связную речь одного или нескольких людей, состоящую из слов, фраз, предложений, а также параграфических средств, образующих собой единое целое, и используемую при общении через компьютерную сеть Интернет. К сетевым текстам мы относим тексты блогов, форумов, чатов, электронных книг, журналов, электронных писем, информационно-развлекательных сайтов, мгновенных сообщений и тексты социальных сетей.

В ходе нашего исследования мы выявили, что пунктуация в сетевых текстах рассматриваемых разноструктурных языков, с одной стороны, нормирована грамматическими правилами и рекомендациями, а с другой – в них наблюдается достаточно большое количество примеров, где знаки препинания приобретают новые функциональные возможности в тексте, тем самым помогая более четко и эксплицитно выразить свои мысли и суждения пишущему и обеспечивая правильное восприятие – читающему. Проанализировав примеры использования знаков препинания, мы выделили следующие особенности пунктуации в сетевых текстах:

1. *Эмотивно-экспрессивные приемы пунктуации.* Под эмотивно-экспрессивным приемом пунктуации мы понимаем коммуникативно и прагматически оправданное ненормированное употребление знака препинания с целью эмоционального воздействия на читателя, а также выражения психоэмоционального состояния пишущего и его субъективного отношения к высказываемой мысли, на чем, впоследствии, основывается выразительность высказывания/предложения/текста в целом. К таким приемам относятся:

– Парцелляция, т. е. конструкция экспрессивного синтаксиса, заключающаяся в намеренном расчленении интонационно и логически связного текста на пунктуационно самостоятельные части. Например:

My friend, Sprite, has a little boy who is 10 months old. SO CUTE. SQUISHY PUFFY CHEEKIES. (У моего друга, Спрайта, десятимесячный сын. ТАКОЙ МИЛЫЙ. С ПУХЛЫМИ МЯГКИМИ ЩЕЧКАМИ. – Перевод наш.) [https://www.facebook.com/]

Когда болею, сама никогда не лечусь. Ибо лень. Само пройдет.

– Аддубитация, т. е. демонстрация либо имитация сомнений при рассуждении, выборе слова или оценке события, обычно сопровождаемые вопросно-ответным ходом или риторическими вопросами, обращенными к самому себе или к аудитории [3]. Например:

«Интернет-саях» бу юри язылганмы? хата гынамы?(«Интернет- саях» – специально так написано? Или это просто ошибка? Перевод наш.) [<http://алма-бөртеге.блогы.рф/2011/08/>]

То есть я буду платить, когда пойду переоформлять полис? А если не пойду? Или пойду, но не в 2015 году, а в каком-нибудь 2020? Меня оштрафуют? Они будут ОМС выдавать строго на год? Только на календарный год? Или можно проплатить на пять лет вперед (ну в самом деле, там и так очереди)? [<http://make-your-style.livejournal.com/>]

– Адмирация, демонстрация либо имитация восхищения, удивления, восторга, сопровождаемая риторическими восклицаниями и восклицательными знаками. Например:

So they are as nice as they were the first day I met them! I can't wait to start working outside of college as a professional graphic designer or artist! We will see! Good luck to me!! I am very excited! I dream about NYC!!! The heart of Art and Design! (Они так же добры, как и в первый день нашей встречи! Не могу дождаться того, когда я начну работать профессиональным графическим дизайнером или художником. Посмотрим! Удачи мне!! Я вся в предвкушении! Я просто мечтаю о Нью-Йорке!!! Сердце искусства и дизайна! – Перевод наш.) [<http://www.internationalstudent.com/>]

– Синергия знаков препинания (суммирующий эффект взаимодействия двух или более знаков препинания).

– Дистанцирование знака препинания от конечной буквы высказывания, например:

Видеоларда кыстырсаң тагын язмаларыңа !!!!! (Было бы хорошо, если бы ты к своим записям прикреплял еще и видео !!!!! Перевод наш.) [<http://алма-бөртеге.блогы.рф/2011/08/>]

2. Факультативность употребления знаков препинания в сетевых текстах, которая выражается в полном отсутствии знаков препинания, их частичной расстановке или чрезмерном употреблении. Например:

Good idea thanks for reminding (Хорошая идея спасибо что напомнил) [<https://www.facebook.com/>];
ярар мин куттем [<http://kynel.ru/>];

Несмешно шутишь товарищ [<https://www.facebook.com/>].

сэгать, кичэгечэ [<http://www.bulmas.ru/>].

Объектом настоящего исследования является синергия восклицательного и вопросительного знаков, которая характеризуется высокой степенью частотности употребления в сетевых текстах трех анализируемых языков. Как следует из определения, синергия вопросительного и восклицательного языков заключается в суммирующем эффекте их взаимодействия, который значительно превосходит эффект каждого из них по отдельности. Рассмотрим свойства данного языкового феномена на примерах из сетевых текстов на татарском, русском и английском языках.

1. Синергия восклицательных знаков («!!», «!!!», «!!!!», «!!!!!» и т. д.).

Синергия восклицательных знаков является одним из самых распространенных видов эмоциональной и графической эмфазы в сетевых текстах. Как правило, несколько восклицательных знаков, расположенных подряд, визуальнo выделяют определенную часть текста и выражают широкий спектр эмоциональных реакций. Анализ показал, что чем больше знаков задействовано в приеме, тем сильнее эмоциональная нагрузка высказывания. Например:

Мэликэне дә арттырып биу!!Молодец!! (Танцует лучше, чем Малика!!Молодец!! Перевод наш.) [<http://www.bulmas.ru/>]

АЛЬФИНА АПА, БИК МАТУР ЖЫРЛЫЙСЫЗ!!! УНЫШЛАР СЕЗГЭ!!! (Альфина апа, очень красиво поете!!! Удачи Вам!!! – Перевод А. Т.) [<http://www.bulmas.ru/>]

безнен мега звездабыз шэп кеше малай!!!!ошый да инде шунун жырлаганнары!!!!!! (Наша мегазвезда – отличный человек, скажу я вам!!!! Как мне нравятся то, как она поет!!!!!! – Перевод А. Т.) [<http://www.bulmas.ru/>]

В приведенных примерах два, три и более восклицательных знаков выражают чувство очарованности «!!», изумления «!!!» и восторга «!!!!», причем экспрессивность в данных предложениях достигается не только из-за функционирования восклицательных знаков, но и за счёт дополнительных смысловых оттенков «похвалы», «пожелания» и «обожания». Похожие тенденции наблюдаются в русском и английском языках. К примеру:

mi hijito bello !!!nice couple !! (Мой красивый сынишка !!!прекрасная пара !! – Перевод наш.) [<https://www.facebook.com/anastasia.syrjeva>]

Awe I miss you too man!! (Ой, я тоже скучаю по тебе, чувак!! – Перевод наш.) [<https://www.facebook.com/anastasia.syrjeva>]

Aww!!! So special.. my girl!!!! (Ой!!! Так необычно.. девочка моя!!!! – Перевод наш.) [<https://www.facebook.com/anastasia.syrjeva>]

у меня все хорошо,переехала в Стокгольм,с семьей,обживаюсь на новом месте))) как у вас? очень соскучилась!! [<http://vk.com/>]

Дела хорошоо, но вам соскучилась!!!! [<http://vk.com/>]

Рассмотрим следующий пример:

Медведева талантище!! [<http://www.woman.ru/relations/>]

В данном предложении второй восклицательный знак, вероятно, подчеркивает уверенность пишущего в справедливости своего высказывания и демонстрирует это не только читающему, но и повторно убеждает в этом самого автора.

Три восклицательных знака демонстрируют сильный эмоциональный подъем и «громкий возглас», что видно из примеров. Очевиднее всего, в устной речи такое предложение характеризовалось бы восклицательной интонацией и высоким тембром голоса (выше, чем при постановке «!» или «!!»). Например:

а по ребятам видно, что любовь и молодость – вот что их связало. огромного им счастья и благополучия!!! [<http://www.woman.ru/relations/>]

I was told that I can get a merit based scholarship, which is great!!! (Мне сказали, что я могу получать стипендию, основанную на полученных оценках на экзаменах, и это здорово!!! – Перевод наш.) [<http://www.internationalstudent.com/>]

Четыре и более восклицательных знака, которые можно встретить на форумах, в мгновенных сообщениях и в текстах социальных сетей, употребляются для привлечения внимания читателей и обладают наибольшей экспрессивностью. Такие предложения воспринимаются совершенно иначе, нежели предложения с одним, двумя или тремя восклицательными знаками. Например:

Summer!!!! I'm in love with you! Never leave me!!!! (Лето!!!! Я люблю тебя! Никогда не покидай меня!!!! – Перевод наш.) [<https://twitter.com/>]

В приведенном примере полнота чувств пишущего не имеет границ, его переполняют сильные эмоции, которые он выражает в многократном использовании пунктуационного знака «!». Важно заметить, что, употребляя такие знаки, пишущий вовсе не задумывается об их количестве, а, вероятнее всего, руководствуется правилом «Чем больше знаков – тем сильнее эмоции». Такие предложения выразительны не только за счет передачи всего разнообразия интонаций разговорной речи, но и своего графического оформления, способного привлечь внимание даже случайного читателя. Так, в текстах форумов зачастую многократное употребление восклицательного знака говорит о стремлении автора продемонстрировать масштабность своей проблемы с целью получить ответ как можно быстрее. Например:

ПОМОГИТЕ ПЛИЗ!!!! ПОСТАРАЙТЕСЬ СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНО... [<http://znaniya.com/task/589600>]

Следует заметить, что одно и то же количество восклицательных знаков в разных примерах может выражать оппозитные эмоции, такие как сильное желание – сопротивление, досада – радость, отвращение – восхищение и т. п., например:

ТӨШЛӘРЕНДӘ КУРЕП САТАША,ХАТЫНЫ ВЕНЕРА ДА ШӘП БИТ,ЧУКЫНГАННЫҢ!!!!!!! (Во снах грезишь, хотя и жена у него замечательная, будь он неладен!!!!!!! – Перевод А. Т.) [<http://www.bulmas.ru/>]

Я с Вами! Да! Да! Да!!!!!!! [vk.com/messages/]

Из первого примера очевидно, что автор выражает свои негативные эмоции, употребляя не только несколько восклицательных знаков подряд, но и коннотативно-оценочное лексическое средство «чукынганнын» («будь он неладен»). Такое сочетание лексического и пунктуационного средств образует эмоционально окрашенную смысловую эмфазу, придавая речи большую выразительность. Во втором примере положительный эмоциональный подъем достигает своей высшей точки после завершающего повторяющегося элемента «да». Таким образом, можно с уверенностью сказать, что синергия восклицательных знаков способствует усилению эмоционального плана – как положительного, так и отрицательного; и по мере увеличения знаков в комбинации увеличивается и экспрессивность сетевого текста.

2. Синергия вопросительных знаков («??», «???», «????» и т. д.).

В письменных и печатных текстах вопросительный знак выполняет четко фиксированные функции: он разделяет синтаксические конструкции, указывает на соответствующую вопросительную интонацию и смысловую завершенность высказывания. Также в сетевых текстах вопросительный знак может выполнять эмотивно-экспрессивную функцию, в особенности в случае его многократного употребления.

Так, двукратное употребление вопросительного знака выражает следующие чувства и эмоции в татарских, русских и английских сетевых текстах:

– Любопытство. Например:

кем кыстыый?? (кто уговаривает?? – Перевод наш.) [<http://www.sarmanda.ru/>]

Plus are there any on campus or off campus jobs during study ?? (И еще, есть ли какая-нибудь работа на территории или за пределами кампуса в учебное время ?? – Перевод наш.) [<http://talk.collegeconfidential.com/canada/>]

Hi, could you let me know which is the best for commerce among UOFT, york, western ontario, queens and Mcgill?? (Привет, кто может сказать, какой из университетов Торонто лучше для изучения коммерции и финансов: Йоркский, Квинс, Западного Онтарио или Макгилла? – Перевод наш.) [<http://talk.collegeconfidential.com/canada/>]

– Оскорбленность:

Голшам нишлэп алай дисең?? (Гульшам зачем так гоыоришь?? – Перевод наш.) [<http://www.bulmas.ru/>]

– Ирония:

Что за ужасный бабушкин лифчик у нее под платьем?? [<http://www.woman.ru/>]
Или сәхнәгә кергәндә онытылып калган «дустымы»?? (Или это забытый при выходе на сцену «друг»?? – Перевод наш.) [<http://www.bulmas.ru/>]

– Досада:

Даже административный не дадут?? [<http://vk.com/>]

Предложение с двойным вопросительным знаком по экспрессивности уступает предложением с тройным, но обладает большей эмоциональной нагруженностью, чем предложение с одним вопросительным знаком на конце. Мы предполагаем, что второй вопросительный знак употребляется в качестве демонстрации особой заинтересованности задающего вопрос в ответе. Повторный знак вопроса дополняет первый, предлагая читающему хорошо вникнуть в суть вопроса и подумать, прежде чем ответить.

Три восклицательных знака в сетевых текстах употребляется для выражения сильного чувства (удивления, возмущения, любопытства) и своего отношения к высказываемой мысли (значимости вопроса и, следовательно, ответа на него), например:

Do Canadian Colleges accept ACT score??? (Канадские колледжи принимают с результатами ACT???) Перевод наш.) [<http://talk.collegeconfidential.com/canada/>]

Sand beach??? (Сэнд бич???) [<https://www.facebook.com/>]

По правилам татарской, русской и английской пунктуации знак «???», как и «??», является неверным. В художественной литературе такая девиация возможна как результат личного языкового вкуса автора. Вместо тройного вопросительного знака по правилам должен употребляться знак «?!», который выражает как вопрос, так и сильную эмоцию. Однако сетевые тексты изобилуют случаями постановки не только трех, но и большего количества вопросительных знаков в одной комбинации. Такого рода синергия вопросительных знаков в сетевых текстах передает напряженное психоэмоциональное состояние пишущего и в то же время побуждает к реакции читающего. Например:

кем шулай дин зйтэ?????(Кто говорит такое????? – Перевод наш.) [<http://www.bulmas.ru/>]

Who's watching @BachParadise tonight????? (Кто смотрит @BachParadise сегодня вечером????? – Перевод наш.) [<https://twitter.com/>]

Казанский кооперативный техникумга берәүдә кермиме укырга???? (Никто не поступает в казанский кооперативный техникум???? – Перевод наш.) [http://vk.com/tatar_palata]

sorry!!!! тема немного напрягает, «если бы велосипед был бы человеком (?????) он наверно не был бы велосипедом!» [<http://vk.com/>]

3. Синергия вопросительного и восклицательного знаков («?!», «!?!», «?!?!», «!?!?» и т. д.).

Анализ материала показал, что для выражения экспрессивности и эмоциональности речи в сетевых текстах комбинации из нескольких вопросительных знаков употребляются во взаимодействии с восклицательным знаком, так как последний также обладает функцией репрезентации эмотивной стороны речи. Такой феномен мы называем *синергией вопросительного и восклицательного знаков*.

Итак, как было сказано выше, данное языковое явление широко употребляется в сетевых текстах в конце вопросительных предложений, имеющих ярко выраженный эмотивный смысловой оттенок. Важно заметить, что степень эмоциональности предложения будет зависеть и от структурного расположения знаков в комбинации. Если сравнивать комбинации «?!» и «!?!» и их модификации, можно сказать, что, в целом, они взаимозаменяемы: очередность их расстановки никаким образом не влияет на смысл предложения и не препятствует его правильному восприятию читателем. Единственным различием является то, что при постановке знака «?!» автору важно выразить вопрос и получить ответ на него, а выражение своего субъективного отношения к высказыванию – вторично; при постановке «!?!» – наоборот. Сравните:

Почему?! Объясните, почему черепашек-ниндзя называют ЧЕРЕПАШКАМИ?! [<http://vk.com/overhear>]

Зачем брать такой телефон, если он не помещается в сумочку, и тебе приходится носить его в пакете!!!? Специальном пакете для лопаты!?! [http://vk.com/palnom6]

Исходя из смысла предложения, можно утверждать, что во втором примере восклицательный знак кодирует эмоциональный оттенок «негодования», а сам вопрос уже содержит предположительный ответ на вопрос («Незачем!»).

В татарском, русском и английском языках использование таких пунктуационных комбинаций сводятся к выражению большого разнообразия эмотивных оттенков, которые, в сущности, могли бы быть переданы при отдельном употреблении вопросительного или восклицательного знака, однако не обладали бы выразительностью в той мере, какую дает синергический результат этих знаков препинания. Рассмотрим некоторые эмотивные оттенки, выражаемые комплексами «?!» и «!?».

– Сильное удивление:

А ты как? Что ты делала в Ижевске?!?! [http://vk.com/]

– Недовольство:

*Вы че, издеваетесь?!? Вторая волна для иногородних никак не вариант [http://vk.com/]
What!?! (Что!?! – Перевод наш.) [http://missadventuresrussia.wordpress.com/]*

– Обеспокоенность:

Кондез тошкэннэрен курдек, кая тонге фотолар???!!!! (Мы видели, что они днем фотографировались, а где ночные фотографии???!!!! – Перевод наш.) [http://www.sarmanda.ru/]

How are u!?! (Как ты! – Перевод наш.) [https://www.facebook.com/]

– Раздраженность:

Ну вот откуда в пустой комнате могут взяться комары?!?! [http://hatewall.ru/tag/129/page/2]

анда синен эшен бармы сон???!!!! (Тебе-то какое дело???!!!! – Перевод наш.) [http://www.bulmas.ru/]

– Испуг:

Но "I voted" stickers?!? Don't bother voting – this is a scam (Нет листовок «Я проголосовал»? Не стоит утруждаться и голосовать – это афера. – Перевод наш.) [https://www.facebook.com/].

и вообще ты где???!!!! [http://vk.com/]

– Злость:

И кто виноват, что 10% внесли даже те кто в очереди аж 1700!?!? [http://www.molodsemya.ru/index.php?topic=2535.0]

Кем сон монда директор, кем «жырычы»??! (Кто здесь вообще директор, кто «певец»??! – Перевод наш.) [http://www.bulmas.ru/]

– Нервозность:

Вы хоть выезжаете иногда дальше своего новобирюлево?!?

[http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4453878]

Ну син мине аңладың инде, име?!?! (Ну, ты меня понял, да?!?! – Перевод наш.) [http://www.bulmas.ru/]

Из приведенных примеров становится очевидно, что синергия вопросительного и восклицательного знаков образует поле для выражения разнообразных чувств и эмоций, в основном – негативных. Связано это с тем, что в татарско- и русскоязычных сетевых текстах вопросительные предложения с положительными эмотивными оттенками пунктуируются посредством знаков «?» и «( )». В английском языке в таких случаях вопросительный знак сопровождается параграфемным знаком – смайликом.

Например: *JB, I cant get it to load, what type of music? head bangin??? 🤪 (JB, у меня не грузится, что за музыка? рок??? 🤪 [http://pub10.bravenet.com/forum/]*

а зачем ты постоянно акцентируешь на этом внимание???) [http://vk.com/]

Скобки, которые в грамматических справочниках описываются как парный знак, в данном случае употреблены в качестве упрощенной формы параграфемного средства – смайлика, который является средством графического выражения эмоций и чувств в интернет-коммуникации.

Таким образом, сетевой текст представляет собой новый тип текста, развивающийся и модифицирующийся одновременно с изменениями в научно-технической сфере. Он сочетает в себе черты как существовавших до него текстов, так и новые, революционные характеристики. В меньшей степени последние отражаются и в пунктуации. Проведенное исследование позволяет нам утверждать, что пунктуация сетевых текстов претерпевает значительные изменения; в частности, знаки препинания приобретают новые функциональные возможности передачи эмоций и чувств в печатной речи. Одним из таких приемов является синергия вопросительного и вос-

клицательного знаков, который практически вытесняет общепринятые одиночные вопросительный и восклицательный знаки в сетевых текстах. Следует отметить, что данный прием находит отражение как в татарском и русском, так и в английском языках, несмотря на их разную генеалогическую принадлежность и грамматический строй.

Примечания

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е. М.: Азъ, 1990. URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 28.07.2014)
2. Longman Online Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/> (дата обращения: 28.07.2014)
3. URL: http://studopedia.net/1_29008_priemi-psihologicheskoy-attraktsii.html (дата обращения: 28.07.2014)

Notes

1. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian language] Ed. 2. Moscow. Az, 1990. URL: <http://www.ozhegov.org/> (date of treatment: 07/28/2014)
2. Longman Online Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/> (date of treatment: 07/28/2014)
3. URL: http://studopedia.net/1_29008_priemi-psihologicheskoy-attraktsii.html (date of treatment: 07/28/2014)

УДК82:81– 26

Н. ДЖ. Абдалькарем

Ономастические ориентализмы в очерках А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»

Статья посвящена лингвистической и исторической интерпретации антропонимических и топонимических ориентализмов в путевых очерках А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум». Пушкин специально вводит в свой текст множество ориентальных имен, как антропонимов, так и топонимов. Поэт сделал это для придания документализма своему очерку. Выделяются антропонимы, по происхождению образованные от так называемых восточных языков: арабского, тюркского и персидского, которые играют важную роль при формировании социального статуса и национального самосознания. Многие имена и фамилии, употребленные А. С. Пушкиным в очерке, анализируются впервые. Показательно, что антропонимы достаточно полно отражают культуру, традиции и веру различных представителей восточных народов: *Аллах, Бекович, Гассан*. Семантика некоторых антропонимов четко отражает социальный статус носителей: *Казбек, Фазил-хан, Хозрев-Мирза*. Очень много работают на документализм произведения и топонимы, четко отражающие изменения национального тоposa в пути следования А. С. Пушкина.

The article is devoted to the linguistic and historical interpretation of onomastic orientalisms in A. S. Pushkin's travel essays "Journey to Erzerum". A. S. Pushkin presents lots of oriental proper names in his text on purpose; there are both anthroponyms and toponyms among them. It was apparently done for giving documentarity to the essays. In their texts, there are anthroponyms of so-called oriental origin (Arabic, Persian and Turkish) which play an important role of forming and signing social status and national consciousness. Many of first names and surnames allocated in A. S. Pushkin's text are analyzed for the first time. It is remarkable that the anthroponyms completely reflect the culture, traditions and beliefs of different eastern nations representatives: *Allah, Bekovich, Gassan*. The meaning of some anthropolexem units clearly reflects the social status of their possessors: *Kazbek, Fazil Khan, Hozrev Mirza*. Documentarity of the essays is appreciably reached by using the toponyms which reflect the change of national topos in the way of A. S. Pushkin's journey.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, антропоним, топоним, ориентализм, заимствование, арабский, персидский, тюркский языки, документализм.

Keywords: A. S. Pushkin, anthroponym, toponym, orientalism, word apotion, Arabic, Persian, Turkish languages, documentarity.

Ономастические единицы, используемые А. С. Пушкиным в очерке «Путешествие в Арзрум», – это прежде всего собственные имена и фамилии, образованные от слов восточного происхождения, которые выбираются из установленной в той или иной стране номенклатуры, а также топонимы, отражающие конкретную национальную специфику территорий, через которые проезжал А. С. Пушкин. В мусульманских странах большинство имен имеют религиозное происхождение. Важную роль имена собственные играют в создании художественных образов произведения, где они могут указывать на время действия, место действия, а также возраст, социальный статус, национальность описываемых персонажей. Пушкин специально использует много таких имен для придания своему очерку эффекта документальности. Фамилии, многие из которых содержат в своих основах нарицательные компоненты, способны параллельно с функцией именования выполнять и функцию характеристики персонажа. При передаче на другой язык имена собственные принято в настоящее время транскрибировать, иногда с элементами транслитерации.

Материалом данного исследования послужила выборка из «Путешествия в Арзрум» по т. VIII Полного собрания сочинений А. С. Пушкина в 17 т., а также различные словари. Показательно, что Словарь А. С. Пушкина ономастического материала почти не дает.

А. С. Пушкин ставил перед собой основную цель достоверно передавать обстановку, дух и взаимоотношения между людьми с разными характерами, да и принадлежащих к разным языковым и религиозным этническим общностям. Заимствованные единицы, включаясь в русскую систему словоизменения, как правило, приобретают окончания при склонении.

Ага-Мохамед – арабское имя значит: достохвальный. 1. Титул военачальников и начальников некоторых групп придворных слуг (в султанской Турции). 2. Употребляется как форма вежливого обращения – иногда в сочетании с именем – к старшему или уважаемому человеку (в Закавказье, Средней Азии, а также в Турции). «Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному *Аге-Мохамеду* взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.)» [1]. В тексте использование «говорящего» имени, то есть онима, обладающего семантикой, помогает выразить авторское отношение к этому персонажу. Добавив эпитет «славный» и, вероятно, учитывая арабское значение «достохвальный», автор с легкой иронией повествует о деяниях воинственного грузина.

Амин – арабское имя, которое значит: верный, честный, хранитель, это одно из имён мусульманского пророка [2]. «Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром *Амином-Оглу*» [3]. Автор упоминает Амина-Оглу один раз. Реализуется основная функция онима – выделения и классификации.

Бей-булат – тюрко-персидское имя, состоящее из двух слов, оно значит: властитель, господин; синоним – арабский эмир. А вот толкование составных частей: 1) титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока. У тюркских народов Средней Азии и Закавказья в средние века и новое время титул землевладельца. 2) В Турции со второй половины XIX в. до 1934 г. была формой обращения. 3) В Тунисе в 1705–1957 гг. наследственный правитель, *булат*, персидское слово значит сталь по персидском (фулад), булатная сталь, холодное оружие исключительной стойкости и остроты, изготовленной из такой стали, слово заимствовано из тюркских языков, скорее всего из татарских [4]; *бей* – турецкое слово, которое значит господин, правитель (*бег, бек, бей*). «*Бей-булат* мужчина лет тридцати пяти, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду. Вот впечатления настоящие восточные! Славный *Бей-булат*, гроза Кавказа» [5]. Имя *Бей-булата* упоминается в повести дважды, оно состоит из двух заимствованных компонентов, и по описанию понятно, что в целом характер этого человека соответствует значению его имени.

Мансур – арабское имя, которое обозначает: побеждающий, поддерживаемый (Богом), несущий победу, победитель, тот, кто одерживает верх; празднующий победу [6]. «Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался *Мансур*, человек необыкновенный» [7]. Человек с именем Мансур упоминается в повести один раз. Собственное имя имеет здесь функцию референции.

Навин – прозвание приемника Моисея, Иисуса Навина; предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана. «Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с *Навином...*» [8]. Собственное имя, принадлежащее некогда библейскому герою, здесь употребляется в символическом значении, в качестве гиперболизации в рассказе о военных успехах Паскевича. Символический смысл и коннотации, заложенные в ониме, позволяют создать иронический тон повествования.

Осман-паша – имя нескольких правителей османской империи (усман, и имя осман ибн (сын) аффан одного из помощников пророка Мухаммеда) [9]: «Мы пришли к дому *Османа-паши*; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом, – на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: тебе подобает связывать и развязывать. Нам поднесли кофию в чашечках, оправленных в серебре. Старик с белой почтенной бородою, отец *Османа-паши*, пришел от имени жен благодарить графа Паскевича, – но г. А. сказал наотрез, что он послан к женам *Османа-паши* и хочет их видеть, дабы от них самих удостовериться, что они в отсутствие супруга всем довольны» [10]. Имя Османа-паши упоминается в тексте произведения семь раз, везде в виде двухкомпонентного слова. *Паша* – *раша* турецкое слово, которое значит титул высших военных и гражданских чиновников в бывшей султанской Турции, в Египте и некоторых других мусульманских странах; лицо, носящее этот титул. Так же, как и «паша», первый компонент «Осман» склоняется и изменяется в контексте по правилам русского языка. Иноязычное собственное имя демонстрирует признаки хорошей освоенности русским языком: «Пускай нападет он, – говорил Ермолов, – на *пашу* не умного, не искусного, но только упрямого, например на *пашу*, начальствовавшего в Шумле, – и Паскевич пропал!» [11]. В тексте это самый частотный тюркизм встречается семь раз. Среди примеров употребления есть собственные имена – антропонимы, обозначающие разных людей: Осман-паша, Гаки-паша, Топчи-паша. С помощью такого словосложения автор не только называет человека, но и указывает на его знатное происхождение. Примеры отдельного употребления слова «паша» также многочисленны, слово меняется по падежам, в тексте повести, наряду с другой заимствованной единицей «бек» обозначает восточную знать.

Топчи-паша – турецкий артиллерийский офицер. Топчи (турецкий множ. ч. *topschilar*, от *top* – ядро, пушка). Чин турецкого артиллерийского офицера, канонир. «Он объявил, что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством *Топчи-паши* овладели городскими батареями и бунтуют» [12]. Автор использует словосложение из двух заимствованных компонентов, чтобы создать краткий и емкий термин для обозначения турецкого артиллерийского офицера. В тексте он его оставляет без комментариев, рассчитывая на читателей – знатоков военного дела. Остальные могут оценить местный колорит данного слова, придающий неповторимую атмосферу восточной войны.

Фазил-Хан – арабо-тюркский антропоним, который состоит из: Фазил > *Фадил* – арабское имя, которое значит достойный, превосходный + *хан* – тюркский компонент сложносоставного имени, которое значит господин [13]. *Фазиль-хан* – персидский поэт, с которым Пушкин познакомился около Казбека на Военно-Грузинской дороге, когда Пушкин ехал в Тифлис, а Фазиль-хан – в Петербург. «Ждали персидского принца <...> конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня *Фазил-Хану*. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда *Фазил-Хан* отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека!» [14]

Хозрев-Мирза – Хосрев-Мирза, Хосров-мирза – персидский принц, 7-й сын наследника престола Аббас-Мирзы; *мирза* персидское слово, которое состоит из двух частей (*мир* – князь и *заде* – сын). Если оно стоит перед собственным именем, то соответствует значению ‘господин’, если же стоит после собственного имени, то означает ‘член царствующей династии принца крови’ [15]. «...в полуверсте от Ананури, на повороте дороги, встретил *Хозрев-Мирзу*. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище» [16]. А. С. Пушкин в контекстах четко демонстрирует важность и значимость человека в обществе, называя его с титулом, который отличает его от других, как «*Фазил-Хан*» и «*Хозрев-Мирза*».

Важно отметить, что автор вводит русские фамилии, образованные от слов ориентального происхождения:

Бекович – Девлет-Кизден-Мурза (во св. крещении князь Александр Бекович-Черкасский), родоначальник рода Бековичей-Черкасских, капитан гвардии Преображенского полка, известен по своей несчастной экспедиции в Хиву. По уверениям Соймонова, лично знавшего Бековича, родиной его была Кабарда, обыкновенно называемая у нас Черкасской землей, отчего заимствовано наименование его Черкасский. Название же Бекович происходит от слова «бек» [17]. «Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала *Бековича*, проскакавшего сквозь их выстрелы» [18].

Цицианов – князь Дмитрий Павлович; происходил из древнего рода князей Цицишвили, бывших владетелями Карталинии, *Цицишвилли* (груз. ციციშვილი, рус. *Цициановы*), грузинский княжеский род из Картли (одна из основных историко-географических областей Грузии). «Санковский, издатель «Тифлиских ведомостей», рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе *Цицианове*» [19]. Князь *Цицианов* упоминается в повести один раз, в составе примет тамошнего края. Служит автору для создания местного колорита, передачи особенностей местности и ее истории через ландшафт, климат, а также персоналии.

Не менее значимы в тексте А. С. Пушкина и топонимы. Они как бы прочерчивают путь, преодоленный великим поэтом.

Ананур – заштатный город бывшей Тифлисской губернии у реки Арагви. «Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу <...> Я дошел до *Ананура*, не чувствуя усталости» [VIII. Т. 454]. Топоним «*Ананур*» употребляется в тексте два раза. Четко обозначает этапы путешествия автора.

Арагва – груз. Арагви – река в Грузии, образуется в районе населенного пункта Пассанаури из слияния рек Белая и Черная *Арагви*. Гидроним Арагви переводится с грузинского как «быстрая». «С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой *Арагвой*, извиляющейся, как серебряная лента <...>. Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой *Арагвою*, сменили мрачные ущелия и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодоносные деревья» [20]. Гидроним Арагва повторяется в тексте три раза: Оним выполняет функцию референции, выстраивает маршрут путешествия, что необходимо читателю для полного проникновения в суть текста.

Аракс – река, приток Куры; протекает в странах: Турция, Армения, Азербайджан, на значительном протяжении по границе с Ираном. Русское традиционное *Аракс* из др.-греч. Однако в тюркском Араз значит 'приток, проточная вода' [21]: «Мы увидели *Аракс*, быстро текущий в каменистых берегах своих» [22]. Река *Аракс* упоминается в повести однажды. Видим, что из всего многообразия существующих названий (что неудивительно, когда река протекает через три страны и граничит с четвертой) автор выбирает написание *Аракс*. Выбор такого варианта говорит о том, данный гидроним заимствовался в русский из древнегреческого.

Арапат – горная вершина в Туапсинском районе Краснодарского края, находится юго-западнее аула Псебе в левобережье одноименной реки. Высота – 500 метров. Название орониму дано армянскими переселенцами в честь священной горы всего армянского народа – *Арапат*, находящейся в настоящее время на территории Турции. Название связывают с именем древнего государства и народа *Урарту*. Современное армянское название Масис – «великая гора», турецкое – Агрыдаг – «кривая гора». «На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это *Арапат*». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и варана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения» [23]. Топоним *Арапат* употребляется три раза, когда автор указывает на границу между двумя странами и, так как на самом деле граница эта весьма условная, подкрепляет свои слова описанием меняющегося ландшафта.

Арзрум – арабское слово, которое происходило от первого слова *арз* – земля и второго слова *рум* – Рим, Византия т. е. земля Византии. От этого названия старая русск. форма *Арзрум* – город на востоке Турции, *Эрзурум*. В древности принадлежал Армении и назывался Карин от арм. кар 'камень'. [24] Пушкин уделил особое место описанию этого города «*Арзрум* (неправильно называемый *Арзерум*, *Эрзрум*, *Эрзрон*), основан около 415 года, во время Феодосия Второго, и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человеческих. *Арзрум* почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты. Главная сухопутная торговля между Европой и Востоком производится через *Арзрум*. Но товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают, что заметил и Турнфор, пишуший, что в *Арзруме* большой может умереть за невозможности достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе. Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукоятях. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В *Арзруме* ни за какие деньги нельзя купить то-

го, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии. Климат арзрумский суров. Город выстроен в долине, возвышающейся над морем на 7000 футов. Горы, окружающие его, покрыты снегом большую часть года. Земля безлесна, но плодоносна. Она орошена множеством источников и отовсюду пересечена водопроводами. *Арзрум* славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество. У каждого висит жестяной ковшик на цепи, и добрые мусульмане пьют и не нахвалятся. <...> Один путешественник пишет, что из всех азиатских городов в одном *Арзруме* нашел он башенные часы, и те были испорчены. Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в *Арзрум*. Войско носит еще свой живописный восточный наряд. Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу» [25]. Это название, ставшее также заглавием повести, повторяется семь раз, А. С. Пушкин не зря приводит множество версий истории происхождения и орфографии данного топонима, поскольку он являлся конечной точкой его путешествия.

Арпачай – река. 1) Берет начало из гор Карахач, протекает на Ю. мимо г. Александрополя, впадает близ с. Хейрбеклю в Аракс. «Перед нами блистала речка, через которую должны мы должны были переправиться. «Вот и *Арпачай*», – сказал мне казак. *Арпачай!* наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли» [26]. В тексте *Арпачай* упоминается единожды – в цитируемом предложении. Для тех, кто не силен в географии, автор поясняет: «наша граница». Для него звучание этого слова, в отличие от большинства читателей, наполнено особым смыслом, о чем и сообщается в последующих предложениях.

Байбурт – турецкий город, в ущелье р. Чороха, по дороге в Эрзрум. «Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под *Байбуртом*» [27]. Топоним упоминается в повести один раз. Упоминание места, где погиб один из генералов, добавляет точности и скупулесности рассказу, что характерно для путевых заметок.

Бештау – изолированная пятиглавая гора вулканического происхождения вблизи г. Пятигорска в Ставропольском крае. Ороним переводится с тюркского как «пять гор», где беш – «пять», тау – «гора». «Величавый *Бешту* чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке» [28]. Употребление в повести – номинативное, помогает обозначить маршрут путешественника, вносит местный колорит в повествование. Выпадение звука «а» свидетельствует об ассимиляции данного топонима в русском языке.

Гассан-Кале – старинная крепость в турецкой Армении (верст 35 к востоку от Эрзерума). В 1829 г. граф Паскевич, разбив турок на Саганлугских горах, занял Гассан-Кале 24 июня. «24 июня утром пошли мы к *Гассан-Кале*, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня <...> *Гассан-Кале* считается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью. В нем находилось до ста армянских семейств» [29]. Упомянутая выше ономастическая единица «Гассан» используется как словообразовательный компонент для образования топонима Гассан-кале, который упоминается в тексте шесть раз. Оба компонента в составе сложного слова остаются несклоняемыми. В тексте топоним выполняет функцию референции.

Гергеры – (тур. Geğer) – город и район в провинции Адыяман (Турция). «Я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость *Гергеры*. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега <...> В *Гергерах* встретил я Бутурлина, который, как и я, ехал в армию. Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями» [30]. Название крепости упоминается в тексте дважды. Как и Гумры, имеет грамматические показатели существительного, для которого постоянной является форма множественного числа. Склоняется по падежам. В тексте выполняет индикативную функцию.

Необходимо сказать, что употребление подобных единиц Пушкиным создает атмосферу местного колорита, передачи восточного уклада, сильно отличающегося от русского. Они также указывают на социальный статус героев, выявляя их ранг в ситуациях их взаимоотношений.

Из этого можно сделать вывод, что собственные имена выполняют в очерках А. С. Пушкина вполне свойственную им номинативную функцию. Но она не является единственной. Иноязычное слово (*бек, мирза, хан*), фамилии, образованные от слов ориентального происхождения, имеющее непривычный облик и звучание, не могут не участвовать в создании художественного образа, в данном случае человека. В широком контексте антропонимы-ориентализмы вносят свой вклад в повествование и определяют его бытописательный характер.

Вполне определенную функцию выполняют и топонимы, употребленные А. С. Пушкиным в повести.

Примечания

1. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. С. 457.
2. Словарь-справочник мусульманских имён / авт.-сост. Ибн Мирзакарим аль-Карнаки. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2010. 448 с.
3. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 478.
4. *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
5. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 479.
6. Словарь-справочник мусульманских имён...
7. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 447.
8. Там же. С. 445.
9. Словарь-справочник мусульманских имён...
10. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 480.
11. Там же. С. 445.
12. Там же. С. 475.
13. *Розенфельд А. З.* Персидский поэт XIX в. Фазил-хан Шайда: (К встрече Пушкина с миссией Хосров-мирзы и к русско-иранским культурным отношениям) // Средневековый Восток: История, культура, источниковедение. М., 1980. С. 226–230, 313–318.
14. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 454.
15. *Розенфельд А. З.* Указ. соч.
16. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. С. 445.
17. *Шипова Е. Н.* Указ. соч.
18. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 457.
19. Там же. С. 457.
20. Там же. С. 454.
21. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М: АСТ., 2001. 512 с.
22. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 472.
23. Там же. С. 463.
24. *Поспелов Е. М.* Указ. соч.
25. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 17 т. Т 8... С. 477.
26. Там же. С. 463.
27. Там же. С. 480.
28. Там же. С. 447.
29. Там же. С. 472.
30. Там же. С. 460–462.

Notes

1. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina [Complete Works of Pushkin A. S.]. T 8. Moscow. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937-1959. P. 457.
2. Slovar'-spravochnik musul'manskih imen [Dictionary Directory Muslim names] / authors. comp. Ibn al Mirzakarim Karnak. SPb.: Publishing of «Dilya». 2010. 448 p.
3. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... P. 478.
4. Shipova E. N. Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke [Turkisms Dictionary in Russian]. Alma Ata: Nauka. 1976. 444 p.
5. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... P. 479.
6. Slovar'-spravochnik musul'manskih imen...
7. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... P. 447.
8. Ibid. P. 445.
9. Slovar'-spravochnik musul'manskih imen...
10. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... T. 8. P. 480.
11. Ibid. P. 445.
12. Ibid. P. 475.
13. Rosenfeld A. Z. Persidskii poet XIX v. Fazil-han Shaida: (K vstreche Pushkina s missiei Hosrov-mirzy i k russko-iranskim kul'turnym otnosheniyam) [Persian poet of the XIX century. Fazil Khan Shaida (for a meeting with the mission of Pushkin Khosrow Mirza Russian and Iranian cultural relations)] // Srednevekovyi Vostok: Istoriya, kul'tura, istochnikovedenie [Medieval East: History, culture, source]. Moscow. 1980. P. 226-230, 313-318.
14. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... T. 8. P. 454.
15. Rosenfeld A. Z. Op. cit.
16. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... T. 8. 445.

17. Shipova E. N. Op. cit.
18. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... Т. 8. P. 457.
19. Ibid. P. 457.
20. Ibid. P. 454.
21. Pospelov E. M. Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskii slovar' [Geographical names of the world: The toponymic dictionary]. Moscow: AST. 2001. 512 pp.
22. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... Т. 8. P. 472.
23. Ibid. P. 463.
24. Pospelov E. M. Op. cit.
25. Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina... Т. 8. P. 477.
26. Ibid. P. 463.
27. Ibid. P. 480.
28. Ibid. P. 447.
29. Ibid. P. 472.
30. Ibid. Pp 460–462.

УДК 821.161.1

Д. Н. Черниговский

Об изучении личности А. С. Пушкина в советской психиатрии 1920-х гг.

Статья посвящена рассмотрению опыта по изучению личности великого русского писателя А. С. Пушкина в жанре патографии советскими психиатрами Е. Каменевой и Я. Минцем в 1920-е гг. Данные работы, стоящие на стыке литературоведения и психологической науки и опубликованные в специальных медицинских изданиях, прежде не учитывались в пушкиноведении. Задача автора публикуемой работы заключается в том, чтобы проанализировать патографии Каменевой и Минца в ряду подобных работ, созданных в дореволюционной России, а также ввести их в контекст биографического пушкиноведения. В статье также предпринята попытка дать рассматриваемым исследованиям оценку с точки зрения литературоведения и определить возможности некогда забытого, а ныне возрожденного патографического жанра для изучения биографии писателя.

This article is devoted to consideration of experience on studying the person of great Russian writer A. S. Pushkin in a genre of patography by Soviet psychiatrists E. Kameneva and J. Mints in 1920th years. The given works worth on a joint of literary criticism and a psychological science, and published in special medical editions, before were not taken into account in Pushkin studies. The task of the author of published work consists in analyzing of Kameneva and Mints patographies in a number of the similar works created in pre-revolutionary Russia, and also to enter them into a context of Pushkin`s biographic studies. In the article attempt to state considered researches an estimation also is undertaken from the point of view of literary criticism and to determine opportunities there is no time forgotten, and nowadays revived a genre of patography for studying the biography of the writer.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Е. Н. Каменева, Я. В. Минц, патография, биография писателя.

Keywords: A. S. Pushkin, E. N. Kameneva, J. V. Mints, patography, biography of the writer.

Изучение личности А. С. Пушкина в жанре патографии [1], начатое на рубеже XIX–XX вв. профессиональными психологами и психиатрами [2], было продолжено в первые годы советской власти.

В рамках этого жанра психиатрической литературы были созданы две большие статьи, принадлежавшие московским врачам Е. Н. Каменевой и Я. В. Минцу. Обе эти работы были лишены традиционного для дооктябрьского периода благоговения перед личностью поэта. Непочтительный тон этих статей объяснялся тем, что они были написаны в тот момент, когда дореволюционный культ Пушкина активно разрушался, а новый, советский, еще не сформировался.

Характерными примерами разрушения этого культа в литературоведении были работы В. В. Вересаева («Пушкин в жизни») и П. К. Губера («Дон-Жуанский список А. С. Пушкина»), раскры-

вавшие бытовую и интимную стороны жизни великого поэта. Кроме того, весомый вклад в этот разрушительный процесс внесли публикации литературоведов вульгарно-социологического направления, видевших в поэте выразителя классовых интересов определенной части дворянства и признававших его творчество неактуальным для эпохи революционных преобразований [3].

Наряду с литературоведами в разрушении пушкинского культа участвовали и вышеназванные психиатры, руководимые стремлением показать личность поэта в «истинном свете», декларируя необходимость обращения к его «подлинной, а не искусственно панегирической биографии» [4]. Тем самым они целенаправленно разрушали представление об «идеальном» Пушкине, допуская при этом совершенно невозможные для дореволюционных психиатров высказывания по поводу состояния его психического здоровья. Немаловажно также то, что, пытаясь обосновать свое понимание Пушкина как психически неполноценного человека, советские патографы ссылались на любопытные наблюдения первых биографов поэта П. И. Бартенева и П. В. Анненкова. Я. В. Минц, в частности, открывает свою статью такой цитатой из книги Бартенева «Пушкин в Южной России»: «Это состояние души можно назвать юродством поэта. Оно замечается в Пушкине до самой женитьбы, а может быть, еще позднее» [5]. Далее Минц, комментируя поведение Пушкина в Кишиневский период, ссылается на Анненкова, указавшего на то, что некоторые поступки поэта в эти годы могли быть следствием «душевной болезни» [6]. Следовательно, можно сказать, что статьи Каменевой и Минца были развернутым комментарием к этим наблюдениям классиков пушкиноведения, понятых советскими врачами слишком всерьез. Итак, рассмотрим исследования советских «пушкинистов от психиатрии».

Статья Е. Н. Каменевой «Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности» (1924) [7] продолжила опыт И. А. Сикорского [8] по изучению психического здоровья поэта с использованием не только биографических, но и генеалогических материалов. В отличие от первых пушкинских патографий, принадлежащих Чижу и Сикорскому, работа Каменевой в силу вышеуказанного обстоятельства обладает объективностью по отношению к великому поэту. Впрочем, необходимый уровень объективности статье исследовательницы обеспечил и используемый в ней новейший для психиатрии того времени принцип, согласно которому признается «условным» и «ненужным» «разграничение понятия нормы от душевной болезни, если речь идет не о грубо-органических нарушениях целостности интеллекта» [9]. Поскольку с этой точки зрения абсолютно нормальных людей в природе не существует, Каменева заявила о своем праве реконструировать «психический образ» [10] великого поэта, «не строго разграничивая нормальное от патологического» [11]. Целесообразность патографического подхода к Пушкину мотивируется исследовательницей так: «Данная попытка оценить некоторые особенности его личности с точки зрения современного учения о конституции и наследственности... может способствовать более широкому пониманию тех фактов из его жизни, которые в их психологической причинности представляются непонятными для его биографов и историков литературы» [12].

Итак, к каким же результатам удалось прийти Каменевой в данном исследовании? Прежде всего, переоценив работы своих предшественников, она в ходе реконструкции «психического образа Пушкина» сделала принципиально иные выводы. Так, споря с В. Ф. Чижом, исследовательница указала на то, «что Пушкин в действительности был очень далек от идеала душевного здоровья...», поскольку «представлял все особенности, характерные для невротического склада» [13]. Каменева возражает и И. А. Сикорскому, заявлявшему об абсолютном здоровье всех представителей рода Пушкиных: «Среди них мы находим достаточно лиц неуравновешенных и неполноценных, причем в двух случаях имеются указания на какие-то душевные заболевания» [14].

В финале своего исследования Каменева ставит Пушкину следующий диагноз: «Живость эмоциональной сферы с склонностью к быстро угасающим аффектам гнева, неустойчивость настроения, подвижность психомоторных процессов, повышенная сексуальная активность заставляют отнести его к гипоманиакальным личностям циклоидного склада. Это определение, конечно, не исчерпывает всей сложности его богато одаренной натуры, а также не исключает примеси других элементов, свойственных больше другим разновидностям психических типов, между прочим, шизотимии, за счет которой можно было бы отнести его мнительность, гиперэстезию и некоторые другие черты» [16]. Этот устрашающе звучащий диагноз не означает, однако, что Каменева считает Пушкина душевнобольным: с точки зрения исследовательницы, психика великого поэта не имела «грубо-органических нарушений» и лишь в небольшой степени отклонялась от «средней нормы в сторону психопатии» [17].

Другим результатом исследования Каменевой является попытка обусловить противоречия в характере поэта его душевной раздвоенностью, факт существования которой она констатирует вслед за Бартеневым и Стоюниным [18]. Природу этой двойственности, понимаемой как сочета-

ние в личности «противоположных психических особенностей» [19], исследовательница объясняет наличием патологических черт в психике Пушкина, а также тем, что среди его предков были представители двух рас, «далеко отстоящих друг от друга» [20].

Еще одним результатом данного исследования является попытка объяснить феномен гениальности великого поэта. Воскрешая отвергнутую к тому времени наукой теорию Ломброзо, Каменева гениальность Пушкина объясняет его психической патологией [21]. Высокие продуктивность и качество поэзии Пушкина, по мнению Каменевой, обуславливались и другими обстоятельствами. Во-первых, это «смешение рас», которое сообщило пушкинскому «творчеству свойственную ему разносторонность и широкое понимание жизни» [22]. Во-вторых, это «сексуальность» поэта, «превышающая значительно средний уровень» [23]. «Постоянные увлечения Пушкина, – пишет исследовательница, – вызывая общий подъем психических функций, служили источником вдохновения не только для его лирики, но и многих крупных произведений, для которых его сексуальные переживания являлись замаскированными стимулами, расшифровать которые пытаются за последнее время психоаналитическим методом» [24].

Как видим, результаты проделанной Каменевой работы по изучению «психического образа» Пушкина создают впечатление абсолютной исчерпанности данной темы в ее сугубо медицинском аспекте. Такое впечатление создается и за счет того, что Каменева, в отличие от Сикорского и Чиж, использует более широкий круг биографических источников, а также опирается на публикации историков литературы, в том числе новейшие [25].

Между тем мы не можем считать, что статья Каменевой «закрыла» раз и навсегда поставленную в ней проблему, поскольку, на наш взгляд, невозможно согласиться с целым рядом выводов исследовательницы и некоторыми методами, используемыми в ее работе. И дело здесь не в том, что всякому культурному человеку, для которого священо имя Пушкина, покажется кощунственным вышеприведенный психиатрический диагноз. В конце концов, если с точки зрения психиатрии людей с идеальным душевным здоровьем практически не существует, то с указанным диагнозом можно и смириться. Возражение здесь вызывает следующая цепочка рассуждений Каменевой. Вначале, отметив у Пушкина незначительную психопатологию, исследовательница утверждает, что в этом нет ничего необычного, ибо незначительные психические отклонения присущи большинству людей. Затем, опираясь на учение Ломброзо, она связывает с этой психопатологией феномен гениальности поэта. Однако если следовать этой логике, то необходимо будет признать гениальность уделом большинства человечества. Очевидное противоречие в рассуждениях Каменевой объясняется ошибочным толкованием ею теории Ломброзо. Правильно, на наш взгляд, интерпретирует эту теорию (применительно к вопросу о душевной болезни Н.В. Гоголя) предшественник Каменевой в области патографии профессор Чиж: «...Гениальные люди и в болезни отличаются от обыкновенных людей. Ломброзо был вполне прав, указав на тот факт, что многие великие люди... страдали своеобразными душевными заболеваниями, весьма отличными от тех, какими заболевают обыкновенные люди» [26].

К сожалению, не имея необходимой медицинской квалификации, мы не в состоянии дать компетентную критическую оценку психиатрическому диагнозу, который поставила Пушкину Каменева. Однако мы можем с литературоведческой точки зрения проанализировать уровень корректности, с которым исследовательница подходит к используемым в ее работе биографическим источникам, а также ее методы работы с этими источниками. Здесь мы должны сказать, что с биографическими материалами Каменева, подобно Сикорскому и Чиж, обходится некорректно, игнорируя историко-литературную их оценку. Так, например, указывая в библиографическом перечне несколько мемуарных сочинений о поэте, она ссылается почти исключительно на воспоминания, написанные племянником Пушкина Л. Н. Павлицевым. Между тем этот биографический источник не заслуживает большого доверия, поскольку, как указывает Я. Л. Левкович, «пользуясь семейной перепиской, Павлицев часто искажал и фальсифицировал тексты, иногда подделывая целые письма, поэтому данные этих мемуаров в каждом случае требуют тщательной проверки» [27]. Используя воспоминания Павлицева как истину в последней инстанции, не пытаясь искать у других мемуаристов фактов противоположного свойства, Каменева лишает свою работу с биографическими источниками необходимого уровня объективности.

Приведем еще примеры непрофессиональной (с точки зрения литературоведения) работы Каменевой с биографическими источниками, на этот раз с пушкинскими произведениями. Исходя из презумпции абсолютной автобиографичности пушкинского творчества, Каменева как на достоверный источник фактов о жизни поэта ошибочно опирается, например, на те строфы «Евгения Онегина», где описываются быт, мысли и чувства заглавного героя романа [28]. Пытаясь уличить Пушкина в болезненном любовании проявлениями депрессивного состояния, исследовательница в качестве иллюстрации приводит следующие пушкинские цитаты: «сладкая мелан-

холия», «тихая грусть», «благодетельные слезы» [29]. Между тем эти поэтические формулы носят не окказиональный, а узуальный характер, будучи отличительными «признаками стиля элегического, или психологического романтизма 1800–1820-х годов» [30]. Следовательно, приведенными выше цитатами нельзя иллюстрировать проявления циклотимии, которой, по мнению Каменевой, страдал Пушкин [31].

Неверные методы работы с биографическими источниками приводят Каменеву и к ошибочному умозаключению насчет пушкинской двойственности. Так, указывая вслед за Бартеневым и Стоюниным на факт этой двойственности, она понимает под этим термином совершенно иное явление. Если сторонники идеи пушкинской двойственности видят это свойство личности поэта в противоречии между его бытовой и творческой ипостасями, то для Каменевой раздвоенность Пушкина заключается в другом – в «сочетании противоречивых свойств в характере Пушкина... смелости и застенчивости, находчивости и неловкости, общительности и склонности к уединению, доверчивости и подозрительности и пр.» [32]. Понятно, что такая интерпретация пушкинской двойственности явилась совершенно непродуктивной для состоявшейся вскоре полемики между пушкинистами по поводу этой проблемы.

Слабое знакомство с творчеством Пушкина и существовавшей к тому времени пушкининой, приводят Каменеву к еще одному заблуждению: исследовательница полагает великого поэта неспособным к «отвлеченным» и «глубокомысленным» [33] суждениям, утверждает, что он относился к легко внушаемым типам, что проявлялось, например, в немотивированной смене политических убеждений – революционных на монархические. В результате автор рассматриваемой статьи делает ложный вывод о том, что у Пушкина «никогда не было цельного мировоззрения» [34]. Ясно, что и это «открытие» Каменевой ничем не могло помочь биографам поэта.

Итак, являясь любопытным и скрупулезным исследованием, но, к сожалению, игнорирующим научные методы литературоведения, статья Каменевой не достигла поставленной цели, поскольку не «способствовала более широкому пониманию тех фактов из... жизни» Пушкина, «которые в их психологической причинности представляются непонятными для его биографов и историков литературы». Не удивительно поэтому, что сразу же после опубликования данная статья получила негативную оценку одного из авторитетных пушкинистов – М. А. Цявловского [35].

Почти одновременно с Каменевой изучением Пушкина с точки зрения патографии занимался другой советский психиатр – Я. В. Минц. В 1925 г. им была опубликована объемная статья «Материалы к патографии Пушкина» [36], во многом подобная работе его предшественницы по методологии и по характеру полученных результатов. Однако статья Минца имеет и ряд существенных отличий. Так, если работа Каменевой представляет собой освещение наиболее значительных проявлений психической природы зрелого Пушкина, то патография, написанная Минцем, рассматривает динамику всей психической жизни поэта в хронологической последовательности – от рождения до смерти. Как и Каменева, Минц большое внимание уделяет наследственности Пушкина, полагая ее патологической, и в силу этого обуславливающей художественную гениальность поэта. Однако в отличие от своей предшественницы Минц не проводит самостоятельного исследования пушкинской генеалогии, опираясь как на соответствующий раздел статьи Каменевой, так и на опубликованную в 1925 г. статью свердловского психиатра Г. В. Сегалина «Патогенез и биогенез великих людей» [37]. Кроме того, Минц приходит в своей статье к более радикальным, чем Каменева, выводам. В частности, исследователь выделяет в психике Пушкина «шизоидный компонент», развившийся, по его мнению, в Кишиневский период. Минц убежден в том, что «если бы не случайная смерть поэта, этот шизоидный компонент всецело завладел бы психикой Пушкина, ибо такова была тенденция этого шизоидного компонента в последние годы его жизни». В целом ученый предлагает следующий, менее оптимистический, чем предложенный Каменевой, диагноз состояния психики поэта в период его зрелости: «Говоря о “маниакально-депрессивной конституции” Пушкина, мы этим еще не хотим сказать, что Пушкин страдал определенно выраженным маниакально-депрессивным психозом, мы хотим этим только указать, что в психике Пушкина были какие-то приступы маниакально-депрессивных состояний. Были ли эти маниакально-депрессивные состояния – циклотимические, циклоидные или же *действительные приступы маниакально-депрессивного психоза* (курсив наш. – Д. Ч.) – мы пока от такой точной диагностики воздерживаемся до более детальных исследований».

Неуважительная по отношению к Пушкину, указывающая на любое проявление его жизни и деятельности как на патологию, статья Я. В. Минца лишней раз продемонстрировала, что патография писателя, создаваемая без серьезной опоры на комплекс данных, добытых и специфически осмысленных литературоведением, является тупиковым путем постижения феномена художественной гениальности писателя.

Примечания

1. Патография – жизнеописание, сделанное с определенной точки зрения – реальных или предполагаемых болезней ее героя. Это биография, представленная в определенном ключе, – как медицинская история болезни» (*Сироткина И. Е.* Патография как жанр: критическое исследование // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: <http://medpsy.ru>
2. В дореволюционный период были созданы две патографии, посвященные Пушкину: *Чижев В. Ф.* Пушкин как идеал душевного здоровья. Юрьев, 1899; *Сикорский И. А.* Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. Киев, 1912. Обе монографии рассмотрены нами в статье: Черниговский Д. Н. Об опыте изучения личности А. С. Пушкина в психологической науке дореволюционной России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2012. № 2 (2). С. 87–90.
3. *Черниговский Д. Н.* Политическая биография А. С. Пушкина в трудах советских социологов 1920–1930-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2008. № 2 (1). С. 78–82.
4. *Миц Я. В.* Материалы к патографии Пушкина // Клинический архив гениальности и одаренности. Т. 1. Вып. 2. Ленинград; Свердловск, 1925. С. 31.
5. Там же. С. 29.
6. См.: *Миц Я. В.* Цит. соч. С. 37; Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 128.
7. Журнал психологии, неврологии и психиатрии. Приложение к т. IV. М., 1924. С. 182–202.
8. *Сикорский И. А.* Указ. соч.
9. Там же. С. 201.
10. Там же. С. 182.
11. Там же. С. 183.
9. Там же. С. 182.
12. Там же. С. 183.
13. Там же. С. 196.
14. Там же. С. 191.
13. Там же. С. 201.
14. Там же. С. 185.
15. Там же. С. 186.
16. Там же. С. 192.
17. Там же. С. 201.
18. Там же. С. 192.
19. Там же. С. 201.
20. Там же. Имеется в виду книга И. Д. Ермакова, указанная в перечне использованной литературы. См.: *Каменева Е. Н.* Указ. соч. С. 202.
21. В библиографическом списке, завершающем статью Каменевой, указаны воспоминания современников Пушкина – И. П. Липранди, И. И. Пущина, Л. Н. Павлицева; классика пушкиноведения – П. И. Бартенев «Пушкин в южной России», П. В. Анненков «Пушкин в Александровскую эпоху», В. Я. Стоюнин «Пушкин», Б. Л. Модзалевский «Род Пушкина» и др.; новейшие работы – П. К. Губер «Дон-Жуанский список Пушкина» (1923), И. Д. Ермаков «Этюды по психологии творчества Пушкина» (1923) (см.: *Каменева Е. Н.* Указ. соч. С. 202).
22. *Чижев В. Ф.* Болезнь Гоголя. Записки психиатра. М., 2001. С. 202.
23. *Левкович Я. Л. О. С.* Павлицева // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 476–477.
24. *Каменева Е. Н.* Указ. соч. С. 185–186.
25. Там же. С. 186.
26. *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1995. С. 48.
27. Е. Н. Каменева, например, пишет, что «неустойчивость настроения Пушкина на фоне живого эмоционально-возбудимого склада сближает его с циклотимическими личностями в широком понимании этого термина» (Указ. соч. С. 188).
28. Там же. С. 186.
29. Там же. С. 189–190.
30. Там же. С. 189.
31. *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 69, 237–238.
32. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). Т. 1. Вып. 2. Свердловск, 1925. С. 29–46.
33. Там же. Т. 1. Вып. 1. С. 2–90.
34. Там же. С. 39.
35. Там же. С. 45.

36. Там же. С. 32.

37. Сказанное относится и к некоторым современным опытам создания пушкинской патографии. См., напр.: Лукьянов А. Александр Пушкин в любви. Интимная психобиография поэта. Ростов н/Д, 1999; Могиланский А. П. Личность Пушкина. СПб., 1995.

Notes

1. Patography – biography, made from a certain point of view – real or imagined illnesses of hero. This biography, presented in a certain way – as medical history. (Sirotkina I. E. Patografiya kak zhanr: kriticheskoe issledovanie [Patografiya as a genre: a critical research-set] // Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn [Medical psychology in Russia]: the electron. sc. jour. 2011. № 2. URL: <http://medpsy.ru>

2. In the pre-revolutionary period was made two patografii devoted to Pushkin: Czyz V. F. Pushkin kak ideal dushevnoy zdorov'ya. Yur'ev [Pushkin as an ideal of mental health]. St. George. 1899; Sikorsky I. A. Antropologicheskaya i psihologicheskaya genealogiya Pushkina [Anthropological and psychological Skye genealogy Pushkin]. Kyiv. 1912. The two monographs discussed in our paper: Chernigovsky D. N. Ob opyte izucheniya lichnosti A. S. Pushkina v psihologicheskoi nauke dorevolucionnoi Rossii [On the experience of studying the personality of Alexander Pushkin in psychological science in pre-revolutionary Russia] // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Kirov. 2012. № 2 (2). P. 87-90.

3. Chernigovsky D. N. Politicheskaya biografija A. S. Pushkina v trudah sovetskih sociologov 1920-1930-h gg. [Political biography of Alexander Pushkin in the works of soviet sociology 1920-1930's.] // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Key moat, 2008. № 2 (1). P. 78-82.

4. Mintz Y. V. Materials for patografii Pushkin [Materialy k patografii Pushkina] // Clinical archive of genius and talent. 1. T. Vol. 2. Leningrad. Sverdlovsk. 1925. P. 31.

5. Ibid. P. 29.

6. Mintz Y. V. Op. cit. P. 37. Annenkov P. V. Pushkin v Aleksandrovskuyu epohu [Pushkin in Alexander era]. Minsk. 1998. 128 pp.

7. Zhurnal psihologii, nevrologii i psihiatrii [History of psychology, neurology and psychiatry]. Annex to T. IV. Moscow. 1924. P. 182-202.

8. Sikorsky I. A. Op. cit.

9. Ibid. P. 201.

10. Ibid. P. 182.

11. Ibid. P. 183.

9. Ibid. P. 182.

12. Ibid. P. 183.

13. Ibid. P. 196.

14. Ibid. P. 191.

13. Ibid. P. 201.

14. Ibid. P. 185.

15. Ibid. P. 186.

16. Ibid. P. 192.

17. Ibid. P. 201.

18. Ibid. P. 192.

19. Ibid. P. 201.

20. Ibid. This refers to the book by Ermakova I. D. See: Kameneva E. N. Op. cit. P. 202.

21. In the notes of article by Kameneva listed memoirs of contemporaries of Pushkin: Liprandi I. P., I. I. Pushin Pavlishchev L. N.; classic Pushkin conduct: Bartenev P. I. "Pushkin in southern Russia", Annenkov P. V. "Pushkin Alexander era", Stoyunin Q. I. "Pushkin", Modzalevsky B. L. "Rod Pushkin", etc.; The latest work – Goober P. K. "Don Zhuansky list of Pushkin" (1923), Ermakov J. D., "Essays on the psychology of creation of Pushkin" (1923) (see Kamenev E. N. Op. cit. P. 202).

22. Czyz V. F. Bolezn' Gogolya. Zapiski psihiatra [Disease Gogol. Notes psychiatrist]. Moscow. 2001. P. 202.

23. Lewkowicz J. L., Pavlishcheva O. S. // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov [Pushkin in the memoirs of contemporaries]: in 2 t. T. 1. Moscow. 1985. P. 476-477.

24. Kamenev E. N. Op. cit. Pp 185-186.

25. Ibid. P. 186.

26. Hooke G. A. Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and Russian romantics]. Moscow. 1995. P. 48.

27. Kameneva E. N., for example, writes that "the instability of mood against the background of Pushkin living emotionally excitable warehouse brings him to the cyclothymic personality in wide sense of the term" (Op. cit, P. 188).

28. Ibid. P. 186.

29. Ibid. Pp. 189-190.

30. Ibid. P. 189.

31. Tsyavlovsky M., Tsyavlovskaya T. Vokrug Pushkina A. S. [Around Pushkin]. P. 69, 237–238.
32. Klinicheskii arhiv genial'nosti i odarennosti (evropatologii) [Clinical archive of genius and talent (evropatologii)]. T. 1. Vol. 2. Sverdlovsk. 1925. P. 29–46.
33. Ibid. T. 1. Vol. 1. P. 2–90.
34. Ibid. P. 39.
35. Ibid. P. 45.
36. Ibid. P. 32.
37. The same applies to some of the modern experience of creating of Pushkin's patography. See, ex: Lukyanov A. Aleksandr Pushkin v lyubvi. Intimnaya psihobiografiya poeta [Alexander Pushkin in love. Intimate psychobiography of a poet]. Rostov-on-Don. 1999; Mohylyansky A. P. Lichnost' Pushkina [Pushkin's Personality]. SPb. 1995.

УДК 821.161.1-3

Ю. В. Клабукова

Аутичность и коммуникативность как ментальные модели и приемы построения пространства в повести Н. Ключаревой «Деревня дураков»

Статья посвящена проблеме русской ментальности, являющейся одной из главных проблем в современной русской литературе. Несмотря на то что термин «ментальность» лишь относительно недавно вошел в употребление, проблема ментальности не нова для русской литературы, так как феномен ментальности, а точнее русская идея и русский национальный характер, прежде всего, стали осмысливаться русской литературой. В статье автор анализирует понятия аутичность и коммуникативность как ментальные модели и приемы построения художественного пространства в повести современного поэта и прозаика Н. Ключаревой «Деревня дураков». В связи с анализом ментальных моделей автор говорит о традиционном в русской литературе мотиве юродства, который является не только одной из разновидностей коммуникативной ментальной модели, но и исторически сложившимся типом русской ментальности.

The article deals with the problem of Russian mentality, which is one of the major problems in modern Russian literature. Despite the fact that the term "mentality" has rather recently come into use, the problem of mentality is not new to Russian literature, as the phenomenon of mentality or to be exact the idea of Russian and Russian national character, above all, became comprehended in Russian literature. In this article author analyzes concepts of autistic and communication as mental models and techniques of building artistic space in the story of the modern poet and writer N. Klyuchareva "Village of Fools". In the connection with the analysis of mental models the author speaks of a traditional theme in Russian literature – of idiocy, which is not only the form of communicative mental model, but the historical Russian type of mentality.

Ключевые слова: русская ментальность, современная отечественная проза, аутичность, коммуникативность, ментальная модель, прием построения пространства, феномен юродства, Н. Ключарева.

Keywords: Russian mentality, modern domestic prose, autistic, communication, mental model, methods of space constructions, phenomenon of idiocy, Natalia Kluchareva.

Одной из главных проблем современной российской гуманитарной науки является исследование феномена ментальности русского народа. *Ментальность* как «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы... нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т. е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [1] «формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики» [2].

Ментальность народа проявляется во всем, что создается этим народом, и в первую очередь – в литературе. Идея русской ментальности является одной из ключевых тем в отечественной литературе конца XX – начала XXI в. (ср., напр.: В. Распутин «Дочь Ивана, мать Ивана», Р. Сен-

чин «Елтышевы», С. Шаргунов «1993», А. Иванов «Псоглавцы», «Комьюнити», З. Прилепин «Обитель» и др.). В художественном тексте особенности русского национального мировидения выражаются в разнообразных ментальных моделях и посредством ряда приемов построения пространства. Под *ментальной моделью* понимается «глубоко укоренившиеся в сознании понятия, обобщения или даже картины и образы, которые действуют на то, как мы воспринимаем мир и действуем» [3]. Целесообразно говорить об аутичности и коммуникативности не только как ментальных моделях, но и как о приемах построения художественного пространства, так как пространственно-временная картина в литературном произведении всегда представлена в символическо-идеологическом аспекте. Такие приемы не только наделяют произведение характером эстетического, но и придают ему внутреннее единство и завершенность.

Среди всего разнообразия ментальных моделей, проявляющихся в современной русской литературе, выделяются такие, как аутизм (аутичность) и коммуникативность. С. И. Чупринин использует данные термины применительно к типу авторской личности, связывая аутизм с «замкнутостью и общественной пассивностью, погруженностью в свой внутренний мир и отстраненностью от окружающей действительности, может быть даже мизантропией» [4]. Коммуникативность же, по его мнению, «с очевидностью влечет к активности и любознательности, инициативности и общительности, стремлению поделиться с людьми своими мыслями, своим настроением, жизненным опытом» [5].

Данные ментальные модели, на наш взгляд, ярко проявились в произведении молодого российского прозаика и поэта Натальи Ключарёвой «Деревня дураков». Выпускница филологического факультета Ярославского педагогического университета, Наталья Ключарева является автором романов «Россия: общий вагон» (2008), «SOS» (2009), повести «Деревня дураков» (2010), серии очерков «Деревянное солнце» (2010), поэтических сборников «Белые пионеры» (2006), «Кенгурутро (стихи для детей)» (2014). В 2007 г. Наталья Ключарёва была удостоена премии имени Юрия Казакова. Произведения Н. Ключаревой проникнуты теплотой и необыкновенной любовью к людям. Николай Александров, ведущий книжных новостей «Порядок слов» на телеканале «Культура», отмечает: «У Ключаревой какое-то целомудренное отсутствие цинизма, притом что автор безо всякой брезгливости говорит о вещах грязных, неприглядных, страшных. Говорит с юмором, но без ненависти, а с прямой, открытой, лишенной позы и претензии любовью» [6].

В повести «Деревня дураков» Н. Ключарева обращается к теме современной российской деревни. Сюжет повести прост: молодой историк Митя бросает свою налаженную городскую жизнь, институт, диссертацию и приезжает учительствовать в деревню с судьбоносным, как ему кажется, названием Митино, где все как в обычной русской деревне: и местные старожилы – супруги Ефим и Серафима, и «психовка» Любка, и «пенсионер-стукач» Гаврилов, и малокомплектная школа, и идиллические пейзажи, как на картинке в учебнике, и деревенский батюшка – отец Константин. А рядом находится еще одна деревня, которую местные жители называют «деревней дураков», поскольку там под присмотром иностранных волонтеров живут больные с умственными отклонениями. И тут Митя открывает для себя новую историю – историю отдельной человеческой судьбы.

Аутичность как ментальная модель, характеризующая особенности русского национально-мировосприятия и поведения, проявляется в образах целого ряда героев. С внешним проявлением аутичной ментальной модели мы сталкиваемся уже в начале повести, когда Митя (едуший неизвестно куда) видит на одной из остановок человека без головы, но, приглядевшись, понимает, что «человек просто натянул на голову куртку, застегнутую до самого ворота, и спит внутри, как в скворечнике» [7]. Таким образом, автор еще до знакомства с героями повести, до ее основных событий, вводит читателя в мир, где человек предпочитает замкнуться в самом себе, спрятаться от внешнего мира.

Аутичная ментальная модель выявляется в образах жителей деревни Митино, которые погружены в свои личные переживания, отгорожены от внешнего мира. Так, например, Евдокия Павловна пребывает в постоянном страхе перед пьющим мужем и районными чиновниками, грозящимися закрыть ее школу; старшеклассница Анжелика живет любовными переживаниями, влюбляясь по очереди в своих одноклассников, но не знает, как говорить о своих чувствах; Саня, очередная любовь Анжелики, мучается вопросами о смысле жизни, высокопарно и много говорит, цитируя классиков, выдает их сонеты за свои, разыгрывает самоубийство, но при этом не умеет раскрыть своих чувств к Анжелике искренне, это свидетельствует о его мнимой открытости, которая является только маской, что также можно отнести к проявлениям аутичной ментальной модели.

В образах жителей другой деревни – «деревни дураков» – проявляется коммуникативная ментальная модель, полностью противоположная аутичной по своему характеру. Психически

больные люди полностью открыты миру, не боятся его, доверяют всему, с чем сталкиваются. Так, когда волонтер Настя приводит Митю в деревню, он неожиданно открывает для себя людей, готовых рассказать ему, незнакомому человеку, то, что обычный человек никогда не расскажет первому встречному. Они доверяют ему свои мечты, надежды, рассказывают историю своей жизни. Стас, пишущий автобиографию, пока состоящую из одного предложения, делится этой самой дорогой идеей с Митей и спрашивает его о стиле своей «работы». Другая жительница «деревни дураков» Лена прямо говорит Мите о его страхах и сожалениях по поводу своего прихода в их деревню. По мере общения с этими людьми Митя с ужасом понимает, что в этой странной деревне его мысли, которые он предпочитал скрывать из-за боязни быть непонятым, стали явными, как он сам выражается: «Будто черепная коробка стала прозрачной, и все потаенные мысли пропечатаны крупным шрифтом прямо на лбу!» [8] Именно эта невероятная проницательность жителей деревни для Мити тяжелее всего.

В связи с образами жителей «деревни дураков» (а также некоторых жителей деревни Митино – «психовки» Любки, отца Константина, супругов Ефима и Серафимы) возникает традиционный для русской литературы мотив юродства. Поведение этих героев кажется окружающим странным, безумным, ненормальным, нелогичным, смешным, глупым. Но при этом оно с пронзительной остротой обнажает глубины человеческого естества и духа, в их неприкрытой кричащей правде, правде, позволяющей приблизиться к основам бытия.

Феномен юродства можно проследить в русской литературе начиная с XII в. В художественной литературе начального периода различались два типа юродивых: «природных» юродивых (юродивых «во Христе») и «добровольно» юродивых (юродивых «Христа ради») (см., напр., работы Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, П. А. Флоренского, В. В. Колесова, Е. О. Беленсон, М. М. Бахтина, Н. Н. Ростовской, К. А. Янчевской, И. В. Мотеюнайте, О. А. Мартиросян). Однако в XIX в. появляются новые типы героя-юродивого: тип «героя-мудреца», тип «положительно прекрасного человека» и тип «шута». Среди произведений древнерусской литературы и литературы XVII–XVIII вв., авторы которых обратились к религиозному феномену юродства, можно отметить «Житие Прокония Вятского», «Житие Михаила Клопского», «Житие Андрея Юродивого», «Житие протопопа Аввакума...», «Житие Юлиании Лазаревской» и др. В XIX в. к теме юродства обращались А. С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов», Л. Н. Толстой в романе «Детство», Ф. М. Достоевский в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы», Н. С. Лесков в повести «Очарованный странник». В литературе XX в., несмотря на произошедшую трансформацию образа юродивого, сохраняются основные его черты, которые можно проследить в таких произведениях, как «Богомолье» и «Лето Господне» И. С. Шмелёва, «Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар», «Чевенгур» и «Котлован» А. П. Платонова, «Матрёнин двор» А. И. Солженицына, цикл рассказов о «чудиках» В. М. Шукшина, «Москва – Петушки» В. В. Ерофеева. Таким образом, юродивый – это исторически сложившийся тип русской ментальности, воплощенный в русской литературе. И образы жителей «деревни дураков» из повести Н. Ключаревой продолжают этот ряд героев-юродивых.

Юродивость предстает в повести как один из вариантов реализации коммуникативной ментальной модели. Но не единственный. Коммуникативностью, то есть способностью быстро и легко находить общий язык с другим человеком, характеризуется и поведение иностранных волонтеров, присматривающих за больными. Так, Дитрих рассуждает о загадочной русской душе, Сара говорит об истории вообще и истории каждого отдельного человека и, подобно Лене, напрямую заявляет Мите о его страхе перед людьми: «Людей вы как раз боитесь» [9]. Под влиянием душевной открытости жителей «деревни дураков» работающие с ними волонтеры также становятся открытыми. Кроме того, волонтером приходится часто выезжать в город, что также подчеркивает их способность выйти за пределы своего мирка. Митя, вынужденный однажды совершить подобную поездку, делает таким образом еще один шаг к освобождению от страхов и рамок. Тогда Лена рассказывает Мите о своем детстве в Казахстане, они едят мороженое, и Митя, всегда смущавшийся при общении с девушками, даже приглашает Лену танцевать. Эта поездка окончательно разрушает существующие в сознании Мити барьеры между ним и обитателями «деревни дураков».

Изначально главный герой повести Митя предстает как человек с аутичной ментальной моделью. С детства, слушая рассказы бабушки о войне и репрессиях, которые вселяли в него ужас, он тщетно пытается решить задачу: что же такое на самом деле история? Став аспирантом исторического факультета, он понял, что главная цель истории – «изгнать из прошлого единственное в нем важное: живой ужас конкретной человеческой судьбы – и сделать историю безболезненной, а значит бесполезной» [10]. Не сумев воспротивиться этому, Митя подчиняется общему течению жизни, упаковывает «волчью жуть жизни в безопасные термины» и в итоге сбега-

ет в деревню [11]. Но именно в деревне Митя раскрывается, совершая многое в первый раз в своей жизни: первый раз присутствует на похоронах, первый раз танцует с девушкой, впервые в жизни делает запись в блокноте, не относящуюся к законам исторического процесса. Тяга Мити к уединению, желание замкнуться в себе приводят к противоположному результату: Митя принимает активное участие в жизни деревни Митино и в жизни «деревни дураков».

Таким образом, на примере образа Мити мы видим сдвиг ментальной модели: от замкнутости, погруженности в себя он приходит к коммуникативности: делится своими мыслями, опытом со школьниками и отцом Константином, проявляет интерес к воспоминаниям деда Ефима о войне, первым бежит на помощь в горящую «деревню дураков». За духовным переломом Мити кроется столкновение ментальных моделей, коммуникативной и аутичной, старой и новой, исконно русской и новой российской.

Особый тип коммуникативной ментальной модели проявляется в образе отца Константина, который приехал в Митино на полгода раньше Мити и сразу столкнулся с косностью и непониманием местных жителей. С их точки зрения отец Константин – «фиктивный поп» [12]. Он поддерживает Любку и ее сына Костю, пытается помочь Анжелике разобраться в своих чувствах к однокласснику, берет у деда Ефима писаную им икону, которую прежний батюшка считал еретической. Однако, несмотря на то что отец Константин открыт для людей, не все жители деревни принимают его и соглашаются с ним. Шофер Вова не понимает религиозных идей, которые высказывает отец Константин, говоря, что все можно, но не все полезно. Не может переубедить батюшка и супругов Гавриловых, обеспокоенных существованием врагов: католиков, жидов, либералов, экуменистов. Интересно, что и отец Константин и пенсионер Гаврилов ведут дневники. Но цели этих записей разные. Крайне подозрительный Гаврилов заводит досье на батюшку и в дальнейшем пишет на него донос в епархию. Отец Константин, постепенно осознавая невозможность быть услышанным, записывает в дневнике после разговора с Гавриловыми: «Очень страшно», – передавая в этих двух словах то отчаяние, бездуховность, безысходность, которые царят в деревне [13]. В повести отец Константин становится символом единства духовного и мирского, идеалом русского духовенства, который разделяет беды и чаяния народа.

Коммуникативность проявляется и в позиции повествователя, который предельно откровенен в выражении своего отношения к героям, не скрывает своих мыслей, чувств, он иронизирует и показывает подлинную сущность героев повести. Уже на первых страницах, бегло знакомя читателя с главным героем Митей (глава «Митина история» появляется уже ближе к концу повести), повествователь описывает Митю несколькими словами и говорит, что Митя *одинок и неприкаян* [14]. Когда пенсионер Гаврилов, делая записи в своем досье на отца Константина, пишет: «Укрывает беглого преступника!» и уточняет свою запись: «Малолетнего», повествователь иронизирует: «Пенсионер Гаврилов был честным гражданином» [15]. Вообще, чета Гавриловых – предмет иронии повествователя. Жена Гаврилова Клавдия Ивановна постоянно извещает мир о новом чуде, произошедшем в их деревне Митино, будь то НЛО, чудо мироточения или детдомовец Костя, сын «психовки» Любки, чудесным образом нашедший дорогу в родную деревню. Повествователь не вводит читателя в заблуждение, рассказывая о чудесах Клавдии Ивановны, а, наоборот, снижает патетический смысл слова *чудо*, говоря: «И вот *тряслось* новое чудо» [16]. В то же время в словах повествователя отсутствует даже намек на иронию, когда он говорит о других героях (Насте или инвалиде Лене) или описывает первую встречу Мити с Леной: «Митя глянул краем глаза и *обжегся*. У девушки было взрослое, пронзительно умное лицо и тело пятилетнего ребенка» [17].

Аутичность и коммуникативность проявляют себя не только в ментальных моделях, но и в способе организации художественного пространства повести, в использовании автором соответствующих приемов. Так, деревня Митино описывается как закрытое, замкнутое пространство. Обитатели деревни, живя по собственным неписаным законам, с настороженностью относятся не только к приезжим, но и к старожилам, не помогают друг другу в бедах, пишут доносы. Определение «закрытое» здесь становится тождественным слову «безопасное». Жители деревни охраняют свой маленький, отгороженный мирок, на всякое проникновение извне они готовы ответить агрессией. По мнению жителей деревни, их закрытый безопасный мир постоянно подвергается угрозам из внешнего мира, таким, например, как полеты НЛО. Поступки жителей деревни очень точно иллюстрирует фраза пенсионера Гаврилова: «...враги не дремлют! Надо держать ухо остро!» [18] В то же время внешний мир вызывает у жителей деревни наивный детский интерес, так, Евдокия Павловна спрашивает у Мити:

« – ... я у вас всё спросить хотела. Вы из Москвы, может, знаете. Правда, что Катрин беременна от президента?

– Что? Кто? – опешил Митя.

– Ну, как же! – в свою очередь изумилась Евдокия Павловна. – Катрин, певица, которую недавно в Госдуму избрали. Неужели не слышали? Она еще песню поет, такую жалостную: “А ты меня совсем не любишь...”

– Ну, они все примерно одно и то же поют, – улыбнулся Митя. – А певица-депутат – это сильно. Почти как кухарка, управляющая государством.

– Так вы что, газет не читаете? – разочарованно протянула Дуня.

– Нет.

– Но ведь надо быть в курсе! Тем более, вы историк. ...» [19]

Пространство же «деревни дураков» предстает более открытым и от этого более уязвимым. Соприкосновение двух миров, происшедшее, когда Настя, нарушая запрет пенсионера Гаврилова, приходит в церковь к отцу Константину сама и приводит с собой больных, оборачивается катастрофой для «деревни дураков».

Таким образом, аутичность и коммуникативность являются одними из составляющих русской ментальности. В повести Н. Ключаревой «Деревня дураков» эти феномены предстают не только как ментальные модели, определяющие поведение героев, или как приемы, организующие пространство произведения, но как начала, влияющие на жизнь человеческого общества вообще. Поднимаясь от описания конкретных людей в их бытовом взаимодействии до уровня философского обобщения, автор ставит сначала перед своим героем, а затем и перед читателем вопрос о том, как строить свою жизнь: выбрать в современном динамично развивающемся мире закрытость, замкнутость, может быть, даже режимность, дающие иллюзию безопасности, или идти по пути открытости, прямоты, душевности, искренности, став при этом уязвимым.

Примечания

1. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики. URL: <http://www.term.ru/dictionary/187/word/mentalnost>

2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1852.html>

3. Мильнер Б. З. Теория организации. М., 2000. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoriya-organizacii/204.htm>

4. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. С. 53.

5. Там же.

6. Ключарева Н. Деревня дураков. М.: АСТ: Астрель, 2010.

7. Там же. С. 11.

8. Там же. С. 99.

9. Ключарева Н. Деревня дураков. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 99.

10. Там же. С. 29.

11. Там же. С. 35.

12. Там же. С. 111.

13. Там же. С. 107.

14. Там же. С. 10.

15. Там же. С. 65.

16. Там же. С. 59.

17. Там же. С. 95.

18. Там же. С. 44.

19. Там же. С. 41

Notes

1. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / Ed. AA Ivin. Moscow: Gardariki. URL: <http://www.term.ru/dictionary/187/word/mentalnost>

2. The New Encyclopedia of Philosophy: 4 m. / Ed. V. S. Stepin. Moscow. 2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1852.html>

3. Milner B. Z. Teoriya organizacii [Organization Theory]. Moscow. 2000. URL: http://www.bibliotekar.ru/teoriya_organizacii_/204.htm

4. Chuprinin S. Russkaya literatura segodnya: Zhizn' po ponyatiyam [Russian literature today: Life on the concepts]. Moscow: Vremya. 2007. P. 53.

5. Ibid.

6. Klyuchareva N. Derevnya durakov [Village of Fools]. Moscow: AST: Astrel, 2010.

7. Ibid. P. 11.

8. Ibid. P. 99.

9. Klyuchareva N... P. 99.

10. Ibid. P. 29.

11. Ibid. P. 35.
12. Ibid. P. 111.
13. Ibid. P. 107.
14. Ibid. P. 10.
15. Ibid. P. 65.
16. Ibid. P. 59.
17. Ibid. P. 95.
18. Ibid. P. 44.
19. Ibid. P. 41

УДК 82-1

Н. О. Осипова

«Чёрная Мадонна» Б. Поплавского: опыт интерпретации поэтического текста

Заглавие художественного произведения, занимая сильную позицию в тексте, обладает семиотическим статусом и зачастую является едва ли не единственным кодом его интерпретации. Особое значение оно приобретает в лирике, в частности в творчестве такого сложного поэта, как Б. Поплавский.

The title of a literary piece holds a strong position in its text, and thus possesses a semiotic status. It is often the only clue to its interpretation. The title acquires a particular meaning in poetry, e.g. in the poetry of such a complicated author as Boris Poplavsky. «Tchernaya Madonna» is one of the most famous and often cited Poplavsky's poems, study looks into the poem's cultural context linked to the popular iconography of Mother of God – «black madonnas», the reflection of this image in other poetry as well as its symbolic and philosophical interpretation in Poplavsky's poetry.

Ключевые слова: интерпретация лирики, семантика заглавия, иконография Богоматери, Б. Поплавский.

Keywords: poetry interpretation, title semantics, Mother of God iconography, Boris Poplavsky.

Одно из самых известных и часто цитируемых произведений Б. Поплавского – «Черная Мадонна». Рассматривается культурный контекст стихотворения, связанный с распространенной иконографией Богоматери – «черными Мадоннами», отражение этого образного ряда в творчестве других поэтов и его символично-философская интерпретация в стихотворении Б. Поплавского.

В ряду экстралингвистических параметров художественного текста заглавию принадлежит особая роль. Оно определяет доминанту текста, концентрирует его художественную мысль. Удачным представляется сравнение В. П. Григорьева, назвавшего заглавие «чудовищно уплотненной аббревиатурой текста» [1]. Являясь первой графически выделенной строкой текста и занимая семиотически сильную позицию, оно вступает в сложные отношения как с культурным контекстом, так и с читателем, концентрирует интеллектуально-эстетическую информацию, активизирует процесс интерпретации [2] И даже если заглавие, на внешний взгляд, формально не связано с основным текстом, то в своих глубинных связях они составляют единое целое. Заглавие в этом смысле занимает пограничную позицию между внетекстовой реальностью и собственно текстом, является своеобразным «порогом», «входом» в произведение. Заглавием может маркироваться факт биографии, исторический, религиозный или культурный факт, «намек» на событие или имя, мировоззренческая позиция, интертекстуальный феномен и многое другое. Исследователи предлагают различные классификации отношения заглавия и содержания текста, выделяют типы заглавий. В то же время применительно к модернизму можно говорить о заглавиях с усложненной семантикой – заглавиях-символах, метафорах, аллюзиях... Это создает определенные трудности для исследователя, обуславливает множественность интерпретаций заголовка и его связей с текстом, в том числе и на уровне интертекстуальности, в семантическое поле которой, в числе прочих параметров, попадает историко-культурный контекст. Обращение ко многим

произведениям XX в. свидетельствует о сложных, порою трудно верифицируемых связях заглавия и текста, особенно если речь идет о лирике.

Примером одного из таких заглавий является заглавие стихотворения «Черная Мадонна» Б. Поплавского (1927). При этом обращает на себя внимание тот факт, что практически все исследователи-интерпретаторы творчества Б. Поплавского, признавая «Черную Мадонну» одним из лучших (если не самым лучшим) стихотворений поэта, обходят его связь с заглавием, никак его не комментируя. Конечно, в данном случае связь содержания текста с его заглавием носит скорее имплицитный характер (сам образ появляется почти в конце стихотворения и видимой связи с ним не имеет), но, на наш взгляд, он принципиально важен в контексте семантической многослойности не только отдельного произведения, но и творчества поэта в целом.

Приведем стихотворение полностью (в авторской пунктуации):

Черная мадонна

Синевели дни, сиреневели,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваях люди соловели,
Наклоняли головы святые.

Головой счастливою качали.
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

Загалдит народное гулянье,
Фонари грошковые на нитках.
И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.

И ещё раз, перед самым гробом,
Издадут, родят волшебный звук.
И заплачут музыканты в оба
Чёрным пивом из вспотевших рук.

И тогда проедет безучастно,
Разопрев и празднику не рада,
Кавалерия, в мундирах красных,
Артиллерия назад с парада.

И к пыли, к одеколону, к поту,
К шуму вольтовой дуги над головой
Присоединится запах рвоты,
Фейерверка дым пороховой.

И услышит вдруг юнец надменный
С необъятным клёшем на штанах
Счастья краткий выстрел, лёт мгновенный,
Лета красный месяц на волнах.

Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.

И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег идущий миллионы лет [3].

1927

Следует отметить, что обращение к образам черных мадонн (скульптурам или иконам Богоматери темного цвета) встречается и у других поэтов эмиграции, даже если оно не является открыто выраженным.

В частности, можно отметить стихотворения Лидии Алексеевой, посвященные Лесной Мадонне. («К Лесной Мадонне», 1954), «Я в лесную часовню зашла помолиться» (1964); Ченстоховской иконе посвящено стихотворение «Ченстоховская» И. Новгород-Северского из сборника «Матерь Божия Державная» (1966), включающего более 50 стихотворных обращений к различным иконам.

Стихотворение Б. Поплавского «Черная Мадонна» (книга стихов «Флаги», 1931) конденсирует в себе все философско-эстетические доминанты и интертекстуальные культурные коды его творчества, его тематические «узлы». По своим внутренним переключкам оно тесно связано с написанными годом позже стихотворениями из этого же сборника «Богиня жизни» и «Последний парад», стихотворением «Dolorosa» (1926–1927), которые не только включают характерную для этого сборника и творчества поэта в целом метафору «карнавала смерти», но и поэтические трансформации образа «черной мадонны», которые дают возможность более глубокой интерпретации анализируемого стихотворения.

Как известно, философско-религиозные аспекты мировоззрения Б. Поплавского отличаются сложностью и эклектичностью. Находясь в лоне православия, Поплавский не был православ-

ным поэтом, как это представляется в ряде исследований. Синтез мистики западного и восточного христианства, внеконфессиональных духовных практик и учений, трансформированных под влиянием экзистенциализма и философского идеализма, создал крайне запутанную для исследователя образно-эстетическую систему [4].

Художественно-философские и религиозные искания Б. Поплавского отражали типичное состояние представителей молодой эмиграции в её отношении к христианству, в том числе и к православию. Поиски новых основ духовности в нетрадиционных учениях были обусловлены в том числе и отношением к «старшей» эмиграции, отличавшейся большей мировоззренческой и религиозной цельностью. Так, Г. Газданов связывает свою деятельность с масонскими организациями, А. Гингер увлекается буддизмом, Б. Поплавский и В. Андреев погружаются в восточную мистику и теософию. Отсюда и религиозная эклектика художественного сознания поэта. Он еще в Константинополе открывает для себя теософию, увлекается трудами Гурджиева и Успенского, а по приезде в Париж посещает лекции Кришнамурти, вступает в Теософское общество Елены Блаватской, увлекается чтением эзотерической литературы разных направлений (А. Безант, Фулканелли и др.). Все это определяло сложную картину философско-эстетического видения мира поэта.

Наметившиеся разногласия отчетливо проявились уже после выхода сборников «Числа», стали центром публичных споров и дискуссий. Так, Георгий Федотов в своем обзоре констатировал источник духовного противостояния: «Борьба, которая ведется сейчас в мире за человеческий дух, это и есть борьба между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью. <...> И я боюсь, хоть и хотел бы ошибиться, что тема смерти оборачивается в «Числах» темой нирваны» [5].

Аналогичную мысль высказал и Николай Бердяев, подчеркивая «главный дефект мироощущения и миросозерцания Б. Поплавского <...> в его имперсонализме» [6]. По сути своей, речь идет даже не о религиозной ориентации в конкретном значении понятия, а об экзистенциальной интенции сознания, которая (в частности, у Поплавского) усложнялась не только за счет религиозной эклектики, но и под влиянием многочисленных философско-эстетических систем и литературных традиций модернизма и авангарда. Богатая литературно-художественная эрудиция поэта, прекрасное знание современной ему западноевропейской и русской литературы определили сложные интертекстуальные связи его поэзии. Так, С. Семенова находит следы Черной Мадонны Поплавского в «Рейнской осени» Г. Аполлинера, аллюзии из Рембо и Малларме [7]. Разумеется, «следы» Чёрной Мадонны, её художественно-символической функции в поэтическом тексте нужно искать в взглядах поэта и его связях (прямых и косвенных) с западноевропейской и русской литературой. В то же время не следует забывать и об оцекультурном контексте, на который ссылается заглавие.

Исходя из характера эклектичности художественно-религиозного мироощущения поэта, выделим несколько *векторов*, определяющих художественный генезис образа (во многом этому способствуют новые объективные историко-культурные исследования, касающиеся функционирования изображений «черных мадонн») [8].

Культ Черной Мадонны (преимущественно её скульптурных изображений) был повсеместно распространен в Европе (Франции, Испании, Италии, Чехии, Германии), при этом черным мадоннам приписывались магические свойства: спасение от войн, болезней, в том числе от умопомешательства, они почитались эзотерическими учениями и культурами. Своеобразным истоком этого культа, как полагают некоторые исследователи, предположительно может быть контекст «Песни Песней» в Ветхом завете: «Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива, / Как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы...» (Песнь Песней, 1: 4).

Единого мнения у исследователей на этот счет нет: устанавливается связь этого культа с древними языческими ритуалами, в частности культом Исиды, культурами богини земли (цветом земли объяснялся черный цвет лица у Мадонны), с восточной Кибелой (символом которой служил упавший с неба *черный камень*), с Астартой, Гекатой, рождающими героев, а потому почитаемых в качестве матерей, символизирующих единое начало. Впоследствии изображения языческих богинь и их материнская ипостась объединились с образом Богоматери и приобрели христианскую коннотацию белизны как непорочности и чистоты, сопровождаясь и изменением цвета кожи. За Черными же Мадоннами сохранилась тайная, «ночная», мистическая сущность – не случайно их культ был распространен в среде мистиков. По мнению некоторых историков, черный лик Мадонн связан с тем, что это были бывшие античные статуи, посвященные богине-матери, переименованные на заре христианства в Черных Мадонн, сохранивших хтонические черты культа богини Великой Матери (и в наши дни храмы и часовни Черной Богородицы продолжают оставаться объектами поклонения и паломничества). Во Франции таким изображением (и этого не мог не знать Поплавский) является особо почитаемая Шартрская подземная Мадонна (Notre-Dame-sous-Terre).

Что же касается черных изображений Иисуса, к которым возводят иконографию Черных Мадонн, то историки не отмечают изображений Иисуса с черным лицом – скорее всего, с распространением христианства культ и иконология Иисуса переместились в подземные помещения и пещеры, то есть в «темный мир», который позже и стал маркироваться в цвете (Мадонна Шартра – тому доказательство).

Однако аналогичную роль играли и вошедшие в эзотерические теории индийские религиозные культы «черных богинь», главной из которых считалась Кали (на санскрите «черная»), культ которой связан с разрушительной идеей мироздания. В то же время чернота Кали является символом ее господства над миром, так как черный цвет доминирует над остальными, поглощает и уничтожает их: «Подобно тому как все цвета исчезают в черном, все имена и формы исчезают в нем» («Маханирвана-тантра»). Черный цвет символизирует одновременно бесконечность космоса и вечность времени, что отражает сущность бытия [9]. Возможно, из-за антиномичности своих качеств черная богиня служила источником вдохновения для творческих людей, главным образом поэтов, которые считаются ее избранниками. В теософских учениях она трансформировалась в образ богини-матери, а отсюда перешла и в художественную практику.

Как видно из приведенного материала, увлечение поэта мистическими учениями и древними культурами, индийской философией, в которых одной из доминант был культ великой богини-матери Вселенной, Матери мира, царящей над ним (не случайно в связи с этим посвящение стихотворения В. Андрееву), во многом сформировалось под влиянием обоих векторов культа черных богинь и приобрело сложную контаминацию разных «женских образов» как религиозной, так и профанной направленности, в которых заложены идеи трансформации, изменчивости, балансирования на грани миров... Об этом свидетельствует перекликающееся по лирическому сюжету с «Черной Мадонной» стихотворение «Богиня жизни», где жизнь и смерть имеют одно лицо. Не случайно здесь появляется имя Гераклита («смерть, курчавый Гераклит», богиня жизни «с улыбкой Гераклита»), который, как известно, за скрытый способ выражения своих идей, за иносказательную форму своих высказываний получил прозвище «Темный». По Гераклиту, «путь вверх и путь вниз един», это вечный переход от противоречия к противоречию: от бодрствования ко сну, от юности к старости, от жизни к смерти от добра ко злу... Эту философию «добра во зле» («И зло и добро, отдельно выпущенные на свободу, погубили бы мир», Б. Поплавский), похороны и праздник сливаются в гераклитовом потоке. В «Черной Мадонне» эта «поточная» поэтика реализована в композиционной структуре, включающей три части, содержащие многочисленные аллюзии на классические метафоры: Элизиум, картины Ада Данте, «пира во время чумы» с умирающими кларнетом и скрипкой, с визгом и запахами падали (державинское: «где стол был яств, там гроб стоит») и, наконец, мертвая снеговая пустота, восходящая к шекспировскому: «The rest is silence»).

Следующий вектор интерпретации заглавия стихотворения связан с семантикой черного цвета в лирике Б. Поплавского. Это один из самых распространенных в его поэтике цветовых образов, использующихся в многоуровневом аспекте – от собственно цветовых значений до онтологических характеристик: «черное сердце», «черное небо», «черный воздух», «черные звезды», «черный заяц», «черный фонарщик», «чернокрылая судьба» и т. д. Особое место в ряду этих образов занимает метафора «черного света», которая, как представляется, коррелирует и с образом Черной Мадонны, встречаясь в таких стихотворениях, как «Лунный дирижабль» (1928), «Дождь» (1925–1929), вписываясь также и в широкие культурные контексты – не только древних и мистических учений, но и современных поэту теорий: «Я так хочу, я произвольно счастлив, / Я произвольно черный свет во мгле, / Отказываюсь от всякого участия, / Отказываюсь жить на сей земле [10].

Особая концепция черного цвета как черного света (а именно так он входит в сферу Черной Мадонны) восходит к Дионисию Ареопагиту и отличается от традиционной иконической цветосимволики, в соответствии с которой черный цвет – это в основном символ пустоты, зла, смерти, греха, преступления, скорби и жертвенности [11]. Да и у восточных мистиков черный свет воплощает черноту божественной тайны, суть божественного как непознаваемого, скрытое от наших ощущений. Поэтому черный цвет у Поплавского воплощает идею черного света, не материального, а высшего, божественного... Это не темнота черной материи, а тот черный Свет, в котором постигается человеческим сознанием Deus absconditus [12].

Следует подчеркнуть, что в поэзии первой трети XX в., открытой множеству философско-эстетических и религиозных учений, подобная семантика *черного* была достаточно активной по отношению к концепции творчества: вспомним «смуглую» музу А. Ахматовой, «смуглость» как символ избранничества в ее восприятии Пушкина («Смуглый отрок бродил по аллеям...»). В таком же семантическом ключе в цикле М. Цветаевой «Стихи к Пушкину» «чернота» поэта-арапа

является символом противостояния власти и высшей чести поэта. Во многих случаях черный цвет в его позитивной коннотации вписывался в древние мифопоэтические значения как цвета земли, природности, порождающего начала, творчества.

В пространстве религиозно-философских идей рубежа XIX–XX вв. актуализируется оппозиция свет / мрак как соотнесенность древних онтологических категорий, в границах которых мрак воспринимается как первобытная тьма, тьма до акта творения (хаос). В то же время тьма (хаос) воспринимается и как порождающее начало мира, его первооснова, та форма хаоса, из которого рождается свет (нетварный). Апеллируя к романтической модели мира, в которой контраст света и тьмы составлял онтологическую основу двоемирия, культура модернизма вернулась в лоно синкретизма, нерасчлененности этих категорий, к их внутреннему притяжению/отталкиванию, наделению их глубоким религиозно-мистическим и этическим смыслом. Таким образом, расширялся ассоциативный спектр их значений за счет тех концептов, которые обозначил А. Лосев при переводе сочинений Дионисия Ареопагита, акцентируя внимание на понятиях, включающих такие метафоры, как «мрак светит», «луч божественного мрака», «пресветлый мрак» и т. д. [13]

Эти конструкции (в большинстве своем оксюморонные) не только составляют световой регистр русского символизма, но и формируют постсимволистскую культурную светопарадигму. Интересно и то, что ранний русский авангард, вступая в полемику с символизмом и превращая свет в пластическую субстанцию, сохраняет глубину его онтологических характеристик, развернув их в новом ракурсе. И, по сути, между блеском «темного солнца», «сияющей мрачностью» Вяч. Иванова, «черным солнцем» О. Мандельштама, «сияющей мрачностью» Вяч. Иванова и «Черным квадратом» К. Малевича не такая уж большая пропасть, как кажется на первый взгляд.

Именно в работах К. Малевича произошло окончательное формирование авангардистской концепции «черного света», согласно которой тьма понимается не как отсутствие света, а как иное его состояние. Это результат увлечения автора различными учениями, от архаики и восточной мистики до физики «черного тела» и «черных дыр».

Подобное звучание черного света в культуре авангарда может быть интерпретировано традиционно, как эволюция от тьмы к свету, а может пониматься как апологетика черного света: черный цвет, например, в супрематизме – это не символ отсутствия света, а своего рода метафизический, внутренний свет. Как заметил один из исследователей, «бинарный код не работает в окрестностях «Черного квадрата» [14].

Примечательна в этом контексте ключевая фраза в опере «Победа над солнцем»: «Ликом мы темные/ Свет наш внутри» [15]. Эти слова произносятся на фоне декораций Малевича (на сцене – окна, освещающие внутреннее пространство дома). Идея внутреннего света, реализуемая авангардом, по сути, есть новое решение не только символистской традиции, но и общей религиозной парадигмы, несмотря на то что некоторые исследователи признают только формотворческую функцию света в авангарде. Очень точно определила эту особенность М. Цветаева в эссе о Гончаровой, называя ее черный цвет «светом изнутри»: «Черный не как отсутствие, а как наличность. Черный как цвет и как свет» [16]. Своеобразный вклад в эту дискуссию внес и художник Иван Клюн, который выдвинул концепцию, что долгое вглядывание в «Черный квадрат» Малевича превращает его в красный светящийся шар, что сам И. Клюн и попытался изобразить в композиции «Красный свет» (1923). Здесь геометрия форм «растворяется» в световых пучках, окутывающих предмет. Возможно, эту цель преследовал и сам Малевич, переходя от «Черного квадрата» к светлому сиянию *безвесья*.

Возвращаясь к стихотворению Б. Поплавского, отметим, что в русле основных тенденций его творчестве 1920-х гг. «смертельный сон» черной Мадонны ввергает человечество в бездну хаоса, пустота которого священна. Это своего рода «стихотворение-воронка», втягивающее обломки вещей, фрагменты событий, какофонию звуков, запахов и уносящее их в гераклитовом потоке. Мир пульсирует и тут же умирает в шумах, запахах, пороховом дыме. Дикий крик черной богини – это крик смерти, возвещающий гибель человечества. При этом обращает на себя внимание ракурс изображения этого мирового хаоса – взгляд сверху, с небес, охватывающий сразу все пространство: пространственная поэтика сюрреалистического письма вписывается в религиозно-мистический контекст (отметим здесь и название романа и стихотворения Б. Поплавского «Домой с небес», которое отсылает к этому ракурсу), что соответствует simultанности пространственных кодов иконы. Не случайно семиотичность иконы стала своеобразной точкой сближения иконописи и авангарда [17].

Рассматривая возможности интерпретации поэтического текста сквозь призму заглавия, мы не претендуем на всеобъемлющий охват материала, который нуждается в сопоставлении с другими аспектами творчества поэта, наблюдениях над его поэтикой, литературной традицией. Между тем предложенный ракурс может стать одним из важных компонентов анализа художественного текста.

Примечания

1. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. С. 194.
2. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: дис... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
3. Поплавский Б. Ю. Сочинения. СПб.: Летний сад, 1999. С. 49–50.
4. См.: Токарев Д. В. «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М.: Новое лит. обозрение, 2011.
5. Федотов Г. П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа, 1930–1931. Кн. 4. Париж, 1931. С. 145–147.
6. Бердяев Н. А. По поводу «Дневников» Б. Поплавского // Современные записки. 1939. № 68. С. 441–446.
7. Семенова С. А. Комментарии. In Борис Поплавский. Сочинения. СПб.: Летний Сад: Журнал «Нева», 1999.
8. См.: Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: Россмэн, 2006; Landman M. R. An Investigation // To The Phenomenon Of The Black Madonna. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD. L.: Ed. Department of Humanities University of Roehampton. 2012; Scheer Monique. From Majesty to Mystery: Change in the Meanings of Black Madonnas from the Sixteenth to Nineteenth Centuries // The American Historical Review. Vol. 107. No. 5. Bloomington, 2002.
9. Матвеев С. А., Неаполитанский С. М. Энциклопедия мантр. Слова силы, формулы преображения, тайные имена бога и мистериальные практики в священных традициях. СПб.: Святослав, Институт метафизики, 2006.
10. Поплавский Б. Ю. Указ соч. С. 38.
11. Кротов Я. XVI век: в защиту черного цвета. Богочеловеческая комедия. URL: http://krotov.info/yakov/history/17_moi/1677_black_madonna.htm
12. Корбен Анри. Световой человек в иранском суфизме. М.: Фонд исследований исламской культуры, Волшебная Гора, Дизайн. Информация Картография, 2009.
13. Лосев А. Ф. Таинственное богословие Дионисия Ареопагита // Лосев А. Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 458.
14. Линник Ю. В. Русский космизм и русский авангард. Петрозаводск: Святой остров, 1995. С. 14.
15. Крученых А. Е. Победа над Солнцем // Драма первой половины XX века. М.: Слово/Slovo, 2000. С. 321–338.
16. Цветаева М. И. Наталья Гончарова // Собр. соч.: в 7 т. Т. 4. Москва: Эллис Лак, 1994. С. 64–130.
17. Бычков В. В. Феномен иконы. М.: Ладомир, 2009

Notes

1. Grigoryev V.P. Poetika slova: na materiale russkoi sovetskoj poezii [Poetics of words: on a material of Russian Soviet poetry]. Moscow. Science. 1979. 194 p.
2. Veselova N. A. Zaglavie literaturno-hudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika [Title literary artistic text: ontology and poetics]: dis ... cand. filol. sciences. Tver, 1998.
3. Poplawski B. Y. Sochineniya. [Works]. SPb.: Summer Garden. 1999. P. 49–50.
4. See Tokarev D. V. «Mezhdu Indiei i Gegelem»: Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoi perspektive ["Between India and Hegel": Creativity of Boris Poplavskiy in komparativ-term]. Moscow: Novoe lit. obozrenie. 2011.
5. Fedotov G. P. O smerti, kul'ture i «Chislah» [About death, culture and "numbers"] // Chisla [Numbers] 1930–1931. Bk. 4. Paris. 1931. P. 145–147.
6. Berdyayev N. A. Po povodu «Dnevnikov» B. Poplavskogo [Regarding the "Diary" of B. Poplavskiy] // Sovremennye zapiski [Modern note]. 1939. № 68. P. 441–446.
7. Semenov S. A. Kommentarii. Boris Poplavskii. Sochineniya. [Comments. Boris Poplawski. Works.] SPb.: Summer Garden: The magazine "Neva". 1999.
8. See.: Gimbutas M. Velikoi Bogini: mir Drevnei Evropy [Civilization of the Great Goddess: the world of Ancient Europe]. Moscow: Rossman, 2006; Landman M. R. An Investigation // To The Phenomenon Of The Black Madonna. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD. L.: Ed. Department of Humanities University of Roehampton. 2012; Scheer Monique. From Majesty to Mystery: Change in the Meanings of Black Madonnas from the Sixteenth to Nineteenth Centuries // The American Historical Review. Vol. 107. No. 5. Bloomington, 2002
9. Matveev S. A., Neapolitanskii S. M. Enciklopediya mantr. Slova sily, formuly preobrazheniya, tainye imena boga i misterial'nye praktiki v svyashennyh traditsiyah [Encyclopedia of mantras. Words of power, formulas of transforming, the secret names of God and the mystery of the sacred traditions of practice]. SPb. 2006.
10. Poplawski B. Y. Op. cit. P. 38.
11. Krotov Y. XVI vek: v zashitu chernogo cveta. Bogochelovecheskaya komediya [XVI century: the protection of black. Theanthropic comedy]. URL: http://krotov.info/yakov/history/17_moi/1677_black_madonna.htm

12. Corbin A. Svetovoi chelovek v iranskom sufizme [Light in Iranian Sufism people] Moscow: Research Foundation of Islamic Culture, Magic Mountain, Design. Information Mapping, 2009.
13. Losev A. F. Tainstvennoe bogoslovie Dionisiya Areopagita [Mysterious theology of Dionysius the Areopagite] // Losev A. F. Imya: Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arhivnye materialy [Name: Selected works, translations, interviews, research, archival materials]. Petersburg: Aletheia. 1997. 458 p.
14. Linnik Y. V. Russkii kosmizm i russkii avangard [Russian Space Art and Russian avant-garde]. Petrozavodsk: Holy Island, 1995. P. 14.
15. Kruchenykh A. E. . Pobeda nad Solncem [Victory over the Sun] // Drama of first half of XX century. Moscow: Slovo /Word, 2000. Pp. 321-338.
16. Tsvetaeva M. I. Natal'ya Goncharova [Natalia Goncharova] // Coll. cit. : 7 t. T. 4. Moscow: Ellis Lak, 1994. P. 64–130.
17. Bychkov V. V. Fenomen ikony [Phenomenon of icons]. Moscow: Ladomir. 2009.

УДК 821.112.2.01

А. С. Поршнева

Феномен пространства наци в немецком эмигрантском романе

Статья посвящена вопросам взаимодействия субъектной и пространственной организации немецкого эмигрантского романа. Рассматриваются романы Л. Фейхтвангера «Изгнание» и К. Манна «Бегство на север», в которых моделируется особая пространственная картина мира – пространство наци. Доказывается, что эта картина мира повторяет пространство классического мифа как в структурном, так и в ценностном отношении. Выявляются ее носители в изучаемых произведениях – герои, поддерживающие нацистский режим. Анализируются способы введения в текст «чужого» сознания героев-наци: прямая и несобственно-прямая речь, использование нейтральной повествовательной ситуации. Описывается механизм взаимодействия сознания наци и эмигрантского сознания в романе. Обозначается специфика ценностно противоположной пространству наци картины мира – пространства эмиграции.

The article deals with the problem of interrelation between space and subject organization of German exile novel. L. Feuchtwanger's "Exile" and K. Mann's "Flight to the North" are data for study because a special worldbuilding called "Nazi space" has been modeled in them. It is proved that this worldbuilding is similar to space model in myth, its structure and axiological characteristics. Characters supporting Nazi regime in Germany are considered to be bearers of this worldbuilding. It is analyzed how the Nazis' alien consciousness appears in the novels, namely how direct speech, reported speech and "neutral" narrative situation are used for it. The interaction between Nazi consciousness and exile consciousness in the novels is considered. Specific features of exile space which is axiologically inverse to Nazi space are summarily described.

Ключевые слова: эмигрантский роман, Л. Фейхтвангер, К. Манн, пространство наци, пространство эмиграции, субъект сознания, субъект речи, центр/периферия.

Keywords: exile novel, L. Feuchtwanger, K. Mann, Nazi space, exile space, subject of consciousness, subject of speech, centre/periphery.

Жанр эмигрантского романа сформировался в немецкой литературе в 1930-е гг., когда существенное количество деятелей культуры покинуло страну после прихода к власти национал-социалистов. Литературным осмыслением массовой эмиграции из Германии занимались такие авторы, как Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвангер и К. Манн.

Немецкий эмигрантский роман интересен, в первую очередь, своеобразием запечатленной в нем пространственной картины мира, для которой нами был предложен термин «пространство эмиграции». Носителями этой картины мира, которая репрезентируется целой системой пространственных образов, являются все ключевые субъекты высказывания: повествователь – носитель эмигрантского сознания [1], рассказчик и герои-эмигранты, выступающие как субъекты речи и сознания.

В структурном отношении пространство эмиграции воспроизводит пространство классического мифа, а в аксиологическом – демонстрирует полную его инверсию [2]. Образы пространства в немецком эмигрантском романе моделируются на основании противопоставления центра

и периферии, восходящего к мифологическому мышлению. Как отмечает Е. М. Мелетинский, с помощью оппозиции центра и периферии пространство дифференцируется по шкале сакральное/профанное [3]. Двойное, а в некоторых случаях тройное противопоставление центра и периферии формирует в структуре пространственных образов немецкого эмигрантского романа концентрические круги, характеризующиеся разной степенью символической удаленности от центра и имеющие разный ценностный «заряд».

В романах Л. Фейхтвангера «Изгнание» и К. Манна «Бегство на север» присутствует не только пространство эмиграции, но и ценностно противоположная ему картина мира – пространство наци. «Пространством наци» мы называем совокупность тех представлений о пространстве, носителями которых являются герои, поддерживающие тоталитарный режим Третьего рейха. Герои-наци появляются во многих эмигрантских романах, но в связи с заявленной проблемой нас интересуют только те случаи, когда в произведении моделируется картина мира, обозначенная нами как пространство наци.

В романе «Изгнание» герои-наци выступают в качестве не только субъектов речи, но и субъектов сознания, чему способствует использование нейтральной повествовательной ситуации; в процессе моделирования их образов активно используется несобственно-прямая речь, которая применяется повествователем для ввода «чужого сознания» [4]. Согласно устоявшейся в отечественном литературоведении точке зрения, функция героев-наци в романе такова: «Их собственные отношения друг с другом, определяющиеся страхом, взаимным недоверием, карьеристской расчетливостью, передают в миниатюре отношения между руководителями нацистской партии и государства в самой Германии» [5]. Однако эти персонажи играют не менее важную роль и в качестве носителей особых представлений о мире. Их присутствие в романе не только как объектов внешнего по отношению к эмигрантам мира, но и как «субъектов сознания» делает возможным существование пространства наци, связанного с пространством эмиграции отношениями ценностной инверсии.

В глазах героев-наци – в первую очередь, Эриха Визенера и Конрада Хайдебрега – наиболее «ценным», аксиологически положительным участком пространства является Германия, а в ней – Берлин и резиденция Гитлера. Эрих Визенер, начальник парижского отделения официальной немецкой газеты «Westdeutsche Zeitung», транслирует своим читателям такое видение мира: «Его задача состояла в следующем – представить незначительную экономическую забастовку парижских транспортных работников немецким читателям так, чтобы у них ...сложилось впечатление, будто в демократической Франции все идет наперекосяк, в то время как в авторитарной Германии дела идут по тихой, упорядоченной и все более счастливой колее. <...> Мир в его статьях выглядел так, как того желал Берлин» [6]. Для достижения цели – убедить в этом «своих образованных читателей» [7] – Визенер не только виртуозно использует возможности своего стиля, но и разрабатывает сложные комбинации, которые направлены против его основного идеологического противника – эмигрантской газеты «Pariser Nachrichten» («PN»): «Визенер давно оставил позади свою первоначальную цель – заставить “PN” замолчать. Его план дошел до того, чтобы заполучить “PN” в свои руки и дальше руководить ими, замаскированными под орган борьбы против нацистов; но следовало производить нападки только на самые незначительные недостатки режима, чтобы читатели против воли вынуждены были прийти к выводу, что в Третьем рейхе все замечательно и только вредители или принципиальные придиры могут пускать в ход такую тяжелую артиллерию против таких крошечных недостатков» [8]. Для фиксации тех представлений о пространстве, носителем которых является Визенер, Фейхтвангер использует – в терминологии Ф. К. Штанцеля – нейтральную повествовательную ситуацию, «при которой повествователь стремится устранить себя даже из события рассказывания и сделать носителями точек зрения и слова самих героев» [9].

Носителем аналогичной точки зрения – «что в Третьем рейхе все замечательно» – является чрезвычайный посланник фюрера в Париже Конрад Хайдебрегг: «Сегодня он рассуждал о психологии народов, он читал лекцию о поверхностности французов, о характерном для них смешении бюрократии и расхлябанности, об их одаренности в области формы и цвета и нехватке понимания сущности, личности» [10]. Противопоставление «упорядоченной и все более счастливой» Германии и «поверхностной» и «расхлябанной» Франции, где «все идет наперекосяк», восходит к оппозиции мифологического мышления *порядок/хаос*.

Пространство наци строится по тем же закономерностям, что и пространство классического мифа, – на основе противопоставления «хаоса, то есть состояния неупорядоченности» и «организованного космоса» [11]. Пространство наци подобно пространству мифа, поскольку и в первом, и во втором «все лучшее, благое, необходимое для человека всегда пребывает в центре мира... а все злое, враждебное и опасное – на его окраине» [12], – статусом сакральной земли в пространстве наци наделяется Третий рейх. В глазах тех героев, с точки зрения которых вы-

страивается образ пространства наци, символическим центром мира – наиболее сакральной его точкой – является Берлин, а также резиденция Гитлера в Берхтесгадене. О центральном статусе Берхтесгаденской резиденции свидетельствует то, что герои-наци иногда называют ее «волшебной горой» [13]. Гора, «распространенный во всем мире символ близости к Богу» [14], материализует идею оси мира [15]; это «очень важный образ центра мира, его середины... то священное место, где происходит встреча неба и земли» [16]. По свидетельству М. Элиаде, храм (который является сакральным пространством) также воспроизводит космическую Гору и вследствие этого становится «связующим звеном» между Землей и Небом [17]. В случае с Берхтесгаденом можно наблюдать интересную закономерность: располагаясь географически на периферии Третьего рейха, он, имея статус священной горы, тем самым «находится в центре мира» [18] и представляет собой «пуп Земли, точку, где начиналось Творение» [19], является сакральным центром пространства наци. И это не единственный для немецкого эмигрантского романа случай, когда символический статус пространственных объектов оказывается более приоритетным для построения модели мира, чем их реальное географическое расположение.

Непосредственно прилегающей к центру «сакральной землей» является в глазах героев-наци территория Третьего рейха, где царит порядок, «реалистический разум», которым не обладают эмигранты [20], – в терминологии Г. Бидерманна, это располагающаяся вокруг оси «сфера жизни» [21], которая «понимается как “царство середины” (“срединное царство”), как центр земли» [22]; за его границами начинается земля «профанная» и далее враждебная, куда вытесняется, согласно Е. М. Мелетинскому, остаточный хаос.

При этом в описываемой модели мира пространство за пределами «сакральной земли» неоднородно, оно подвергается дифференциации в зависимости от степени удаленности от Третьего рейха – причем удаленности не столько территориальной, сколько символической. Так, например, и Швейцария, и Франция имеют общую границу с нацистской Германией; однако Швейцарию можно обозначить как участок первого «кольца» вокруг рейха, ближайшей периферии, в то время как Франция оказывается в символическом смысле дальней периферией пространства наци. Это связано с тем, что Швейцария практически не оказывает сопротивления действующим на ее территории немецким агентам. Там происходят похищения эмигрировавших из Германии журналистов и политических деятелей – так, одним из главных событий романа является похищение Фридриха Бенямина, одного из редакторов эмигрантской газеты «Pariser Nachrichten». Чтобы осуществить похищение, нацистские агенты заманивают его именно в Швейцарию – «в Базель... к границе» [23], границе немецко-швейцарской, но не к границе немецко-французской.

К числу стран первого «кольца» в пространстве наци принадлежат также Финляндия и Венгрия. Когда в арбитражный суд по делу Бенямина включают финна и венгра, Визенер называет их «представителями наций, которые определенно демонстрировали больше понимания методов Третьего рейха, чем другие народы» [24]. А Франция, которая в плане расстояния удалена от рейха так же, как страны первого «кольца» (и даже ближе, чем, скажем, Финляндия), в «качественном» отношении составляет уже второе «кольцо» вокруг него.

Еще одним маркером различий между ними является эмигрантская пресса, которая в романе Фейхтвангера не представлена в Швейцарии, Венгрии и Финляндии, но есть во Франции. Неофициальная нацистская экспансия в страны первого «кольца» делает их слишком опасными и непригодными для проживания там эмигрантов, в то время как Франция, не захваченная этой экспансией, представляет собой благоприятное место, где эмигранты не только живут, но и имеют свой «голос» – газету «Pariser Nachrichten», которую, как отмечает ее издатель Гингольд, «на противоположной стороне принимали всерьез» [25].

Наличие этого «эмигрантского листка» [26] имеет в глазах героев-наци статус остаточного хаоса, вытесненного на периферию обитаемой земли. Именно для ликвидации «PN» в Париж приезжает Хайдебрегг, который декларирует цель своей поездки следующим образом: «Одна из задач моей так называемой миссии... состоит в том, чтобы покончить с болтовней эмигрантского сброда» [27]; «Вопли эмигрантов мешают нам в Берлине. Мы больше не хотим слышать голос господина Траутвайна, мы больше не хотим видеть “Pariser Nachrichten”» [28]. В связи с этим Хайдебрегг в контексте аксиологии пространства наци может быть квалифицирован как культурный герой, поскольку он выполняет присущие именно культурному герою функции: «отправляется в иной мир» [29], т. е. во Францию (страну второго «кольца», дальней периферии), где занимается «уничтожением чудовищ и демонов» [30] – эмигрантской прессы.

В романе Клауса Манна «Бегство на север» пространство наци, по сравнению с пространством эмиграции, развернуто менее подробно. В произведении не выведен ни один герой-наци, но среди персонажей присутствует носитель их точки зрения и субъект речи – швед Йенс. Он может быть приравнен к наци, так как является носителем представлений о мире, присущих наци и их

сторонникам (среди шведов – героев этого романа – представлены как симпатизирующие наци, так и сочувствующие эмигрантам персонажи). Он выступает как вторичный субъект речи, и его развернутые высказывания (в отличие, например, от реплик героев-наци у Ремарка) позволяют реконструировать пространственные и ценностные ориентиры его картины мира.

Йенс симпатизирует Германии, и немцы в его глазах – «великий народ», который «нашел самого себя, найдя своего фюрера» [31]. Он декларирует свое отношение к нацистскому режиму и Германии в целом следующим образом: «Да, я в очень большой степени за Германию. <...> Все, что происходит в Германии, должно иметь определенный *смысл*. Ведь в Германии же ничего не происходит без смысла и разума» [32]. Представление о Третьем рейхе как зоне разума и порядка, за пределами которой располагаются «дикие» территории (где не находит поддержки немецкая политика и разворачивают свою политическую деятельность эмигранты), характерно для сторонников нацистского режима; соответственно, Йенс может быть квалифицирован как герой, с точки зрения которого выстраивается пространство наци.

По отдельным замечаниям Йенса можно заключить, что в его глазах пространство за пределами Германии «ухудшается», – например, в аспекте дорожного строительства: «В окрестностях города дороги еще вполне приличные; но дальше, в сельской местности, фу... В Германии... да, там везде хорошие дороги!» [33] Бытовые привычки немецкого населения тоже кажутся Йенсу наилучшими из всех возможных: он находит «немецких дам всегда хорошо одетыми» [34].

В соответствии с такими ориентирами Йенс видит наиболее желательный вариант развития событий в максимальном расширении территории, на которой установлены порядки Третьего рейха. Происходящее в Германии в его глазах – «исторические события, народное движение» [35]: «Мы все должны этому поучиться!» [36] Йенс произносит застольный тост: «За Германию! <...> Я иностранец, но я всегда ее любил. И сейчас – именно сейчас я люблю ее больше, чем когда-либо! <...> Я желаю здравствовать и большому политическому движению, которое и *нашей* стране принесет тот же порядок, ту же сознательность и оздоровление, которым сейчас радуется Германия. Фашистское движение в нашей стране – пусть оно живет и побеждает!» [37] Это желание Йенса согласуется с экспансионистскими стремлениями самого Третьего рейха.

Географическое положение своей страны Йенс описывает в следующих выражениях: «И я не знаю, была ли в Германии опасность большевизма так близка, как здесь. Мы здесь живем всего в паре часов езды от Петербурга – от Ленинграда, как они его теперь называют. Мы имеем врага у своих границ» [38], – здесь Йенс фактически называет положение своей страны периферийным по отношению к Германии. Именно она является в его картине мира страной «центральной», охваченной культурой, благоустроенной и безопасной (т. е. свободной от «опасности большевизма»). Йенс отзывается о Германии «восторженно» [39] и считает ее наиболее цивилизованной страной, отличающейся «хорошими дорогами», «порядком», «сознательностью», «разумом» и «осмысленностью» всех происходящих там событий.

Как и в романе «Изгнание», пространство за пределами Третьего рейха (в картине мира Йенса – сакральной земли) подвергается дифференциации в зависимости от степени символической удаленности от Германии. Швеция, родная страна Йенса, относится к первому «кольцу» вокруг Германии и не является в его глазах настолько же «разумной» и правильно устроенной территорией, какой является Третий рейх. В мифологическом пространстве ей соответствует начинающаяся за границами сакральной земли земля профанная, населенная варварами и не испытывавшая цивилизующего влияния разума. Второе после профанной земли «кольцо» – враждебная земля, населенная чудовищами и заполненная хаосом, – представлено в картине мира Йенса в первую очередь Россией, которая связана для него с «опасностью большевизма» и описывается словами «враг у наших границ» [40]. В рамках такой картины мира наиболее желательными пространственными трансформациями оказываются те, которые направлены на расширение центральной «разумной» зоны за счет прилегающих территорий; одной из возможных форм такого расширения Йенс считает установление в Швеции режима, аналогичного немецкому. Шведское гражданство не препятствует герою быть носителем той точки зрения, из которой выстраивается пространство наци – система представлений о мире, в основе которой лежит аксиология национал-социалистического режима.

Таким образом, пространство наци в романах Л. Фейхтвангера и К. Манна демонстрирует сходство с пространством классического мифа как в плане структуры, так и в плане аксиологии. Феномен пространства наци интересен тем, что он представляет собой случай резкого расхождения картины мира автора и его героев. И для Манна, и для Фейхтвангера наци и сочувствующие им герои принадлежат к враждебному лагерю, их оценка – даже в тех случаях, когда она не выражена в прямом авторском слове, – однозначно негативна. В качестве ценностного «противовеса» пространству наци в немецком эмигрантском романе моделируется пространство эмиграции, которое, в отличие от первого, во многом является проекцией авторского видения мира.

Феномен пространства наци (что справедливо, в свою очередь, и для пространства эмиграции) является яркой иллюстрацией тезиса Н. Д. Тамарченко о «неизбежной зависимости “картины мира” от своеобразия воспринимающего сознания» [41]. Картина мира героев-наци развернута в романах Л. Фейхтвангера и К. Манна в одном случае с помощью нейтральной повествовательной ситуации, в другом – за счет использования развернутой прямой речи персонажа. Однако и в том и в другом случае введенное в роман сознание наци – это чужое сознание, которому противопоставлено ценностно «обратное» сознание эмигранта. Почти все ключевые субъекты немецкого эмигрантского романа – носители эмигрантского мироощущения; введение в текст героев-наци является актом ввода «чужого» сознания, на фоне которого может более контрастно и ярко восприниматься «свое» – эмигрантское.

Примечания

1. С точки зрения Б. О. Кормана, повествователь в эпическом произведении «ближе других субъектов сознания к автору» (Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 42) – применительно к немецкому эмигрантскому роману это вполне справедливо.
2. См.: Поршнева А. С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Екатеринбург, 2014.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 230.
4. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 46.
5. Сучков Б. Л. Лион Фейхтвангер // Сучков Б. Л. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2: Литературные портреты. М., 1985. С. 356.
6. Feuchtwanger L. Exil. Berlin, 1976. S. 110. Здесь и далее перевод всех цитируемых фрагментов художественного текста наш. – А. П.
7. Ibid. S. 472.
8. Ibid. S. 314.
9. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М., 2004. С. 134–135.
10. Feuchtwanger L. Exil. Berlin, 1976. S. 221.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 205.
12. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб., 2002. С. 119.
13. Feuchtwanger L. Exil. Berlin, 1976. S. 191.
14. Бидерманн Г. Гора // Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 59.
15. См.: Там же; Бидерманн Г. Ось мира // Там же. С. 193.
16. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб., 2002. С. 119.
17. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 35.
18. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998. С. 25.
19. Там же. С. 30.
20. Feuchtwanger L. Exil. Berlin, 1976. S. 601.
21. Бидерманн Г. Ось мира // Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 193.
22. Там же.
23. Feuchtwanger L. Exil. Berlin, 1976. S. 82.
24. Ibid. S. 470.
25. Ibid. S. 342.
26. Ibid. S. 245.
27. Ibid. S. 223.
28. Ibid. S. 224.
29. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 197.
30. Там же. С. 198.
31. Mann K. Flucht in den Norden. Reinbek bei Hamburg, 2003. S. 149.
32. Ibid. S. 18.
33. Ibid. S. 20.
34. Ibid. S. 147.
35. Ibid. S. 149.
36. Ibid.
37. Ibid. S. 150.
38. Ibid. S. 23–24.
39. Ibid. S. 20.
40. Ibid. S. 23–24.
41. Тамарченко Н. Д. Точка зрения // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. М., 2000. С. 431.

Notes

1. According to B. O. Korman, the narrator in the epic work "closer to the consciousness of other subjects the author" (Corman B. O. *Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying text artwork]. Moscow. 1972. P. 42) – with regard to the German emigre novel is rightly so.
2. See: Porshneva A. S. *Mir emigracii v nemeckom emigrantskom romane 1930–1970-h godov* (E. M. Remark, L. Feichtwanger, K. Mann) [World emigration in the German emigre's novel 1930-1970 (E. M. Remarque, L. Feuchtwanger, K. Mann)]. Ekaterinburg. 2014.
3. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow. 2000. P. 230.
4. Corman B. O. *Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying the text of art]. Moscow. 1972. P. 46.
5. Suchkov B. L. *Lion Feuchtwanger // B. L. Suchkov Coll. cit. : 3 v. V. 2: Literary Portrets*. Moscow. 1985. P. 356.
6. Feuchtwanger L. *Exil*. Berlin, 1976. P. 110. Here and after, translation of quoted fragments was made by the author of the article. – AP
7. *Ibid.* P. 472.
8. *Ibid.* P. 314.
9. Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broytman S. N. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]: Textbook. T. 2: Broytman S. N. *Historical Poetics*. Voscov. 2004. Pp. 134-135.
10. Feuchtwanger L. *Exil*. Berlin, 1976. P. 221.
11. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Vjscow. 2000. P. 205.
12. Albedil M. F. *V magicheskom kruge mifov*. Mif. Istoriya. Zhizn'. [In the magic circle of myths. Myth. History. Life.] SPb. 2002. P. 119.
13. Feuchtwanger L. *Exil*. Berlin. 1976. P. 191.
14. Biedermann G. Hill // G. Biedermann *Enciklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. M., 1996. P. 59.
15. See *ibid.* ; Biedermann G. *Os' mira* [Axis for Peace] // *Ibid.* P. 193.
16. Albedil M. F... P. 119.
17. Eliade M. *Svyashennoe i mirskoe* [The sacred and the secular]. Moscow. 1994. P. 35.
18. Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashenii*. Arhetipy i povtoryaemost' [The Myth of the Eternal Return. Archetypes and repeatability]. SPb. 1998. P. 25.
19. *Ibid.* P. 30.
20. Feuchtwanger L. *Exil...* P. 601.
21. Biedermann G. *Os' mira* [Axis for Peace] // G. Biedermann *Enciklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. M., 1996. P. 193.
22. *Ibid.*
23. Feuchtwanger L. *Exil...* P. 82.
24. *Ibid.* P. 470.
25. *Ibid.* P. 342.
26. *Ibid.* P. 245.
27. *Ibid.* P. 223.
28. *Ibid.* P. 224.
29. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Vjscow. 2000. P. 197.
30. *Ibid.* P. 198.
31. Mann K. *Flucht in den Norden*. Reinbek bei Hamburg, 2003. P. 149.
32. *Ibid.* P. 18.
33. *Ibid.* P. 20.
34. *Ibid.* P. 147.
35. *Ibid.* P. 149.
36. *Ibid.*
37. *Ibid.* P. 150.
38. *Ibid.* P. 23–24.
39. *Ibid.* P. 20.
40. *Ibid.* P. 23–24.
41. Tamarchenko N. D. *Tochka zreniya* [Viewpoint] // *Vvedenie v literaturovedenie*. Literaturnoe proizvedenie: Osnovnye ponyatiya i terminy [Introduction to Literature. Literary creation: Basic concepts and terminology] / ed. L. V. Monk. Moscow. 2000. P. 431.

Дрезден как культурный хронотоп в картине мира В. К. Кюхельбекера и В. А. Жуковского

Рассматривается актуальная тема современного литературоведения, связанная с проблемами компаративистики, русско-саксонскими литературными связями. Дрезден эпохи романтизма привлекал русских путешественников своей уникальной атмосферой, прежде всего, картинной галереей. Особо выделялась «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. С ней связано утверждение божественной природы вдохновения в творчестве русских романтиков. Свои переживания от восприятия «Сикстинской Мадонны», а также внимание к истории Дрездена и судьбам людей, в нем живущих, продемонстрировали русские путешественники 20-х гг. XIX в. – В. К. Кюхельбекер и В. А. Жуковский. В статье показаны их впечатления о столице Саксонии, об особенностях проживания в Дрездене, о специфике характера саксонцев и др. Подробное описание картинной галереи, эмоциональное волнение, вызванное «Мадонной» Рафаэля, сближает мировосприятие анализируемых авторов. Данный подход позволяет понять особенность русского сознания к восприятию «чужого» как «своего».

We consider the actual topic of modern literary criticism related to the problem of comparative Russian-Saxon literary connections. Dresden Romantic era attracted Russian travelers with its unique atmosphere, and, above all, with an art gallery. Especially with the "Sistine Madonna" by Raphael. This picture is connected with the approval of the divine nature of inspiration in the works of Russian Romantics. Russian travelers of the twenties of the XIX century – V. K. Kyuhelbeker and Zhukovsky showed their experiences related to the perception of the "Sistine Madonna", as well as attention to the history of Dresden and the fate of the people living in it. The article shows their impressions of the capital of Saxony, of the peculiarities of living in Dresden, of the specifics of the nature of the Saxons and other. A detailed description of the gallery, emotional excitement caused by the "Madonna" by Raphael, brings together the authors analyzed worldview. This approach allows us to understand the peculiarities of the Russian consciousness in regard to the perception of "alien" as "home."

Ключевые слова: путешествие, картинная галерея, сюжет, образ, картина мира, поэтика.

Keywords: travelling, art gallery, story, image, picture of the world (world view), poetics.

В культурной жизни России первой трети XIX в. важную роль играли поездки за границу, предпринимаемые дворянами с целью завершения образования, лечения, по делам службы, по собственному побуждению. В заграничном пространстве русских путешественников всегда привлекал Дрезден – один из самых красивых городов мира. Город, называемый Северной Флоренцией, расположен на берегу Эльбы, в предгорье Саксонской Швейцарии. Дрезден стал значимым пространством в жизни и творческой биографии Н. М. Карамзина, Ф. Глинки, П. Я. Чаадаева, Ан. Погорельского, Н. В. Гоголя, А. И. Тургенева, К. К. Яниш-Павловой, А. К. Толстого, Ф. М. Достоевского и др. [1] Несмотря на постоянный научный интерес последнего времени к российско-саксонским связям [2], все-таки в более пристальном анализе нуждаются как отдельные биографии, так и произведения, в которых проявилось пространство Дрездена как культурного хронотопа.

Дрезден имел большое значение в жизни Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797–1846) и Василия Андреевича Жуковского (1783–1852). Они посетили Флоренцию на Эльбе в 20-е гг. XIX в., начали детальное описание города, его окрестностей, жителей и особенно картинной галереи. Для Кюхельбекера, впоследствии активного участника восстания декабристов, поездка за границу 1820–1821 гг. оказалась единственной. Жуковский несколько раз был в Дрездене, причем в 20-е гг. он дважды посетил город: он провел здесь два летних месяца 1821 г. и почти восемь месяцев в 1826–1827 гг.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер родился в семье саксонского дворянина Карла Генриха Кюхельбекера, учившегося в Лейпцигском университете вместе с И. В. Гете. Сам будущий поэт учился в Царскосельском лицее, вольнолюбивые настроения сблизили его с будущими декабристами. Чтобы избежать наказания за свободолюбие, проявившееся и в литературной деятельности, Кюхельбекер принял предложение князя А. Л. Нарышкина и отправился осенью 1820 г. в качестве секретаря в путешествие по Европе. Впечатления от поездки 1820–1821 гг. изложены Кю-

хельбекером в книге «Путешествие» (1824–1825), которая представляет собой серию писем, адресованных друзьям. Отправившись из Нарвы 8 сентября 1820 г. через Ригу, Кенигсберг, Берлин, 18 октября путешествующие оказались в Дрездене и в течение трех недель жили в «Отеле де Рюс». «В Дрездене Кюхельбекер чувствовал себя как дома, ведь его отец, Карл Генрих фон Кюхельбекер, был родом из расположенного неподалеку города Баутцена» [3]. Восприятие Кюхельбекером Дрездена было самым восторженным и сравнимо с восхищением русскими Италией. «Я здесь точно в стране волшебств и очарований. Весь день бегаю, наслаждаюсь и даже не имею времени передать бумаге свои наслаждения. Саксонская природа очаровывает меня» [4]. Особое внимание лицейский друг А. С. Пушкина уделяет «чудесному Дрезденскому мосту через Эльбу» [5]. Мост Августа (Аугустусбрюке) был построен в XIII в.; несколько раз перестраивался в соответствии с требованиями времени. В 1727–1731 гг. мост был построен в стиле барокко по проекту Пеппельмана. Вместе с Карловым мостом в Праге они считаются самыми красивыми в Европе. Летом 1831 г. о своих впечатлениях от Аугустусбрюке напишет Х. К. Андерсен: «Когда я прошел по мосту Августа, который уже очень хорошо знал заочно по гравюрам и картинам, мне показалось, что я уже был здесь когда-то во сне» [6]. Онирическое видение характерно и для восприятия Кюхельбекера: «Представьте меня на мосту: гляжу и насили удерживаюсь, чтоб не протянуть рук к этим очаровательным отдаленностям. Облака плавают в темно-голубом небе, озаряются вечернюю зарею, отражаются в водах вместе с пышными садами и готическими, живописными строениями» [7]. Берега и воды Эльбы накладывают особый отпечаток на образ города и проявляются в самоощущении путешественников. Набережная Эльбы поражает роскошными постройками: Брюльская терраса (со стороны Альтендрездена); Японский дворец (со стороны Нойштадта). Кюхельбекер называет «величественной» Католическую придворную церковь, располагающуюся у самого моста. В 1739–1755 гг. итальянский архитектор Гаэтано Киавери создал на берегу Эльбы этот яркий образец позднего барокко, чья изящная башня над церковным порталом стала стилиобразующей.

Россию и Германию к началу XIX в. связывали тесные экономические, политические и культурные связи. Русские путешественники отправлялись с письмами, различными поручениями к немецким писателям, ученым, государственным деятелям. Кюхельбекер передал в Дрездене письмо известному немецкому поэту Х. А. Тидге (1752–1841). Благодаря этой встрече он попал в литературный салон баронессы Элизы фон Реке (1756–1833). Ее дом, приобретенный в 1819 г. (Гроссе Мейснер штрассе, 13), находился рядом с Королевской библиотекой. «Баронесса Реке происходила из курляндского аристократического рода Медем и имела связи не только с деятелями просвещения своего времени, но и с императрицей Екатериной II и ее придворным кругом» [8]. В ее доме Кюхельбекер познакомился с немецким искусствоведам К. А. Беттингером (1760–1830) и Людвигом Тиком (1773–1853), участником иенского кружка романтиков, обнаружившем сочинения рано умерших В. Вакенродера, Новалиса, Г. Клейста. Не случайно с русским поэтом они говорят о Новалисе (Фридрих фон Гарденберг, 1772–1801), чей «магический идеализм» Кюхельбекером не воспринимается. По его мнению, этот немецкий романтик «при большом даровании, при необыкновенно пылком воображении не старался быть ясным и совершенно утонул в мистических тонкостях» [9]. Позиция Л. Тика, издавшего самый известный роман Новалиса «Heinrich von Ofterdingen», естественно, была другой. Станным показалось Кюхельбекеру мнение о почитаемом в России авторе «Der Messias. Ein Heldengedicht» Ф. Г. Клопштоке (1724–1803) как «опасном» писателе.

В литературном салоне госпожи фон дер Реке с уважением вспоминали русских писателей – А. С. Шишкова (1754–1841), который «очаровал всех своею почтенною наружностью» и Н. И. Греча (1787–1867), который поразил всех «смелым красноречием». В литературном салоне Кюхельбекер говорил о Г. Р. Державине, В. А. Жуковском, а К. А. Тидге предложил перевести стихи А. Пушкина и К. Батюшкова.

С особым интересом Кюхельбекер наблюдал за простым народом во время гуляний. «Саксонец», по мнению русского путешественника, «тих, молчалив, внимателен, глубокомыслен». Саксонцам свойственно чуткое восприятие прекрасного. Не случайно национальная опера «Фрейшютц» («Вольный стрелок») была создана К. М. Ф. фон Вебером в период его работы в оперном театре Дрездена. Кюхельбекер не раз возвращается к характеристике немецкого национального характера. «Немцы вообще чрезвычайно опрятны и трудолюбивы – два свойства, которые не оценены для путешественника». «Вообще я должен назвать немцев народом почтенным, добродетельным», их отличает «живое благочестие и почти врожденное чувство своих обязанностей» [10].

В Дрездене Кюхельбекер подружился с молодым художником Людвигом Рихтером (1803–1884). Он был включен в свиту Нарышкина для того, чтобы в рисунках запечатлеть дорожные

виды. Десятилетие спустя имя этого молодого художника поставят рядом с другими прославленными дрезденцами – архитектором Готтфридом Земпером (1803–1879) и скульптором Эрнстом Ритшелем (1804–1861).

Большая часть писем (XIX–XX; XXIII–XXIV) Кюхельбекера посвящена описанию картин Дрезденской галереи, которая стала общедоступной в середине XVIII в. при Августе III.

В эпоху романтизма Дрезденская галерея выполняла образовательную функцию. Кюхельбекер пишет: «Каждое почти утро был я в галерее, смотрел и учился; чувствую, что влияние картин на мое воображение было благодетельно: призраки и мечты, которые являлись душе моей, тревожили ее, но исчезали в туманах, когда устремлял на них взоры; эти призраки носят теперь передо мною, как прежде, но, кажется, получили более ясности, более определенности» [11].

Кюхельбекер передает свое восхищение полотнами «Старых мастеров»: Рафаэль, Корреджо, Тициан, Корраччи, Гвидо, Рубенс, Ван Дейк. Письма, в которых описывается Дрезденская галерея, адресованы друзьям, их тон доверительный, автор беседует с теми, кто его понимает: «...расскажу вам, друзья, чувства, которые вам передать не в силах, те чувства, которые составляли мое наслаждение и на время сближали меня с гениями, поэтами живописи» [12].

Русский путешественник внимательно изучает сначала художников фламандской школы, называя их отличительной чертой «прилежание и верность». Далее Кюхельбекер дает свое подробное толкование картин Рубенса «Пьяный Геркулес», «Охота на львов», «Сатир, выжимающий виноградный сок», «Нептун, умиряющий волны». Из картин Рембрандта он выделяет «Жертвоприношение Монои», а лучшей картиной Ван дер Верфа называет «Изгнание Агари». Восхищение Кюхельбекера вызывают полотна «из обыкновенной сельской и хозяйственной жизни» – Герарда Доу, Габриэля Метсю, Фердинанда Бола. В наружной галерее его внимание привлекают и некоторые картины «школ Немецкой и новейшей Италианской». Лучшей работой старинных немецких мастеров он называет «Мадонну бургомистра Майера» Ганса Гольбейна Младшего. Полотна некоторых художников воспринимаются Кюхельбекером критически: «Теньер, всегда однообразный и отвратительный, в Дрездене тот же, что в С.-Петербурге: у него везде пьяные мужики, расстрепанные солдаты, толстые бабы, грубые пляски, карты и вино. Вуверман неутомим в представлении дыма, пальбы, беспорядка, белых лошадей, желтых кафтанов и голубых перевязей. Роза-ди-Тиволи, или, правильнее, Филипп Роз, в двадцати картинах представляет одно и то же: темно-синий воздух, коров и горы, коров и темно-синий воздух» [13]. Из итальянских мастеров русский путешественник выделяет картины «Кающаяся Магдалина» Помпео Баттони, «Вознесение Христа» Бастиана Рикчи и «Покояющаяся Венера с Амуром» Гвидо Ренни.

Восприятие полотен Антонио Корреджо свидетельствует о вдумчивом изучении творчества этого итальянского художника XVI в. Кюхельбекер выделяет четыре периода и сопровождает каждый характеристикой картины, раскрывающей его особенности. Это – «Мадонна со св. Франциском», «Мадонна со св. Георгием», «Святая ночь», «Мадонна со св. Себастьяном». Сильное восхищение вызывает «славная картина» третьего периода – «Святая ночь», на которой изображается поклонение родившемуся Иисусу: «Чем долее смотришь, тем более забываешься, тем более сердце готово верить сверхъестественному» [14].

Ощущение трепета вызывает в душе Кюхельбекера образ Мадонны Рафаэля. Он видит в ней олицетворение небесной чистоты, вечности, спокойствия. Поэт настолько проникся увиденным ликом, что задается вопросом: смеет ли он, представитель земного существования, смотреть на подобную святость? Исходящая от Мадонны кротость заставляет русского путешественника все дольше смотреть на нее и ощущать божественную святость: «Посмотрите, она все преображает вокруг себя! <...> Мысли и мечты, которые озаряли и грели мою душу, когда глядел на сию единственную Богоматерь, я описать ныне уже не в состоянии; но я чувствовал себя лучшим всякий раз, когда возвращался от нее домой!» [15] В конце своего отзыва о картине Кюхельбекер отмечает, что многие живописцы представляли себе Мадонну, но явилась она только Рафаэлю.

Почти одновременно с Кюхельбекером В. А. Жуковский изучает полотна Дрезденской галереи. Во время поездки в апреле 1821 г. создатель русского романтизма шесть раз посетил картинную галерею. Самое сильное впечатление на него произвела тоже «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. В статье «Рафаэлева Мадонна» Жуковский подчеркивает ее божественный характер. «Здесь душа живописца, без всяких хитростей искусства, но с удивительной простотою и легкостью передала холстине то чудо, которое во внутренности ее совершилось» [16]. Для Жуковского это «не картина, а видение: чем далее глядишь, тем живее уверяешься, что перед тобою что-то неестественное происходит» [17]. Для Кюхельбекера эта картина – тоже «видение неземное: небесная чистота, вечное, божеское спокойствие на челе младенца и Девы» [18].

Основную мысль «Сикстинской Мадонны» Жуковский видит в стремлении Рафаэля показать «состояние души, уже покинувшей землю и достойной неба... Рафаэль как бы хотел изобра-

зять для глаз верховное назначение души человеческой» [19]. Картина Рафаэля, по мнению Жуковского, заставляет зрителя пережить мистическое откровение, как когда-то его пережил сам художник.

О Мадонне поэт говорит с почтением, отмечая в ее лице спокойствие, величие, чистоту. Взгляд ее устремлен сквозь пространство, она смотрит в никуда, но в то же время как будто видит обширность и безграничность бытия. По мысли Жуковского, Рафаэль написал образ Мадонны не для глаз, не для того, кто может постичь глубину мгновенно, а для души, для того, кто ищет, кто желает искать и находит. Таинственность изображения притягивает зрителя, заставляет работать его мысль. Поэт отмечает особенность выражения глаз Мадонны. В них нет блистания, однако есть более волнующая и важная черта – «какая-то глубокая чудесная темнота» [20]. Жуковский выделяет в ее образе особую противоречивость. С одной стороны, Мадонна смотрит как будто сквозь зрителя, с другой – видит все, ее окружающее. Этот образ статичен, в нем нет особого движения, но вместе с тем тот, кто глядит на полотно, начинает замечать ее приближение к себе. Этот бинарный характер картины завораживает и заставляет смотреть на нее снова.

Однако не столько образ Мадонны является для Жуковского центром красоты картины, сколько фигуры св. Сикста и св. Варвары. Это те, перед кем явилась Мадонна. Они стали очевидцами ее видения. Поэт отмечает особенность, о которой далее говорит: Сикст и Варвара стоят на небесах, потому что «на земле этого не увидишь» [21]. Сикст является воплощением святости. В его взоре отражено абсолютное обожание. Св. Варвара у Жуковского полна величия, которое возникает в ней в связи с явлением Мадонны. При этом взор ее устремлен не на Богородицу, а на одного из ангелов. Ее лицо, прекрасное именно человеческой красотой, наполнено глубоким размышлением, которым она как будто делится с этим маленьким ангелом. Это «таинство мысли», присутствующее в лице и фигуре каждого из смотрящих на Мадонну, становится для Жуковского самым чудесным в этой картине. Поэт признает, что только существа небесные обладают способностью глубоко прочувствовать то, что перед ними сейчас происходит. Только такая душа может постичь счастье, заключающее в себе лишь два слова: *«чувствую и знаю»* [22].

Если сейчас «Сикстинская Мадонна» Рафаэля занимает в Дрезденской галерее центральное место, то в 20-е гг. XIX в., когда галерея Земпера еще не была открыта (это произойдет 25 сентября 1855 г.), местоположение картины Рафаэля было неверно избрано. Она, по словам Жуковского, «терялась». Кроме того, не с первого раза она и открывалась зрителю [23].

По мнению Кюхельбекера, «Божественная явилась», а потом «то же самое вдохновение, которое исполнило Рафаэля, ниспускалось в душу и других художников, хотя было и слабее» [24]. О Рафаэле, его чудесном видении была создана легенда ранними немецкими романтиками. Она нашла отклик и в душе отечественных романтиков. В 1826 г. в Москве в типографии С. Селивановского была опубликована книга «Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком».

Романтический миф о Рафаэле находит свое отражение в стихотворении В. К. Кюхельбекера «Амур живописец» (1824). Лирический герой – художник, сидящий на утесе в подавленном состоянии из-за отсутствия вдохновения. Однако в предрассветный час ему является мальчик, который пальцем начинает рисовать по туману, словно по холсту, прекрасную идиллическую картину. Художник Кюхельбекера ошеломлен и одновременно очарован этим действием. Завершает работу над туманным полотном явление Мадонны. Однако у Кюхельбекера она предстает перед лирическим героем в образе пастушки. Художник отмечает ее прелестный лик, стройность, прядь темных волос, ниспадающих на щеки. В стихотворении происходит оживление этого образа. Пастушка идет к художнику, чтобы одарить его вдохновением. Примечательно, что Кюхельбекер приземляет образ Мадонны-вдохновения. Он наделяет ее человеческими качествами и говорит о ней, как о существе из плоти: «... грудь под снежной дымкой, / Стройный стан, живые щечки с ямкой», «вдруг пастушка поднимает ножку» [25]. Тем самым поэт словно отходит привычного изображения откровения и предлагает свое, оригинальное видение этого образа.

Образ Мадонны Рафаэля Жуковский использует в своем творчестве с 20-х гг. XIX в. В 1821 г. он пишет стихотворение «Лалла Рук». Лирический герой предается мечтам о земле обетованной, где вечное спокойствие и мир. Туда приходит Мадонна: «Словно ангел неземной – / Непорочность молодая / Появилась предо мной» [26]. Жуковский вводит в текст описание картины. Он говорит и о занавесе, через который идет Мадонна, и о ее взгляде, о котором так много писали современники поэта. С образом Мадонны автор соотносит такие категории, как величие, стыдливость, безмятежность, красота. Здесь же Жуковский впервые вводит известнейшее определение – «гений чистый красоты». Это очень точная формула, поскольку образ Мадонны является результатом божественного наития в новелле В. Вакенродера «Видение Рафаэля» [27]. О божественной

природе вдохновения поэт пишет дальше. Он отмечает, как и другие поэты-романтики, что это миг кратковременный и нечастый. Сердце и душа художника должны быть всегда открыты этому чувству, иначе можно его упустить на довольно долгий срок.

Жуковский сравнивает вдохновение с мечтанием, утренним сном – с тем, что легко спугнуть, так как они насквозь воздушны. Взор Мадонны, проникнутый гармонией и спокойным созерцанием, божественное откровение, посещающее творца, позволяет за рамки земного бытия, погрузиться в мир иррационального и нездешнего. В то же время вдохновение способно расширить границы земной жизни, показать, насколько прекрасно то, что ежедневно окружает человека: «Что наш мир животворит, / Убедительно и ясно / Он с душою говорит» [28]. Такое же упоминание привычного, земного находится и в самой картине Рафаэля. Это фигура папы Сикста II и, особенно, стоящая в углу его тиара, символизирующие приверженность земному существованию.

В 1823 г. Жуковский продолжает начатую тему в стихотворении «Я музу юную, бывало...», в тексте которого говорится о вдохновении. И снова поэт выстраивает параллель с новеллой «Видение Рафаэля». Это не просто откровение, посетившее однажды художника. Оно пришло к нему с «подлунной стороны» – ночью. В это же время суток образ Мадонны явился и итальянскому живописцу. Такое ощущение размывает границы миров, ничто не становится четким и ясным. Этот миг образует совершенно новое пространство, в котором «Жизнь и Поэзия одно» [29]. Жуковский вновь вводит тему мимолетности вдохновения. Его лирический герой тоскует о долгом отсутствии его. Он мечтает скорее его увидеть, ощутить. Автор сохраняет и имя этого мига, правда, с небольшим изменением – «Гений чистой красоты». Герой готов расстаться с лучшим, что было в его жизни, лишь бы вернуть то ощущение сияния, очарования, которое неразрывно связано с божественным наитием. Его душа, как и душа Рафаэля в ту ночь, открыта к прочувствованию этого светлого мига. Он верит, что святое откровение повторится в его творческом пути еще не раз.

Таким образом, В. К. Кюхельбекер и В. А. Жуковский стали одними из первых русских путешественников XIX в., выразившими свои впечатления и наблюдения о Дрездене, в котором они побывали почти в одно и то же время. Они оставили одни из самых лучших описаний картинной галереи. Эмоциональное волнение и восторг вызвала у них, прежде всего, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Свою эстетическую позицию оба они выразили в художественных произведениях, запечатлев, таким образом, эмоциональные переживания. С восприятием произведений искусства связано приобщение к «чужому» как к «своему». В произведениях В. А. Жуковского и В. К. Кюхельбекера содержится и конкретная информация, касающаяся особенностей проживания в Дрездене, специфики характера саксонцев, особенно чутко воспринимающих прекрасное. Русские путешественники нашли в Дрездене близких по духу людей искусства: В. Кюхельбекер – Л. Рихтера, а В. А. Жуковский – К. Д. Фридриха.

Примечания

1. См.: Русский мир Дрездена. Прогулки по историческим адресам с Ольгой Гроссман. СПб., 2010. 256 с.; *Хексельшнейдер Э.* Дрезден – сокровище в табакерке. Впечатления российских деятелей культуры / пер. с нем. Ф. Нефедова. СПб., 2011. 256 с.

2. См., например: *Колдесник В., Шелике В.* Русские следы в Дрездене. Дрезден, 2006. С DVD. *Хексельшнейдер Э.* Дрезденские годы Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 344–365; *Хексельшнейдер Э.* Русские следы в Саксонии // Русские в Германии / под ред. Т. Форнера. Берлин, 2008. С. 174–181; *Файнштейн М. Ш.* «Дымный город мой...» (Дрезден в творчестве К. К. Павловой) // Файнштейн М. Ш. «Меня Вы назвали поэтом...». Жизнь и литературное творчество К. Павловой в ретроспективе времени. Фихтенвальде, 2002. С. 70–82; *Großmann O.* Russen in Dresden im Kontext der Stadtgeschichte. Ein Stadtführer. Dresden, 2006. 251 s.; *Hexelschneider E.* Wilhelm Küchelbecker in der Dresdner Galerie im Jahre 1820. In: Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden. Beiträge. Berichte. 1991. Bd. 22. [Dresden]. 1994. S. 59–70.

3. *Хексельшнейдер Э.* Русский саксонец в Дрездене // *Хексельшнейдер Э.* Дрезден – сокровище в табакерке. Впечатления российских деятелей культуры / пер. с нем. Ф. Нефедова. СПб., 2011. С. 58.

4. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 12.

5. Там же.

6. Цит. по: *Гросс Р., Либеркнехт В.* Дрезден. Лейпциг, 2008. С. 92.

7. *Кюхельбекер В. К.* Указ. соч. С. 13.

8. Русский мир Дрездена. С. 121.

9. *Кюхельбекер В. К.* Указ. соч. С. 15.

10. Там же. С. 16, 35, 36.

11. Там же. С. 24

12. Там же. С. 18.
13. Там же. С. 23.
14. Там же. С. 31.
15. Там же. С. 33.
16. В. А. Жуковский-критик. М., 1985. С. 155.
17. Там же.
18. *Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 33.
19. В. А. Жуковский-критик. С. 157.
20. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2000. Т. 12. С. 344.
21. Там же.
22. Там же.
23. Об этом писал и Кюхельбекер: «Вы смотрите, и на лица ваших что-то похожее на ропот недовольственного ожидания; вас удерживает изъяснить неудовольствие одно опасение показаться людьми без вкуса» (*Кюхельбекер В. К.* Указ. соч. С. 33). А. Г. Достоевская описала восприятие Федором Михайловичем картины Рафаэля: «Федя никогда не может хорошенько рассмотреть Сикстинскую мадонну, потому что не видит так далеко, а лорнета у него нет. Вот сегодня он придумал стать на стул перед Мадонной, чтоб ближе ее рассмотреть...» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. II. С. 73).
24. *Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 33–34.
25. *Кюхельбекер В.* Амур живописец // Кюхельбекер В. Избранные произведения: в 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 116.
26. *Жуковский В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 222.
27. Например, Н. А. Полевой в повести «Живописец» использует эпизод «Видение Рафаэля», знакомый по трактату Вакенродера-Тика «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного» (1826) и по статье В. А. Жуковского «Рафаэлева Мадонна»: «Рафаэль долго думал, как изобразить ему Пресвятую, и терялся в размышлениях, мучился, терзался; силы его ослабели – он уснул. Тогда явилась ему Пресвятая Дева в том небесном виде, в каком он изобразил ее на изумление векам» (*Полевой Н. А.* Живописец // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века. Л., 1989. С. 173).
28. *Жуковский В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 223.
29. Там же. С. 235.

Notes

1. See: Russian Dresden. Russkii mir Drezdena. Progulki po istoricheskim adresam s Ol'goi Grossman [Walking through the historical locations of Olga Grossman]. SPb. 2010. 256 p. ; Hekselshneyder E. Drezden – sokrovishche v tabakerke. Vpechatleniya rossiiskih deyatelei kul'tury [Dresden – a treasure in the snuffbox.] Impressions of Russian cultural / per. with it. F. Nefedov. SPb., 2011. 256 pp.
2. See: Koldesnik V., Shelike V. Russkie sledy v Drezdene [Russian traces in Dresden]. Dresden, 2006. from DVD. Hekselshneyder E. Drezdenskije gody Dostoevskogo [Dresden years of Dostoevsky Dostoevsky]. Materials and Research. SPb., 2000. 15. Т. P. 344–365; E. Hekselshneyder Russkie sledy v Saksonii [Russian traces in Saxony] // Russians in Germany / Ed. T. Forner. Berlin, 2008, pp 174–181; Feinstein M. Sh. "Dymnyi gorod moi" ["My Smoky town ..."] (Dresden in the work of K. Pavlova) // Feinstein M. Sh. «Menya Vy nazvali poetom. Zhizn' i literaturnoe tvorchestvo K. Pavlovoi v retrospektive vremeni ["You called me a poet ...". The life and literary works of K. Pavlova time in retrospect]. Fihntenvalde, 2002, pp 70–82; Grossmann O. Russen in Dresden im Kontext der Stadtgeschichte. Ein Stadtführer. Dresden, 2006. 251 s.; Hexelschneider E. Wilhelm Küchelbecker ib der Dresdner Galerie im Jahre 1820. In: Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden. Beiträge. Berichte. 1991. Bd. 22. [Dresden]. 1994. P. 59–70.
3. E. Hekselshneyder Russkii saksonec v Drezdene [Russian Saxon in Dresden] // Hekselshneyder E. Dresden – a treasure in the snuffbox. Impressions of Russian. SPb. 2011. P. 58.
4. Kyuchelbecker V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i [Travel. Diary. Article]. Leningrad. 1979. P. 12.
5. Ibid.
6. Op. cit. by: R. Gross, V. Liberckneht Dresden. Leipzig, 2008. P. 92.
7. Kyuchelbecker V. K. Op. cit. P. 13.
8. Russian world Dresden. S. 121.
9. Kyuchelbecker V. K. Op. cit. P. 15.
10. Ibid. Pp. 16, 35, 36.
11. Ibid. P. 24
12. Ibid. P. 18.
13. Ibid. P. 23.
14. Ibid. P. 31.
15. Ibid. P. 33.

16. Zhukovsky V. A. Critic. Moscow. 1985. P. 155.
17. Ibid.
18. Kyuchelbecker V. K. Op. cit. P. 33.
19. Zhukovsky V. A. Critic. P. 157.
20. Zhukovsky V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]: 20 t. Moscow. 2000. T. 12. P. 344.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. This was written and Kyuchelbecker "You look on the faces of your something like a murmur of unmet expectations; You hold one to express displeasure with the fear people seem tasteless "(Kyuchelbecker V. K. op. cit, pp. 33). A. G. Dostoevskaya described the perception of Fyodor Mikhailovich Raphael: "Fedor is never a good look at the Sistine Madonna, because I do not see that far, but he has no lorgnette. Just today he came up to take the chair in front of the Madonna, to close its consideration ... "(Dostoyevsky in the memoirs of contemporaries: in 2 v. M., 1990. T. II. P. 73).
24. Kyuchelbecker V. K. Op. cit. P. 33–34.
25. Kyuchelbecker V. K. Amur zhivopisec [Cupid painter] // Kyuchelbecker V. K. Selected Works in 2 volumes. M.; L., 1967. T. 1. P. 116.
26. Zhukovsky V. A. Op. cit. T. 2. P. 222.
27. For example, N. A. Polevoy in the story "The painter" uses the episode "The vision of Raphael" familiar treatise on Wackenroder-Teak "On art and artists. Reflections of a hermit, a lover of fine "(1826) and Article V. A. Zhukovsky" Raphael's Madonna ", " Rafael long thought to depict him holy, and lost in thought, tortured, tormented; It weakened his strength – he fell asleep. Then the Blessed Virgin appeared to him in the heavenly form in which he portrayed it in amazement Ages "(Polevoy N. A. Zhivopisec [Painter] // Iskusstvo i hudozhnik v russkoi proze pervoi poloviny XIX veka [Art and artists in the Russian prose of the first half of the XIX century]. Leningrad, 1989. P. 173).
28. Zhukovsky V. A. Op. cit. T. 2. P. 223.
29. Ibid. P. 235.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.91-051"406"

Н. С. Артемьев, А. Н. Бурчихин

Виды и содержание мероприятий по предупреждению рецидивной преступности

Статья посвящена проблемам планирования мероприятий по предупреждению рецидивной преступности. Авторами рассматриваются требования, предъявляемые к планируемым мероприятиям по предупреждению рецидивной преступности, виды планируемых предупредительных мероприятий и их содержание, начиная с планов государственных органов и общественных организаций и заканчивая планами работы участковых, уполномоченного полиции и начальника отряда исправительного учреждения.

Планирование – это внешняя функция управления, которая обеспечивает целеустремленность в работе по предупреждению рецидивной преступности, позволяет сосредоточить внимание на решении наиболее важных, перспективных вопросов, вытекающих из решений законодательных и исполнительных государственных органов власти, из сложившейся оперативной обстановки на обслуживаемой территории, дает возможность правильно использовать каждого работника полиции и исправительных учреждений, силы общественности, имеющуюся технику, а также оперативно-розыскные и профилактические средства.

Планирование создает необходимые условия для организации тесного и непрерывного взаимодействия между органами полиции, исправительными учреждениями, судом, прокуратурой с различными государственными, хозяйственными, общественными организациями, участвующими в осуществлении мероприятий по предупреждению рецидивной преступности, способствует более легкому выполнению законов и других подзаконных актов с учетом криминальной обстановки в регионах, прогнозирования рецидивной преступности, а также имеющихся сил и средств.

Article is devoted to problems of planning of actions for the prevention of recurrent crime. The author considers requirements for the planned activities for the prevention of recidivism, types of the planned precautionary actions and their content, starting with plans of government bodies and public organizations are considered by authors and finishing with plans of work of district police officers, representative of police and chief of group of correctional facility.

Planning it is an external control function, that provides a sense of purpose in the prevention of recidivism, allows to focus on the most important and perspective issues that emanating from legislative and executive government authorities, current operative situation in the service area. Planning makes it possible to properly use each police and penal officer, available equipment, operatively-search and preventive measures.

Planning creates the necessary conditions for the organization of close and continuous interaction between the police, penal facilities, courts, prosecutor's office with various government, business, civil society organizations involved in the implementation of measures to prevent recidivism. It is contributes to easier implementation of laws and other regulations taking into account such factors as the crime situation in the regions, predicting recidivism available forces and means.

Ключевые слова: рецидивная преступность, причины её совершения и условия, способствующие ей.

Keywords: recidivism, the reasons for its issuance and the conditions that facilitate it.

В последний период достигнуты положительные результаты в совершенствовании планирования, которое теперь осуществляется по отдельным проблемам, что позволяет объединить усилия различных служб и подразделений органов внутренних дел, а также общественности для более эффективного решения поставленных задач. Однако разработанной, стройной системы мероприятий, охватывающих всю проблему профилактики рецидивной преступности, пока не имеется. Планируемые органами внутренних дел отдельные мероприятия включаются в квартальные, годовые

и перспективные планы и не носят комплексного характера; они не всегда согласовываются с органами прокуратуры, юстиции и другими государственными органами и поэтому оказывают воздействие лишь на отдельные факторы, с которыми обнаруживается связь рецидивная преступность. Кроме того, как правило, отсутствует связь с мероприятиями по профилактике преступности несовершеннолетних – главного источника рецидивной преступности.

Между тем планирование мероприятий по профилактике рецидивной преступности, основанное на научном анализе оперативной обстановки, позволяет органам внутренних дел, наряду с решением повседневных текущих вопросов и частных задач, последовательно, с перспективой на предстоящий период осуществлять широкую предупредительно-профилактическую работу с судимыми по их месту жительства и работы с привлечением к этой цели трудовых коллективов и общественных организаций.

Планируемые мероприятия должны соответствовать законам, общероссийским программам, планам вышестоящих органов, причем не копируя их положения, а конкретизируя с учетом реальной обстановки, сложившейся на определенной территории, в городе, населенном пункте. Требуются также их научная обоснованность, эффективность, реальность, экономичность, целесообразность, конкретность, комплексность.

Научная обоснованность предполагает, в частности, что планы должны исходить из глубокого анализа рецидивной преступности на определенной территории, всестороннего учета данных социально-экономического и научно-технического развития, с учетом криминологического прогноза и личности преступников.

Эффективность планируемых мероприятий заключается в достижении положительных результатов после их выполнения. Наиболее важным критерием проверки эффективности является реальное увеличение или уменьшение числа преступлений, совершенных судимыми, снятие их с учета как исправившихся и в целом укрепление правопорядка в определенном регионе.

Реальность мероприятий состоит в том, что они должны быть выполнены исполнителями при любых условиях, в том числе и при значительном осложнении оперативной обстановки, когда часть сил и средств будет отвлечена на выполнение других мероприятий (пожаров, наводнений, эпидемий и т. д.). Так, вряд ли можно считать реальным план УВД Кировской области, где наряду с многочисленными мероприятиями по профилактике рецидивной преступности было предусмотрено в течение одного квартала оказать помощь 43 горрайорганам внутренних дел в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых из исправительных учреждений, проверить полноту постановки их на оперативно-профилактические учеты, организацию-профилактической работы. Нереальные мероприятия по профилактике рецидивной преступности, включенные в планы, мешают исполнителям эффективно и целеустремленно организовать свою работу, создают неуверенность и вызывают негативное отношение к планированию [1].

Экономическая целесообразность планируемых мероприятий заключается в том, чтобы при наименьших затратах получить как можно больше пользы и максимально приблизиться к конечной цели, которая ставится при составлении плана.

Конкретность мероприятий означает четкую и ясную формулировку задач перед исполнителями, установление сроков исполнения, что облегчает их выполнение и контроль за реализацией. Однако в практике планирования профилактики рецидива это требование соблюдается далеко не всегда. Так, в одном из планов УВД Ставропольского края было записано: «активизировать индивидуальную профилактическую работу с ранее судимыми лицами»; в планах работы Нововятского и Нолинского РОВД Кировской области предусматривалось «выявлять судимых и ставить их на оперативно-профилактические учеты» и т. д. Подобные формулировки порождают безответственность исполнителей и не способствуют усилению контроля со стороны руководителей служб и подразделений органов внутренних дел. В конечном счете такой подход не может оказать позитивного влияния в вопросах предупреждения рецидивной преступности.

Комплексность планов по профилактике рецидива означает, что планируемые мероприятия включают в себя в качестве исполнителей органы внутренних дел, прокуратуры, юстиции и других государственных и общественных организаций, а также согласования с планами по профилактике правонарушений и планами социально-экономического развития краев, областей, районов, городов, населенных пунктов. Между тем, как свидетельствуют результаты выборочного изучения планов работы горрайорганов внутренних дел, проведенного автором в ряде регионов, две трети этих документов в части профилактики рецидивной преступности содержат в основном общие мероприятия, которые носят призывной характер и отражают лишь повседневную деятельность работников полиции, регламентированную приказами и указаниями МВД России.

Соблюдение указанных требований при планировании профилактики рецидивной преступности позволяет наиболее эффективно и последовательно осуществлять эту деятельность, добиваться наилучших результатов в достижении поставленных целей на определенный период.

В ряде регионов вопросы профилактики рецидивной преступности входят составной частью в общие планы органов внутренних дел, в основном в раздел мероприятий по охране общественного порядка и борьбы с преступностью. При этом даже при значительном удельном весе в структуре преступности уголовного рецидива мероприятия по профилактике рецидивной преступности часто не находят достаточного отражения. Такая практика планирования, по нашему мнению, не обеспечивает преемственности в работе аппаратов полиции, исправительных учреждений и трудовых коллективов, не отвечает возрастающим требованиям со стороны законодательных и исполнительных органов власти по борьбе с преступностью в нашей стране, и в первую очередь с рецидивной преступностью.

Как нам представляется, основные мероприятия по профилактике рецидивной преступности должны быть сосредоточены в специальном разделе общерегионального плана профилактики правонарушений. На его основе штабными подразделениями УВД краев, областей, МВД республик составляются более детальные мероприятия, входящие в планы МВД, УВД по профилактике рецидивной преступности, которыми предусматривается преемственность в работе аппаратов полиции и исправительных учреждений, проведение специальных мероприятий, входящих в компетенцию органов внутренних дел.

Отраслевые службы УВД конкретизируют мероприятия по профилактике рецидивной преступности в годовых или перспективных планах своей работы, данные мероприятия могут разрабатываться как для разового, так и для многократного использования. Это так называемые планы-операции, предусматривающие комплекс предупредительно-профилактических мер, проводимых обычно под условными (кодowymi) наименованиями. Горрайорганы внутренних дел и органы, исполняющие наказания, составляют квартальные планы работы, в которых одно из наиболее важных мест должны занять меры по профилактике рецидивной преступности [2].

Зная прогнозируемое поведение освобождаемых из исправительных учреждений, работники полиции, и прежде всего участковые инспекторы полиции горрайорганов внутренних дел, на территорию обслуживания которых прибывают такие лица, составляют индивидуальные планы, в которых предусматриваются те или иные средства и методы профилактического воздействия в отношении конкретных лиц, находящихся на учете по профилактическому делу.

Виды планируемых мероприятий по профилактике рецидива можно представить следующим образом:

- мероприятия по профилактике рецидивной преступности, входящие составной частью в планы социально-экономического развития и комплексные планы по профилактике правонарушений;
- мероприятия, входящие в годовые и перспективные планы УВД, МВД и других правоохранительных органов;
- мероприятия, входящие в планы работы отраслевых служб УВД, МВД, горрайорганов внутренних дел и исправительных учреждений, прокуратуры, юстиции;
- мероприятия, входящие в планы работы служб ГРОВД (участковых инспекторов полиции, работников инспекций по делам несовершеннолетних), а также соответствующих служб и сотрудников исправительных учреждений;
- индивидуально-профилактические мероприятия по профилактическим делам;
- мероприятия, предусматриваемые комплексными планами-операциями под условными наименованиями;
- мероприятия, предусматриваемые дополнительными планами [3].

Планирование деятельности органов внутренних дел по профилактике рецидива способствует их активному и рациональному воздействию на управляемую среду, является основой ритмичной работы по предупреждению рецидивных проявлений.

Весьма важным, по нашему мнению, является выбор правильной структуры плана, что позволяет предусмотреть основные вопросы, касающиеся этой проблемы, и облегчает их планирование и в конечном счете выполнение.

В планах государственных органов и общественных организаций по профилактике правонарушений следует предусматривать специальный раздел по предупреждению рецидивной преступности, где целесообразно отразить следующие направления:

- активизация деятельности соответствующих комиссий, особенно в вопросах контроля за деятельностью органов, исполняющих наказания, и предприятий, на которых работают осужденные, оказания им помощи;

– совершенствование работы государственных органов, администрации предприятий и строек по содействию лицам, освобожденным из исправительных учреждений, в их трудовом и бытовом устройстве;

– закрепление шефов и наставников за ранее судимыми лицами, повышение их образовательного и культурного уровня;

– предупреждение правонарушений (преступлений) со стороны освобожденных из мест лишения свободы условно-досрочно;

– усиление профилактической работы с молодежью и особенно с подростками.

В планах работы УВД, МВД республик, областей, краев должны, по нашему мнению, отражаться такие вопросы:

– изучение причин совершения преступлений рецидивистами и способствующих этому условий, а также разработка мер по их устранению;

– выявление и постановка на профилактические учеты ранее судимых лиц, обеспечение наблюдения за ними со стороны общественности;

– выявление ранее судимых лиц и постановка их на оперативно-профилактические учеты;

– обеспечение наблюдения за ними со стороны общественности;

– повышение роли оперативно-розыскных учетов в предупреждении рецидивной преступности;

– повышение эффективности контроля за лицами, освободившимися из мест лишения свободы;

– улучшение деловых контактов с различными комиссиями местных органов власти;

– оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве ранее судимым;

– обеспечение преемственности в работе аппаратов полиции и исправительных учреждений;

– организация индивидуально-профилактической работы с подростками, в отношении которых судом вынесено решение об отсрочке исполнения приговора [4].

С учетом указанных мероприятий отраслевые службы УВД, МВД (управления), по исполнению уголовных наказаний и профилактики, составляют более детальные мероприятия, которые, в частности, предусматривают:

– своевременное и полное выявление лиц, ранее совершивших преступления, в том числе подростков с отсрочкой исполнения приговора;

– постановку их на профилактический и иные учеты;

– обеспечение контроля и наблюдения за ними;

– оказание освободившимся из мест лишения свободы помощи в трудоустройстве;

– повышение роли общественных организаций и трудовых коллективов предприятий и учреждений в профилактике правонарушений среди ранее судимых;

– предупреждение преступности и нарушений общественного порядка среди спецконтингента;

– взаимодействие различных служб УВД, МВД, горрайорганов внутренних дел, исправительных учреждений по предупреждению рецидивной преступности и т. д.

На основе этих мероприятий и с учетом местных особенностей горрайорганы внутренних дел и органы, исполняющие уголовные наказания, составляют свои планы работы, в которых наряду с другими вопросами предусматриваются и мероприятия по профилактике рецидивной преступности.

Планирование индивидуально-профилактических мероприятий в отношении конкретных лиц, ранее совершавших преступления, осуществляется, как правило, участковыми инспекторами полиции и инспекторами по делам несовершеннолетних в горрайорганах внутренних дел и начальниками отрядов – в органе, исполняющем наказание, инспекторами уголовно-исполнительных инспекций.

Индивидуальные планы, составляемые на основе глубокого изучения личности судимых, прогнозирования их поведения, позволяют более эффективно проводить профилактические мероприятия с целью недопущения рецидива преступлений с их стороны. Как нам представляется, такой план должен составляться после совершения определенным лицом первого преступления с одновременным заполнением на него информационно-профилактического дела, которое должно следовать в те подразделения внутренних дел, на территории обслуживания которых проживает это лицо, или же в исправительное учреждение, где он отбывает наказание.

В план участкового инспектора полиции в обязательном порядке должны включаться следующие мероприятия:

– проведение индивидуально-профилактической беседы;

– закрепление шефа или наставника из числа лучших работников предприятий (учреждений) или общественности;

- организация контроля за поведением профилактируемого (посещение квартиры, места работы, наблюдение общественности и т. д.);
- принятие мер по привлечению данного лица к занятиям в школе, в учебном заведении, спортом и т. д.

Особое место должны найти меры по бытовому и трудовому устройству освободившихся из мест лишения свободы.

Начальник отряда составляет свои мероприятия, которые должны положительно воздействовать на его воспитание, а именно:

- повышение общеобразовательного и профессионального уровня;
- проведение индивидуальных бесед по различным вопросам в зависимости от его характера и поведения;
- использование помощи родственников и общественных организаций предприятий и учреждений, где ранее работал осужденный;
- подготовка к освобождению и оказание на первом этапе помощи в бытовом и трудовом устройстве и т. д.

Этот перечень индивидуально-профилактических мероприятий в отношении конкретных ранее судимых лиц не является исчерпывающим, он предполагает внесение дополнительных мер в зависимости от личности судимых.

При повторном совершении преступления информационно-профилактическое дело с планом индивидуально-профилактических мероприятий вновь следует за осужденным.

Такой порядок планирования сверху (начиная с комплексного плана по профилактике правонарушений республики, края, области, города, района, населенного пункта) до конкретного судимого (план индивидуально-профилактических мероприятий) обеспечит в значительной степени преемственность в работе горрайорганов внутренних дел, исправительных учреждений и трудовых коллективов по воспитанию лиц, совершивших преступления, позволит заранее определить наиболее рациональные пути общего предупреждения рецидивной преступности и индивидуально-профилактической работы с конкретными лицами.

Примечания

1. Горожанин А. В., Артемьев Н. С., Некрасов А. П. Роль исправительных учреждений в борьбе с рецидивной преступностью. Самара: Самар. юрид. ин-т ФСИН РФ, 2005. С. 82–83.
2. Горожанин А. В., Артемьев Н. С., Некрасов А. П. Роль оперативных аппаратов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в организации борьбы с рецидивной преступностью. Самара: Самар. юрид. ин-т ФСИН РФ, 2005. С. 69.
3. Артемьев Н. С. Организация борьбы с рецидивной преступностью: учеб. пособие. М., 1997. С. 66–67.
4. Артемьев Н. С. Профилактика рецидивной преступности. Рязань: Ин-т права и экономики, 1998. С. 125–127.

Notes

1. Gorozhanin A. V., Artem'ev N. S., Nekrasov A. P. Rol' ispravitel'nyh uchrezhdenii v bor'be s recidivnoi prestupnost'yu [The role of correctional institutions in the fight against recidivism]. Samara. 2005, Pp. 82–83.
2. Ibid. P. 69.
3. Artem'ev N. S. Organizaciya bor'by s recidivnoi prestupnost'yu [Organization of struggle with recidivism]. Moscow. 1997. P. 66–67.
4. Artem'ev N. S. Profilaktika recidivnoi prestupnosti [Prevention of recidivism]. Ryazan: Institute of Law and Economics. 1998. Pp. 125–127.

Некоторые проблемы реализации института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов в российском уголовном судопроизводстве

Совершенствование уголовно-процессуальных норм в направлении восстановительной деятельности заложило основу института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов, что послужило огромным прогрессивным скачком в вопросе легализации восстановительного производства в нашей стране. В настоящее время в науке уголовного процесса не существует понятия института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов. В статье рассмотрены основные аспекты, связанные с проблемами реализации института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов. Автор исследует существующие коллизии восстановительного производства, рассматривая причины их возникновения. В рамках статьи автор акцентирует внимание на значении института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов для уголовного судопроизводства в целом, предложено определение рассматриваемого института.

Improving the rules of criminal procedure in the direction of recovery efforts laid the foundation of the recovering Institute of a lost criminal case or of its materials that has served as a huge leap in the issue of progressive legalization of recovering production in our country. Currently in the science of criminal process, there is no concept of the Institute of restoration of lost criminal case or its materials. The article describes the main aspects related to the problems of implementing the recovering Institute of a lost criminal case or of its materials. The author examines the existing conflicts of reductive production, considering their causes. Within the article, the author focuses on the importance of recovering Institute of a lost criminal case or of its materials for criminal justice in general. The definition of the institute was proposed.

Ключевые слова: восстановление, уголовное дело, институт, правоотношения, утрата, восстановительное производство.

Keywords: recovery, a criminal case, the institution, legal, loss, reductive production.

Проведённое исследование показало, что проблема утраты уголовных дел в России достаточно распространена во многих регионах нашей страны. В ходе исследования стало известно, что случаи утраты уголовных дел имели место в следующих регионах: Республика Тыва, Самарская область, Республика Карелия, Приморский край, Сахалинская область, Челябинская область, Хабаровский край и многие другие.

Так, например, в 2009 г. из кабинета здания УМ № 2 УВД по г. Самаре неустановленными лицами было похищено уголовное дело и имевшиеся при нём вещественные доказательства (денежные средства).

В 2013 г. следственными подразделениями (У)ОМВД России по Сахалинской области утрачено два уголовных дела: обвиняемый при выполнении требований статьи 217 УПК РФ воспользовавшись тем, что следователь временно не наблюдает за его действиями, спрятал один из томов уголовного дела под куртку и покинул здание органов внутренних дел; второе уголовное дело утрачено вследствие неоднократной передачи его от одного следователя другому при отсутствии надлежащего учёта дел.

Руководители следственных органов, которые непосредственно столкнулись с фактами утраты и процессом восстановления уголовных дел, указывают на то, что данная проблема действительно актуальна в настоящее время. Возникает необходимость в более детальной регламентации восстановительного производства и дальнейших методических разработках по данной теме.

Официальной статистики, которая бы наглядно продемонстрировала масштаб проблемы, не существует. В современном уголовно-процессуальном законодательстве на текущий момент времени существует лишь одна норма, в которой закреплены основные положения касательно восстановления уголовных дел.

До вступления в силу статьи 158.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, введённой Федеральным законом № 92 ФЗ от 4 июля 2003 г., восстановительное производство осуществлялось на основе ведомственных приказов и инструкций [1].

Проблема утраты уголовных дел до сих пор носит латентный характер. Закрытость темы объясняется достаточно просто. Об этом не принято говорить открыто. Это видно даже из того, что до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статьи 158.1 проблема восстановления вообще оставалась без должного внимания.

Законодатель обходил стороной вопросы, связанные с утратой уголовного дела. Ранее ни Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, ни многочисленные проекты Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не содержали в себе положений, связанных с процедурой восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов.

Её масштабы постоянно растут, в связи с тем что в стране каждый день возбуждаются тысячи уголовных дел, число приостановленных уголовных дел также непрерывно увеличивается, а условия хранения уголовных дел оставляют желать лучшего.

Халатность и небрежное отношение следственных работников способствуют увеличению числа утраты уголовных дел. Периодически имеют место случаи стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций и многое другое. На сегодняшний день о случаях утраты известно всем следственным работникам. Более того, большое число следователей непосредственно сталкивались с такими фактами в своей практике.

Всё это и указывает на то, что существует причинно-следственная связь между недостаточной теоретической разработкой вопросов восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов и затруднительной реализацией органами предварительного расследования процедуры восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов.

Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс от 4 июля 2003 г. послужили огромным прогрессивным скачком в вопросе легализации восстановительного производства в нашей стране, была заложена основа института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов.

Процесс развития правовых аспектов в сфере восстановительного производства привёл к формированию института восстановления уголовного дела либо его материалов.

В настоящее время в науке уголовного процесса не существует понятия института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов. Как мы уже говорили, проблеме восстановления посвящено небольшое количество работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты восстановительного производства. За последние десять лет проведено одно комплексное исследование Н. П. Ефремовой, в котором рассматривались вопросы восстановления уголовных дел [2]. Г. М. Миньковский, Н. А. Якубович рассматривали в своих публикациях вопросы о возможности уничтожения обвиняемыми материалов уголовных дел на этапе ознакомления с уголовными делами [3]. В литературе есть отдельные публикации практических работников, затрагивающие данные аспекты. С. А. Баранов в одной из таких своих работ ставил вопрос о необходимости подробной регламентации восстановления уголовных дел [4]. А. П. Фильченко говорил о восстановлении утраченного уголовного дела как механизме, препятствующем прекращению правоотношения уголовной ответственности [5].

Раскрыть понятие института восстановления уголовного дела либо его материалов достаточно затруднительно, в силу того что большинство научных деятелей придерживаются мнения о том, что одну норму права нельзя и неразумно обозначать институтом.

С одной стороны, данная точка зрения верна, так как общепринятое понятие института заключается в том, что под ним принято понимать именно совокупность юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения. Однако мы в защиту раскрываемого нами института можем сказать, что в теории государства и права существует мнение о том, что под институтом следует понимать не только совокупность норм, но и решения судов, ведомственные инструкции и иные формы нормативно-правового закрепления.

Общественные отношения, складывающиеся в ходе деятельности по восстановлению утраченного уголовного дела либо его материалов, регламентируются совокупностью положений самостоятельных частей статьи 158.1 УПК РФ, устанавливающих порядок восстановления утраченного уголовного дела, а также решениями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ведомственными нормативно-правовыми актами. Кроме того, сама процедура восстановления утраченного уголовного дела предполагает применение норм других институтов уголовного процесса.

Указанные выше доводы дают основание полагать, что общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности органов предварительного расследования и суда по восста-

новлению утраченного уголовного дела либо его материалов, образуют в своей совокупности самостоятельную «ячейку» уголовно-процессуального права. Это целостный устойчивый самостоятельный механизм, включающий в себя определённую группу участников, наделённых правами и обязанностями, а также тесно взаимосвязанные устойчивые отношения с другими самостоятельными институтами.

Эти точки соприкосновения хорошо видны при рассмотрении деятельности органов предварительного расследования и суда, в процессе полного или частичного восстановления уголовных дел; при производстве отдельных следственных действий, так как утрата уголовного дела на предварительном следствии или в суде влечёт за собой новые отношения между участниками процесса; при анализе допустимости доказательств.

Однако данный механизм нуждается в совершенствовании, в комплексном правовом регулировании отношений, порождаемых утратой уголовного дела либо его материалов, а также в разработке детальной процедуры правил восстановительного производства.

В законе такая детальная процедура правил восстановительного производства на сегодняшний день отсутствует. Законодатель в ст. 158.1 УПК РФ не регламентирует вопросы, связанные с допустимостью доказательств, полученных с разного рода носителей; вопросы, возникающие при повторном проведении следственных действий; вопросы, связанные с соблюдением прав граждан на ознакомление с документами и материалами уголовных дел.

Отдельного пристального внимания требуют моменты, связанные с обеспечением прав и обязанностей круга участников по утраченному уголовному делу; с утратой приостановленных уголовных дел; с умышленным уничтожением уголовных дел; с утратой дел и материалов по уголовным делам в ходе судебного производства. Также необходим глубокий анализ в области предупреждения утраты уголовных дел и выявления недостатков в их хранении.

Любой институт права сводит воедино, группирует различные нормы права, включая их в механизм правового регулирования конкретных видов общественных отношений. В нашем случае под конкретными отношениями мы имеем в виду те отношения, которые возникают в процессе восстановительного производства.

Правовой институт является центральным элементом всей системы права, который состоит из совокупности правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. Основными свойствами института права принято считать юридическое единство норм права, однородность фактического содержания, полноту регулируемых отношений, а также нормативную обособленность.

По нашему мнению, институт восстановления уголовного дела либо его материалов содержит в себе все основные свойства, присущие любому правовому институту.

Однако необходимо подвергнуть сомнению то свойство, которое указывает на юридическое единство норм права. Устранить это несоответствие возможно в том случае, если на законодательном уровне будет более детально закреплена процедура восстановления уголовного дела либо его материалов.

Из проведённого нами анализа материалов, составляющих теоретическую и нормативную базу разработанности темы диссертационного исследования, мы пришли к тому, что в уголовном судопроизводстве существует достаточно основания для того, чтобы с уверенностью утверждать о самодостаточности такого института права, как институт восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов.

Его значение очень велико как для теории, так и для практики уголовного судопроизводства. Это объясняется тем, что восстановительное производство является особой формой деятельности органов предварительного расследования, поэтому требует к себе пристального внимания законодателя, детальной регламентации и подробного изучения.

Подробная и чёткая регламентация процедуры восстановительного производства позволит устранить существующие в законодательстве пробелы, обеспечит недопущение нарушений прав и законных интересов участников данного производства, устранил (пусть не искоренит) проявление подобных фактов утраты на территории нашей страны и другое.

Внесение изменений и дополнений на законодательном уровне, разработка практических и методических рекомендаций послужат закреплению в теории уголовного судопроизводства института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов как целостного устойчивого и самостоятельного механизма, что, в свою очередь, послужит значительным шагом в развитии науки в целом.

Прийти к такому смелому выводу нам позволили результаты проведённого нами анкетирования среди сотрудников органов предварительного расследования. По итогам анкетирова-

ния, из 342 респондентов 72,2% считают необходимым содержание в уголовно-процессуальном законе института восстановления утраченного уголовного дела.

Рассмотреть и сформулировать понятие «института восстановления утраченного уголовного дела» нам помог анализ понятия «восстановительное производство как вид деятельности органов предварительного расследования».

Таким образом, мы считаем, что в науке уголовного судопроизводства имеет право на существование институт восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов. В связи с этим считаем возможным обозначить восстановление утраченного уголовного дела как уголовно-процессуальный институт, регулирующий однородные правоотношения, возникающие в процессе восстановительного производства по утраченным уголовным делам.

Примечания

1. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07. 2003 г. № 92-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2013).

2. *Ефремова Н. П.* Восстановление утраченных уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук Омск, 2001. С. 220.

3. *Миньковский Г. М.* Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М.: Юрид. лит., 1957. С. 210; *Якубович Н. А.* Окончание предварительного следствия. М.: Юрид. лит., 1962. С. 141.

4. *Баранов С. А.* Похищено уголовное дело. Что делать? // Российская юстиция. 1998. № 8.

5. *Фильченко А. П.* Восстановление утраченного уголовного дела как механизм, препятствующий прекращению правоотношения уголовной ответственности // Российский следователь. 2012. № 9. С. 27–29.

Notes

1. Federal Law "On amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian co-Federation" dated 04.07. 2003 № 92-FZ. Access from ref. legal system "Consultant Plyus" (the date of circulation: 12.09.2013).

2. *Efremova N. P.* Vosstanovlenie utrachenyyh ugovolnyh del [Recover Lost criminal cases]: dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk. 2001. 220 p.

3. *Minkovskii G. M.* Okonchanie predvaritel'nogo rassledovaniya i pravo obvinyaemogo na zashitu [Completion of the preliminary investigation and the right of the accused to benefit of counsel]. Moscow. 1957. P. 210; *Yakubovich N. A.* Okonchanie predvaritel'nogo sledstviya [Completion of the preliminary investigation]. Moscow. 1962. P. 141.

4. *Baranov S. A.* Pohisheno ugovolnoe delo. Chto delat'? [Stolen criminal case. What to do?] // Rossiiskaya yusticiya [Russian justice]. 1998. № 8.

5. *Fil'chenko A. P.* Vosstanovlenie utrachenogo ugovolnogo dela kak mehanizm, prepyatstvuyushii prekrasheniyu pravootnosheniya ugovolnoi otvetstvennosti [Restoring lost a criminal case as a mechanism to prevent the cessation of legal relations, extending criminal liability] // Rossiiskii sledovatel' [Russian interrogator]. 2012. № 9. P. 27–29.

УДК 378.033

В. З. Юсупов, С. В. Ситников, С. В. Вохмянина

Управление проектом оказания дополнительных образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд

В статье раскрыты нормативно-правовые и методологические основания управления целевым проектом дополнительного образования для обеспечения государственных и муниципальных нужд, дано представление о разработанной матрице процессов управления участием учебного заведения в контрактной системе закупок образовательных услуг

The article deals with its variety – normatively-legal and methodological foundations of target management project of additional education for state and municipal needs; an idea about the worked out matrix of management processes is given with participation of educational institution in the contract procurement system of educational services.

Ключевые слова: образовательные услуги для государственных и муниципальных нужд, системно-процессный и проектно-целевой подходы, матрица процессов управления целевым образовательным проектом.

Keywords: educational services for state and municipal needs, systemic process and project-target approaches, matrix of management processes by target educational project.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает во многом принципиально новые правовые, организационные и экономические основы образования в нашей стране. К их числу относятся отношения, которые возникают между заказчиками образовательных услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и образовательными организациями как поставщиками таких услуг.

В связи с этим актуальной для педагогической науки становится задача разработки теоретико-методологических оснований и технологии управления специфическим видом образовательных проектов, которые обозначаются термином «целевой проект» (К. С. Бажин, А. И. Богданов, И. Г. Голышев, И. А. Колесникова, Н. А. Шарай, В. З. Юсупов и др.).

Понятие «целевой» в современных нормативно-правовых документах (например, в ст. 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1]) используется для обозначения вида деятельности, выполняемого за счет ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. В таком контексте данный термин вполне применим для обозначения образовательных услуг, оказание которых финансируется из этих же источников.

Термин «образовательная услуга» до настоящего времени воспринимается в педагогической теории и практике неоднозначно. Широко распространена точка зрения, представленная, например, В. И. Загвязинским в изданном под его редакцией педагогическом словаре, где даётся следующее определение: «Образовательная услуга – это понятие, характеризующее превращение знаний, навыков и умений в рыночных условиях в товар, служащий удовлетворению тех или иных потребностей потребителей; такой подход правомерен только в экономическом аспекте, так как не отражает культурологическую суть образования» [2].

В словарях термин «услуга» (от англ. service) обозначает действие, направленное на удовлетворение определённых потребностей, под которыми понимается нужда или недостаток в

чём-либо существенном, важном для развития человеческой личности, социальной группы, общества в целом. Потребности конкретизируются, опредмечиваются в мотивах, являющихся побудителями деятельности людей. *Образовательную потребность* можно определить как обусловленное социально-культурными, профессиональными, личностно значимыми и другими детерминантами активно-деятельностное отношение личности, семьи, общества, государства к освоению человеком знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций в целях его интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития.

В законе «Об образовании в Российской Федерации» термины «образовательные услуги» и «государственные и муниципальные услуги в сфере образования» закреплены в качестве правовых категорий (ст. 35, 36, 54, 99, 101 и др.). Закон вводит правовые гарантии финансового обеспечения дополнительного профессионального образования педагогических работников. В отношении работников других сфер профессиональной деятельности, повышение квалификации и профессиональная переподготовка которых связана с обеспечением государственных и муниципальных нужд, правовые гарантии установлены соответствующими федеральными, региональными и местными нормативными правовыми актами.

Нормативную правовую основу общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, составляет Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3]. Закон определяет, что *контрактная система – это совокупность её участников и осуществляемых ими действий*, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд (ст. 3). Применительно к услугам в области дополнительного образования, в соответствии со ст. 13 этого закона, речь может идти о действиях, направленных на достижение целей и реализацию мероприятий предусмотренных документами стратегического и программно-целевого планирования (например, государственными или муниципальными программами), выполнением функций и полномочий государственных органов РФ, её субъектов, муниципальных органов и т. д.

При этом существенное значение, как показывает опыт реализации Федерального закона № 44-ФЗ, имеют *дополнительные образовательные услуги* по повышению квалификации и профессиональной переподготовки работников. Реализуемые при этом программы повышения квалификации призваны обеспечить совершенствование и (или) получение обучающимися новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации. Программы профессиональной переподготовки чаще всего направлены на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации.

Практика предоставления дополнительных образовательных услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд показывает, что функции их *поставщика* всё активнее стремятся выполнять образовательные организации высшего образования и профессиональные образовательные организации. Например, Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров), Столичная финансово-гуманитарная академия (г. Москва), Ямальский многопрофильный колледж (г. Салехард) являются активными участниками проводимых в стране конкурсов и аукционов на оказание дополнительных образовательных услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В этих образовательных организациях сформировались коллективы разработчиков и реализаторов проектов, которые обеспечивают заключение в год контрактов с заказчиками образовательных услуг на сумму до двух-трёх миллионов рублей. Результатом работы является весьма весомый вклад в выполнение такого показателя эффективности деятельности образовательных организаций, как дополнительное финансирование из внешних источников.

Постоянное расширение объёмов оказываемых названными образовательными организациями дополнительных образовательных услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд связано с тем, что формой организации этой деятельности является *проект*, представляющий собой осуществляемый в ответ на потребности конкретного заказчика названных услуг цикл продуктивной совместной деятельности его участников, обеспеченной ресурсами и ведущий в течение установленного промежутка времени к реализации поставленной цели, уровень достижения которой определяется системой измеряемых показателей.

Успешная практика участия Вятского государственного гуманитарного университета, Столичной финансово-гуманитарной академии, Ямальского многопрофильного колледжа в конкурсах и аукционах в сфере закупок услуг для государственных и муниципальных нужд опирается на

результаты исследовательской и экспериментальной работы коллективов учёных названных образовательных организаций в области управления проектами.

Накопленный общий для управления проектами любого вида теоретический багаж концентрируется в отрасли научного знания, которая носит название «Управление проектами» (Project Management), а «сокровищницу» искусства управления проектами составляет обобщение и систематизация опыта проект-менеджеров и действующих под их руководством проектных команд. При этом наука и искусство управления проектами – это интегративное новообразование, объединяющее как межпрофессиональные (надпрофессиональные) знания, полученные в результате изучения общих закономерностей, методов, средств управления любыми проектами, так и знания и опыт, отражающие специфику конкретной области профессиональной деятельности. В таком контексте наиболее «продвинутыми» являются области знаний об управлении инвестиционными, научно-исследовательскими, организационными и некоторыми другими видами проектов.

Что же касается образовательных проектов, то в педагогической науке, начиная с работ В. С. Лазарева, М. М. Поташника, П. И. Третьякова, Н. А. Шарай и др., они рассматриваются в контексте реализации программно-целевого управления развитием образовательного учреждения и концепции управления по результатам. В диссертационных работах последнего десятилетия, непосредственно посвящённых управлению образовательными проектами, предметом исследования является использование проектной технологии как средства развития образовательных учреждений, особенности управления различными видами проектов в образовании, принятие управленческих решений в образовательных проектах и т. д. (К. С. Бажин, А. И. Богданов, Н. В. Белоусова, М. В. Васильева, А. О. Горностаев, В. И. Реброва и др.). Однако педагогической науке до настоящего времени не удалось «исправить» ошибки, о которых предупреждали ещё в середине 90-х гг. прошлого века В. С. Лазарев и М. М. Поташник. Они обратили внимание, что при переносе идей проектного управления из сферы производства, где они разрабатывались и применялись, в сферу образования потеряны несколько важных общеметодологических позиций управления проектами [4].

Определённые шаги в преодолении этих недостатков предприняты в последние годы. Например, В. З. Юсуповым и А. И. Богдановым выявлены существенные характеристики и осуществлена классификация образовательных проектов по различным основаниям. Так, по источникам финансирования выделены *целевые образовательные проекты*, осуществляемые за счёт целевых бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. К числу целевых отнесены проекты оказания дополнительных образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд [5].

Необходимость выявления специфики методологических оснований управления такими проектами побудила авторов настоящей статьи к использованию *системного и процессного подхода*. Их тесная взаимосвязь в современной теории управления проектами даёт основание использовать термин *«системно-процессный подход»* для обозначения базового методологического основания управления проектом. Он методологически ориентирует исследователя и практического работника на *понимание управления проектом как совокупности процессов*, организованных управляющей подсистемой таким образом, чтобы они действовали как единое целое в достижении целей проекта в условиях неопределённости, ограничений и наличных ресурсов.

Применительно к проблематике статьи в качестве «входа» проекта оказания дополнительных образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд выступают потребности их заказчика, а «выхода» – удовлетворение этих потребностей. Сложную интегрированную природу управления такими проектами можно описать через две группы процессов, из которых она состоит, и их взаимосвязи. Первую группу составляют *процессы управления предметными областями проекта*, т. е. его содержанием, качеством, временем, ресурсами и т. д. Вторая группа – это процессы управления *содержанием продукта проекта*, что в контексте проблематики статьи означает управление измеряемыми количественными и качественными характеристиками (свойства, функции, параметры и т. д.) образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд.

Современные стандарты управления проектами дают описание от 35 до 45 процессов управления проектом, которые в своей принципиальной основе являются общими для проектов любого типа и вида. В нашей стране чаще всего применяется разработанный Институтом управления проектами (США) – PMI (Project Management Institute) «Свод знаний по управлению проектами» – РМВОК (Guide the Project Management Body of Knowledge) и вступивший в действие с 2012 г. отечественный ГОСТ Р 54869 – 2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом».

Специфика осуществления целевых проектов оказания образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд обуславливает необходимость использования в качестве методологического основания управления ими *проектно-целевой подход*, основные характеристики которого выявлены в исследованиях И. Г. Голышева [6], В. З. Юсупова [7] и др. В контексте проблематики статьи его можно охарактеризовать как общую методологию распределения ресурсов государственных и муниципальных заказчиков образовательных услуг, с одной стороны, и самих образовательных организаций как исполнителей заказов – с другой, на реализацию вполне определённых целей каждой из сторон.

Анализ авторами статьи собственного опыта управления проектами оказания образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд позволил сформировать достаточно целостное представление о наиболее важных характеристиках такого рода проектов, разработать и апробировать матрицу управления ими.

В нашем опыте *непосредственными участниками проекта* оказания услуг являются функциональные и линейные руководители образовательной организации, обладающие властными полномочиями по отношению к проекту; руководитель проекта (проект-менеджер); команда проекта как функциональная организация его главных специалистов; педагогические и другие работники, непосредственно участвующие в проведении курсов повышения квалификации; заказчик дополнительных образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд. Авторы статьи взаимодействовали с *государственными заказчиками*, действующими от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, *муниципальными заказчиками*, действующими от имени муниципального образования, а также *бюджетными учреждениями*, осуществляющими закупки за счёт субсидий, предоставляемых из средств бюджетной системы Российской Федерации.

Коммуникации проектов расширялись за счёт таких *субъектов контрактной системы* в сфере закупок услуг для государственных и муниципальных нужд, как федеральные, региональные и местные органы власти, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок; операторы электронных площадок, на которых проводятся конкурсы и аукционы, и т. д. В ходе исполнения заключённого контракта в число участников проекта с полным основанием включались обучающиеся по реализуемым программам повышения квалификации, а также те представители заказчика образовательной услуги, с которыми непосредственно контактировал руководитель проекта.

Проведённые исследования и опыт авторов статьи доказывают, что в образовательной организации высшего образования *команда целевого образовательного проекта* формируется постепенно, а эффективность её работы в решающей степени зависит от грамотно выстроенной технологии разработки и реализации проекта.

В Столичной финансово-гуманитарной академии, Вятском государственном гуманитарном университете, Ямальском многопрофильном колледже использовалась специально разработанная *матрица управления проектами* оказания дополнительных образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд. В схематическом виде она представляет собой прямоугольную таблицу, в которой в названиях столбцов по вертикали записываются процессы управления следующими предметными областями: интеграция проекта в систему деятельности образовательной организации, содержание проекта, качество проекта, стоимость проекта, время проекта, человеческие ресурсы проекта, коммуникации проекта, риски проекта, торги и заключение контрактов на оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Столбцы матрицы по горизонтали показывают последовательность этапов жизненного цикла проекта и альтернативные варианты завершения каждого из них. Опыт авторов статьи показал целесообразность выделения *четырёх этапов и их возможных результатов*: 1) определение целесообразности участия в конкурсе закупки услуг для государственных и муниципальных нужд (от начала поиска заказчиков до принятия управленческого решения об участии в процедуре закупки, да / нет); 2) участие в конкурсе (от принятия решения об участии в закупке до завершения участия в конкурсе на заключение контракта, выиграл / проиграл); 3) исполнение контракта (от заключения контракта до его исполнения, выполнил / не выполнил); 4) завершение контракта (от завершения работ до подписания акта о выполнении контракта и проведения расчётов за исполненные работы, произведены расчёты / не произведены расчёты).

На пересечении вертикальных и горизонтальных столбцов образуются ячейки, в которых обозначены процессы, демонстрирующие содержание управленческих действий, обеспечивающих эффективность процессов управления конкретной предметной областью проекта на каждом этапе его жизненного цикла. Приведём в качестве примера *перечень действий на этапе определе-*

ния целесообразности участия образовательной организации в конкурсе на заключение контракта по оказанию образовательных услуг для государственных и муниципальных нужд.

К числу действий относятся изучение извещений об осуществлении закупок услуг, сбор и анализ требований заказчиков, выбор инициируемых объектов закупок услуг, планирование содержания образовательного процесса (предметная область – управление содержанием услуги); сравнение сроков оказания услуги с графиком работ команды проекта, подготовка заключения о возможности оказания услуги в заявленные сроки, планирование графика работ по участию в процедуре закупки (предметная область – управление сроками оказания услуги); установление перечня видов и стоимости затрат, составление предварительного расчета оказания услуги с использованием рыночного сравнения цен, определение рентабельности услуги (предметная область – управление стоимостью услуги).

Всего в составленной авторами статьи матрице управления проектом оказания образовательных услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд выделены 42 процесса. Опыт Вятского государственного гуманитарного университета, Столичной финансово-гуманитарной академии, Ямальского многопрофильного колледжа убедительно показал, что использование системно-процессного и проектно-целевого подхода, а также разработанной на их основе матрицы управленческих процессов обеспечивают высокую эффективность участия образовательной организации в контрактной системе закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Примечания

1. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: минобрнауки.рф/документы/2974 (дата обращения: 17.12.2014).

2. Педагогический словарь : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / [В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, Т. А. Строкова и др.] ; под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 22.

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // URL: <http://bas.garant.ru/70353464> (дата обращения 17.12.2014).

4. Управление развитием школы / под ред. М. М. Поташника, В. С. Лазарева. М.: Нов. шк., 1995. С. 119.

5. Юсупов В. З., Богданов А. И. Принятие управленческих решений в образовательном проекте. 2-е изд. М.: СФГА, 2014. С. 39.

6. Голышев И. Г. Управление интеграцией региональных рынков труда и образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования : дис. ... д-ра пед. наук. Казань: Ин-т педагогики и психологии профессионального образования, 2012.

7. Юсупов В. З. Проектно-целевое управление дополнительным образованием в вузе // Знание. Понимание. Умение: науч. журн. Моск. гум. ун-та. 2014. № 1. С. 51–58.

Notes

1. Education in the Russian Federation. Federal Law of December 29, 2012 № 273 FZ // Ministry of Education and Science of the Russian Federation. URL: minobrnauki.rf/documents/2974 (the date of circulation: 17.12.2014).

2. Pedagogicheskii slovar' [Teaching Dictionary]: ed. V. I. Zagvyazinskiy, A. F. Zakirov. Moscow. Academy. 2008. P. 22.

3. The contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs. Federal Law of April 5, 2013 № 44 FZ // URL: <http://bas.garant.ru/70353464> (date of treatment 12.17.2014).

4. Upravlenie razvitiem shkoly [Managing the development of the school] / ed. M. M. Potashnikov, V. S. Lazarev. Moscow. 1995. P. 119.

5. Yusupov V. Z., Bogdanov A. I. Prinyatie upravlencheskih reshenii v obrazovatel'nom proekte [Management decisions in educational projects] Moscow. 2014. P. 39.

6. Golishev I. G. Upravlenie integraciei regional'nyh rynkov truda i obrazovatel'nyh uslug v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya [Management integration of regional labor markets and educational services in the field of higher education]: Dis. ... dr. ped. sciences. Kazan Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Education. 2012.

7. Yusupov V. Z. Proektno-celevoe upravlenie dopolnitel'nym obrazovaniem v vuze [Project and goals management of additional education in high school // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability] science magazine of Mosc. hum. univ. 2014. № 1. Pp. 51–58.

Классификация речевых ошибок школьников: вопрос и вариант решения

В статье сравниваются классификации речевых ошибок известных ученых-методистов В. И. Капинос, М. Р. Львова, С. Н. Цейтлин.

Данную статью можно считать актуальной, так как формирование коммуникативной компетентности является одной из важнейших задач федерального стандарта (ФГОС), одним из значимых результатов школьного обучения.

После серьезной работы по изучению соответствующей литературы делается вывод о том, что все классификации теоретически обоснованы, но новый федеральный стандарт указывает на необходимость обновления существующих идей. В данной статье предлагается новый вариант классификации речевых ошибок, который мог бы стать удобным для работы учителя в 5-м классе, а также рассматриваются наиболее типичные ошибки пятиклассников и указываются причины этих ошибок.

In this article we compare speech mistakes classifications of leading scientists in the field of methodology V. Kapinos, M. Lviv, S. Zeitlin.

This article is topical, because the formation of communicative competence is one of the most important tasks of the Federal standard, one of the most significant results of schooling.

We conducted a serious study of the relevant literature and made a conclusion that all classifications had been theoretically grounded, but the Federal standard pointed to the need to update existing ideas. In this article we suggest new version of the classification, convenient for teacher in 5th grade, describe the most typical speech mistakes, admitting by the fifth graders, and explain the reasons of these mistakes.

Ключевые слова: развитие коммуникативных умений, работа над речевыми ошибками, классификация речевых ошибок, речевая ошибка, орфоэпическая ошибка, лексическая ошибка, грамматическая ошибка, ошибка в построении текста.

Keywords: development of communication skills, work on speech mistakes, speech mistakes classification, speech mistake, orthoepic mistake, lexical mistake, grammatical mistake, text mistake.

Как справедливо отмечает С. Н. Цейтлин, «учитель, проверяющий тетрадь ученика, превращается в исследователя, вынужденного анализировать каждую [речевую. – М. Т.] ошибку» [1]. Это необходимо для того, чтобы потом объяснить каждую ошибку ученику и предупредить возможность появления подобных ошибок в дальнейшем. Таким образом, работа над речевыми ошибками (исправление и предупреждение) является важной составной частью всех уровней общей работы по развитию коммуникативных умений в школе (табл. 1).

Таблица 1

Работа по развитию коммуникативных умений в школе

Уровни работы	Группы приемов	
	Работа	Работа над речевыми ошибками
Произносительный	над ударениями	в ударениях
	над произношением	в произношении
Лексический	над словом (словарная работа)	словоупотребления в устной и письменной речи
Грамматический	над словосочетанием	в словосочетаниях
	над предложением	в построении предложений
Текстовый	над текстом	в построении текста

Известно, что первые исследования речевых ошибок начинаются в 20-е гг. прошлого века, когда появляются работы А. Н. Гвоздева (1927), Л. В. Щербы (1930), К. И. Чуковского (1928) и др. Лингвист А. Н. Гвоздев на протяжении семи лет вел наблюдения за речевым развитием своего сына (1920-е гг.) [2]. Можно сказать, что эти наблюдения легли в основу его дальнейшей научной деятельности (1961) [3]. Лингвист и педагог Л. В. Щерба составил подробную классификацию

синтаксических ошибок (вид речевых ошибок [4]) и объяснил причины возникновения конкретных ошибок при написании сочинений (1930) [5]. Позже ученый ввел понятие «отрицательного языкового материала» для обозначения «неудачных высказываний с отметкой “так не говорят”» (1974) [6]. Писатель и исследователь детской речи К. И. Чуковский не просто собрал коллекцию интересных фактов из речи ребенка, но, изучив работы К. Д. Ушинского, А. Н. Гвоздева, В. В. Виноградова и др., высказал ряд собственных серьезных лингвистических идей (с 1928 г.) [7].

Современные ученые-методисты предлагают разные классификации речевых ошибок. нас интересует вопрос: *какая классификация будет удобной для работы учителя в 5-м классе?* Рассмотрим работы таких известных ученых-методистов, как В. И. Капинос (1973) [8], М. Р. Львов (1978–1979) [9], С. Н. Цейтлин (1989) [10], сопоставим основные моменты их классификаций и постараемся ответить на этот вопрос.

В методике, в зависимости от отношения к двум основным формам речи – устной и письменной – выделяются ошибки: (1) свойственные исключительно устной форме речи; (2) свойственные исключительно письменной форме речи и (3) не зависящие от формы речи [11]. Предметом рассмотрения в работах В. И. Капинос, М. Р. Львова, С. Н. Цейтлин являются ошибки последнего типа.

В. И. Капинос подходит к «классификации ошибок и недочетов речи» с позиций языка и речи и делит такие ошибки и недочеты на языковые (или грамматические) и речевые [12].

Языковая (грамматическая) ошибка – это отклонение от различных грамматических норм (словообразовательных, морфологических, синтаксических).

Речевая ошибка (недочет) – это неправильное (ошибка) или неудачное (недочет) употребление языковых средств в речи (ошибки в словоупотреблении (семантические и стилистические) и в построении текста) [13].

В основе классификаций М. Р. Львова и С. Н. Цейтлин лежит деление ошибок на группы, соответствующие строю языка.

М. Р. Львов к числу *речевых ошибок* относит не только лексические (словарные), но и морфологические и синтаксические ошибки. К морфологическим ошибкам примыкают случаи ненормативного детского словотворчества (словообразовательные ошибки), к синтаксическим ошибкам – недочеты в структуре текста. Особую группу составляют стилистические ошибки (морфолого-стилистические, синтаксико-стилистические и лексико-стилистические) [14].

С. Н. Цейтлин термин *речевая ошибка* определяет как нарушение любых языковых норм (в том числе орфоэпических, акцентологических, орфографических и пунктуационных), поэтому ошибки, связанные с нарушением лексических, морфологических и синтаксических норм, предлагает условно называть *собственно речевыми*. «Собственно речевые» ошибки в свою очередь подразделяются на словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, стилистические. При этом «стилистические ошибки занимают особое место в этой системе, поскольку не соотносятся с определенным ярусом языка и могут проявляться в области лексики, морфологии, синтаксиса», и в работах С. Н. Цейтлин подробно не рассматриваются [15].

А теперь, когда мы рассмотрели работы В. И. Капинос, М. Р. Львова и С. Н. Цейтлин, сопоставим основные моменты их классификаций в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2

Классификации речевых ошибок

Ошибки	В. И. Капинос	М. Р. Львов	С. Н. Цейтлин
Свойственные исключительно устной форме речи			орфоэпические акцентологические
Не зависящие от формы речи	Языковые (грамматические)	Морфологические	словообразовательные морфологические
		Синтаксические	синтаксические
	Речевые	Словарные (лексические)	лексические фразеологические стилистические
Свойственные исключительно письменной форме речи			орфографические пунктуационные

Какие выводы можно сделать? Несомненно, все классификации теоретически обоснованы, но при этом не дают однозначного ответа на вопрос, поставленный в начале нашей статьи (какая классификация будет удобной для работы учителя в 5-м классе?). В. И. Капинос сужает значение термина «речевая ошибка», что является весьма спорным. М. Р. Львов ориентируется на начальную школу и, наверное, поэтому объединяет некоторые группы ошибок. С. Н. Цейтлин затрагивает проблемы онтолингвистики (раздел лингвистики, изучающий происхождение речи и детскую речь) и адресует свою классификацию не только учителям начальной и средней школы, но и логопедам [16]. Мы знаем, что новый федеральный стандарт указывает на необходимость обновления существующих идей. Очевидно, вопрос о речевых ошибках является одним из таких случаев.

Изучение существующих идей, а также собственный практический опыт позволили нам разработать такой обновленный вариант классификации речевых ошибок. Прежде всего, уточним значение термина «речевая ошибка» в нашей классификации. Наиболее убедительное определение термина «речевая ошибка» предлагается в работах С. Н. Цейтлин. Поэтому, в соответствии с определением С. Н. Цейтлин, под термином «речевая ошибка» мы понимаем нарушение любых языковых норм. Однако нарушения орфографических и пунктуационных норм не стали предметом нашего рассмотрения, поскольку эта задача определена нами как ближайшая перспектива. Таким образом, речевые ошибки (без орфографических и пунктуационных) мы разделяем на орфоэпические, лексические, грамматические и ошибки в построении текста (см. табл. 4, 5, 6, 7). Наша классификация соответствует уровням работы по развитию коммуникативных умений в школе, а значит не может не быть методически обоснованной (табл. 3).

Таблица 3

Классификация речевых ошибок в соответствии с уровнями работы по развитию коммуникативных умений в школе

Уровни работы	Группы приемов		Речевые ошибки
	Работа	Работа над ошибками	
Произносительный	над ударениями	в ударениях	орфоэпические
	над произношением	в произношении	
Лексический	над словом (словарная работа)	словоупотребления в устной и письменной речи	лексические
Грамматический	над словосочетанием	в словосочетаниях	грамматические
	над предложением	в построении предложений	
Текстовый	над текстом	в построении текста	в построении текста

Приведем конкретные примеры речевых ошибок пятиклассников из нашей педагогической практики и укажем причины этих ошибок (см. табл. 4, 5, 6, 7).

Таблица 4

Орфоэпические ошибки

	Группы ошибок	Примеры	Причины
1	Акцентологические	звонит, торты (устн., 5) [17] (правильно: звонит, торты)	Влияние диалектов и просторечия
2	Собственно орфоэпические	что, чтобы [чт] (устн., 5) (правильно: [шт])	«Орфографическое» произношение под влиянием чтения (несоответствие звукового и буквенного составов слова)
		депо [дэ], шинель [нэ] (устн., 5) (правильно: [д'и], [н'э])	Влияние диалектов и просторечия

Лексические ошибки

	Группы ошибок	Примеры	Причины
1	Лексические (нарушения требований точности словоупотребления)	Он [листок], как маяк, изда-лека маячит своим желтым светом (изл., 5) (тавтология)	Бедность синонимии, слова-ря, поспешность выбора сло-ва, «инертность словесных образований» (Н. И. Жинкин) [18]
2	Стилистические (нарушение требования коммуникатив-ной целесообразности выска-зывания)	Его гости обиделись, потому что он обозвал их подарки (изл., 5) (отрицательная оценка «дать ко-му-чему-нибудь обидное на-звание», которая не требует-ся в данном контексте)	Выбор слова, не соответст-вующего по своей стилевой окраске условиям и задачам речи

Таблица 6

Грамматические ошибки

	Группы ошибок	Примеры	Причины
1	Словообразовательные (об-разование слова по «чужой» модели)	Маленький лошаденок уже научился играть (соч., 5) (слово образовано по модели: заяц → зайчонок)	«Давление языковой систе-мы» [19], [20]
2	Морфологические (ошибки в формах имени существи-тельного, прилагательного, местоимения, детское слово-творчество)	У этих сиреней много цветов... (соч., 5) (ненормативное об-разование формы множест-венного числа собирательно-го существительного)	Тяга к конкретизации
3	Синтаксические (ошибки в структуре словосочетания, в связях управления и согласо-вания)	Когда наступил мой день ро-ждения, Мама купила шоко-ладный торт (изл., 5) (нару-шение границ предложения).	Малый объем «упреждающе-го синтеза» (Н. И. Жинкин) [21]

Таблица 7

Ошибки в построении текста

	Группы ошибок	Примеры	Причины
1	Бедность и однообразие син-таксических конструкций	На этой картине нарисованы цветы в корзине. Цветы – белые, синие и красные... (соч., 5) (предпочтение пре-дикативным отношениям: признаки предмета переда-ются с помощью сказуемого)	Малый объем «упреждающе-го синтеза» (Н. И. Жинкин)
2	Неудачное использование средств связи, неудачный порядок слов	Очевидно, в шкатулке соско-чила пружина. Она дол-го-долго играла, и мы не мог-ли ее остановить (изл., 5) (не-ясно, на какое из двух слов указывает местоимение: шкатулка или пружина?)	Слабые навыки построения предложений с местоиме-ниями
3	Нарушение видовременной соотнесенности глагольных форм	Все четыре лапки спрятаны, и только две передних бар-хатных перчаточки выгляды-вали наружу (изл., 5)	Слабые навыки в употребле-нии глагольных форм

Возможно, наш вариант классификации речевых ошибок будет решением поставленного вопроса.

Примечания

1. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: учеб. пособие. Изд. 3-е, испр. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 7.
2. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений / подгот. к печати и науч. ред. Е. С. Скобликовой. М.: УРСС (КомКнига), 2005.
3. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
4. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1988. С. 183.
5. Щерба Л. В. Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся // Русский язык в советской школе. 1930. № 3. С. 74–85. (составлено совместно с Е. Д. Герке, О. И. Козелюкиной, Н. Н. Роде и В. В. Трубицыным).
6. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
7. Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Детгиз, 1963 (Впервые опубликовано под названием «Маленькие дети» в 1928 г.).
8. Капинос В. И. Об оценке речевых навыков учащихся // Русский язык в школе. 1973. № 6; Она же. О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. М.: Просвещение, 1993. См. также написанный В. И. Капинос раздел «Культура речи» в кн.: Методика развития речи на уроках русского языка / под ред. Т. А. Ладыженской. М.: Просвещение, 1980. (Изд. 2-е – 1991.)
9. Львов М. Р. Тенденции развития речи учащихся. М., 1978–1979. Вып. 1–2. См. также написанный М. Р. Львовым раздел «Методика развития речи учащихся» в кн.: Методика обучения русскому языку в начальных классах. М., 1979.
10. Цейтлин С. Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка): дис. ...д-ра пед. наук. Л., 1989.
11. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение... С. 24.
12. Капинос В. И. Развитие речи: теория и практика обучения / В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик. 2-е изд. М.: ЛИНКА-пресс, 1994. С. 173.
13. Там же.
14. Львов М. Р., В. Г. Горецкий, Сосновская О. В. Методика преподавания русского языка в начальных классах. М.: Изд. центр «Academia», 2011. С. 427, 431.
15. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение... С. 25–26.
16. Там же. С. 7.
17. В статье приняты следующие обозначения: *устн.* – устная речь, *изл.* – изложение, *соч.* – сочинение. Цифра служит указанием класса.
18. «Инертность словесных образований» заключается в том, что употребленное слово имеет тенденцию неоднократно повторяться (Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов. М.: Известия АПН РСФСР, 1956. Вып. 78. С. 168–171).
19. «Чувство языка, или языковое чутье – это неосознанное, безотчетное умение (навык) безошибочно следовать нормам речи в области словообразования, лексики, синтаксиса, стилистики» (Федоренко Л. П. Принципы обучения русскому языку. М.: Просвещение, 1973. С. 35).
20. Детские слова «порою даже “нормальнее” наших <...>. Ребенок не виноват, что в грамматике не соблюдается строгая логика. Если бы наши слова были созданы по какому-нибудь одному прямолинейному принципу, детские предложения не казались бы нам такими забавными, они нередко “вернее” грамматики и “поправляют” ее» (Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Детгиз, 1963. С. 15, 17).
21. В механизме оперативной речевой памяти подбираются и связываются слова всегда с некоторым опережением, особенно в письменном варианте: «Как правило, должны удерживаться и упреждаться два соседних синтаксически связанных слова, далее – следующие два и так в цепи слов всего предложения. <...> Подчинительные конструкции предъявляют большие требования к короткой памяти, чем сочинительные» (Жинкин Н. И. Психологические основы развития речи // В защиту живого слова. М., 1966. С. 16). Опорами при связывании, синтезе слов в упреждении служат так называемые ключевые слова (Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов. М.: Известия АПН РСФСР. М., 1956. Вып. 78).

Notes

1. Zeitlin S. N. Rechevye oshibki i ih preduprezhdenie [Speech errors and their prevention]. Moscow. LIBROKOM. 2009. P. 7.
2. Gvozdev A. N. Ot pervykh slov do pervogo klassa: dnevnik nauchnykh nablyudenii [From the first word to the first class: Diary of scientific observations]. Moscow. URSS (KomKniga). 2005.
3. Gvozdev A. N. Voprosy izucheniya detskoj rechi [The study of children's speech]. Moscow. 1961.

4. Lvov M. R. Slovar'-spravochnik po metodike russkogo yazyka [Dictionary reference: method of Russian Language Studies] Moscow. Education. 1988. 183 p.
5. Sherba L. V. Trudnosti sintaksisa russkogo yazyka dlya russkikh uchashihsya [Difficulties syntax of the Russian language for Russian students] // Russkii yazyk v sovetskoj shkole [Russian language in Soviet schools]. 1930. № 3. P. 74–85.
6. Sherba L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenii i ob eksperimente v yazykoznanii [On the Three-fold Aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics] // Sherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. Leningrad. 1974. Pp. 24–39.
7. Chukovsky K. I. Ot dvuh do pyati [From two to five]. Moscow. Detgiz, 1963.
8. Kapinos V. I. Ob ocenke rechevykh navykov uchashihsya [An estimate of the speech skills of students] // Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 1973. № 6. Op. cit. O kriteriyah ocenki rechi i ob oshibkah, grammaticheskikh i rechevykh [On the criteria of evaluation and speech errors, grammatical and speech] // Ocenka znaniy, umeniya i navykov uchashihsya po russkomu yazyku [Evaluation of knowledge and skills of students in the Russian language]. Moscow. Education. 1993.
9. Lvov M. R. Tendentsii razvitiya rechi uchashihsya [Trends speech students]. Moscow. 1978–1979. Vol. 1-2. See. Also written by Lvov M. R. section "Methods of development of speech of pupils" in the book: Methods of teaching Russian language in primary school. Moscow. 1979.
10. Zeitlin S. N. Detskaya rech': innovatsii formoobrazovaniya i slovoobrazovaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka) [Children's speech: Innovation shaping and derivation (materials on the modern Russian language)]: Dis. ... dr. ped. sciences. Leningrad. 1989.
11. Zeitlin S. N. Speech errors and their prevention ... P. 24.
12. Kapinos V. I. Razvitiye rechi: teoriya i praktika obucheniya [Speech Development: Theory and Practice of training] / V.I. Kapinos, N. N. Sergeev, M. S. Soloveitchik. 2nd ed. Moscow: LYNKA Press. 1994. 173 p.
13. Ibid.
14. L'vov M. R., V. G. Goreckii, Sosnovskaya O. V. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v nachal'nykh klassakh [Methods of teaching Russian language in the initial-classes]. Moscow. Center «Academia». 2011. P. 427, 431.
15. Zeitlin S. N. Speech errors and their prevention ... P. 25–26.
16. Ibid. P. 7.
17. In the following notation: Oral. – Speaking, rad. – Presentation, Op. – Co-subordination. The figure is an indication of the class.
18. "Inertia verbal formations" is that the use of the word tends to be repeated many times (Zhinkin N. I. Razvitiye pis'mennoi rechi uchashihsya [Development of written speech of pupils III-VII class-ows]. Moscow. 1956. Vol. 78. P. 168–171).
19. "The feeling of the language or linguistic flair – is unconscious, instinctive ability (skill) no-mistake to follow the norms of speech in the field of word formation, vocabulary, syntax, stylistics" (Fedorenko L. P. Principy obucheniya russkomu yazyku [Principles of teaching the Russian language]. Moscow: Education, 1973. P. 35).
20. Children of the word "sometimes even" normal "our <...>. The child is not guilty, that grammatical not observed strict logic. If our words were created by what a single direct-rectilinear principle, children's utterances did not seem so funny to us, they are often "faith-it" grammar "corrected" her "(Chukovsky K. I. Ot dvuh do pyati [From two to five]. Moscow. Detgiz, 1963. Pp. 15, 17).
21. The operative mechanism verbal memory and matched words are always associated with non-ahead which, especially in written form: "As a rule, should be kept and forestall and two adjacent syntactically related word, then – and so these two words in the chain of all- On supply. <...> Subordinate structure placing greater demands on the short memory than coordinative "(Zhinkin NI Psychological bases of speech // In defense alive th word. M., 1966. S. 16). Reliance upon binding, the synthesis of the words are in anticipation of the so-called keywords (Zhinkin N. I. Razvitiye pis'mennoi rechi uchashihsya III–VII klassov [Development of written speech of pupils of classes III–VII]. Moscow. 1956. Vol. 78.

Социальное партнерство семьи и учреждения дополнительного образования детей: принципы, условия, формы

В статье обосновывается необходимость установления партнерских отношений семьи и учреждений дополнительного образования детей. Рассматриваются педагогические условия установления партнерских отношений с семьей: уважение к семье как системе; гуманизм во взаимодействии с семьей; соблюдение субъект-субъектной позиции по отношению к родителям; обеспечение эмоциональной безопасности и комфортности родителей. Характеризуются основные этапы осуществления социального партнерства: ознакомительный, диагностический, проектировочный, содержательно-практический, оценочно-рефлексивный. Предлагается механизм социального партнерства, реализуемый через следующие формы: участие родителей в образовательном процессе, психолого-педагогическая диагностика семьи, психолого-педагогическое просвещение родителей, участие родителей в управлении учреждением дополнительного образования.

The necessity of partnerships and family institutions of additional education is validating in this article. Pedagogical conditions of partnerships with a family are considered: respect for a family as a system; humanism in cooperation with the family; compliance with subject-subject attitude towards parents; providing emotional security and comfort of parents. The main stages of the implementation of social partnership are characterized: orientation, diagnostic, design, meaningful and practical, assessment and reflective. The mechanism of social partnership realized through the following forms is offered: the participation of parents in the educational process, psycho-pedagogical diagnostics of a family, psycho-pedagogical education of parents, the participation of parents in the management of the establishment of additional education.

Ключевые слова: социальное партнерство, семья, учреждение дополнительного образования.

Keywords: social partnership, the family, the institution of additional education.

Указом Президента РФ от 01.01.2012 № 761 утверждена «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», в которой объявлен безусловный приоритет семьи и семейных ценностей и выделен один из ключевых принципов политики в области детства – опора на социальное партнерство [1]. Особое значение в современных условиях приобретает партнерство родителей и учреждений дополнительного образования, основная миссия которых заключается в «наиболее полном обеспечении прав человека на развитие и свободный выбор различных видов деятельности, в которых происходит личностное и профессиональное самоопределение детей и подростков» [2]. В «Концепции развития дополнительного образования детей» (от 04.09.2014) одним из основных механизмов развития дополнительного образования называется партнерство государства, бизнеса, институтов гражданского общества и семьи. Однако в современной науке и практике малоисследованным остается вопрос социального партнерства семьи и учреждений дополнительного образования как инновационного инструмента развития образовательной среды учреждений дополнительного образования в целях мотивирования, вовлечения и поддержки всех субъектов сферы образования, в том числе детей, родителей и педагогов.

В последнее десятилетие в психологическом сообществе доминирует представление о семье как открытой системе, которая находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой. Семейная система является той естественной зоной социального взаимодействия, в которой происходит первичное обучение и воспитание ребенка, и становится отправной точкой для формирования индивидуального опыта ребенка. Таким образом, семейная система как пространство жизнедеятельности ребенка является, с одной стороны, безусловным ресурсом, в котором ребенок может черпать все многообразие человеческого опыта и взаимоотношений, а с другой стороны, при неблагоприятных условиях семейная система способна деформировать ресурсы личности ребенка, его мировосприятие и блокировать успешную самореализацию [3]. В последнее время наблюдается процесс отдаления детей от своих родителей, ослабление роли семьи в процессе воспитания детей. Особая роль в решении данной проблемы принадлежит учреждениям

дополнительного образования, которые осуществляют свою деятельность, вобрав в себя многие черты семейного воспитания, и совмещают добровольные занятия, разновозрастный характер объединений, неформальное общение между взрослыми и детьми.

Можно выделить ряд преимуществ дополнительного образования по сравнению с другими институтами формального образования: участие в образовательных программах на основе добровольного выбора детей (семей) в соответствии с их интересами, склонностями, ценностями; возможность выбора режима и темпа освоения образовательных программ; тесная связь с практикой, ориентация на создание конкретного персонального продукта и его публичную презентацию; право на пробы и ошибки, возможность выбрать себе педагога, наставника, тренера; возможность на практике применить полученные знания и навыки [4]. Дополнительное образование свободно выбирается, выстраивается каждым ребенком или подростком самостоятельно в комфортных для него формах продуктивного учения, позволяя приобретать навыки сотрудничества, неформального общения старших и младших, детей и взрослых, опыт личностного и профессионального самоопределения, сознательного самовоспитания. Кроме того, «сама сущность деятельности учреждений дополнительного образования позволяет личности посредством выбора вариативного содержания и форм организации деятельности эффективнее решать задачи развития на каждом возрастном этапе» [5]. Отсюда следует необходимость выстраивания тесных партнерских взаимоотношений между семьей и учреждением дополнительного образования, так как не вызывает сомнения, что гармоничное формирование ребенка возможно только в условиях тесного сотрудничества педагогов и родителей, и взаимоотношения образовательного учреждения с семьей, а педагога с родителями имеют одно назначение – помочь ребенку.

Социальное партнерство в широком смысле – это такая совместно распределенная деятельность социальных элементов – представителей различных социальных групп, результатом которой являются позитивные эффекты, принимаемые всеми участниками этой деятельности (А. С. Автономов, Т. И. Виноградова, М. Ф. Замятина, М. И. Либоракина, Л. С. Никонова, И. М. Ремоненко) [6].

В научной педагогической литературе существуют три основные точки зрения на проблему социального партнерства, исходя из которых, социальное партнерство понимается как

- разновидность социального взаимодействия и форма отношений (А. В. Борилов, В. Ю. Выборнов, Л. Н. Глебова, Н. С. Игнатъев и др.);
- система взаимодействий и взаимоотношений (Ю. В. Медова, Е. Г. Сафонова);
- управленческая деятельность (Е. К. Кашленко) [7].

Мы поддерживаем мнение о том, что социальное партнерство – это совместная деятельность различных социальных групп, в которой осуществляется объединение усилий для достижения общих целей на основе добровольного сотрудничества при соблюдении интересов всех сторон, взаимовыгодный обмен идеями, информацией, ресурсами, что приводит к позитивным и разделяемым всеми участниками эффектам.

Отношения между социальными партнерами строятся как отношения равноправных субъектов, основанные на осознанности, доверии, диалоге, ответственности за выполнение договоров и соглашений. Основной целью партнерства родителей и педагогов в учреждении дополнительного образования является создание воспитательного пространства для гармоничного развития детей, повышение воспитательного потенциала семьи и педагогической культуры родителей. Именно партнерство дает наибольший эффект, так как предполагает более полное, заинтересованное и долгосрочное включение в решение социально-образовательных проблем.

Выделяются следующие психолого-педагогические характеристики оптимального партнерства в образовании: взаимопонимание и удовлетворение всех субъектов образовательного процесса взаимоотношениями; преобладание позитивного настроения всех субъектов; авторитетность педагогов и родителей; участие субъектов в учебно-воспитательном процессе; сплоченность субъектов (на основе осознания значимости образовательного процесса); продуктивность взаимодействия [8].

Сущность феномена социального партнерства учреждения дополнительного образования и семьи просматривается также через характеристику принципов, на которых строится это взаимодействие. Основными принципами являются:

- принцип добровольности (свобода выбора при принятии решения об участии в деятельности);
- принцип открытости (открытость информации об условиях, формах, правилах и результатах взаимодействия);
- принцип ответственности партнеров друг перед другом;

- принцип разновыгодности от совместной деятельности (каждый участник партнерства осознает, какую пользу он получит от совместной деятельности);
- принцип законности (установление общеобязательных правил, закрепленных законодательством) [9].

Для эффективного осуществления социального партнерства учреждения дополнительного образования и семьи необходима определенная готовность партнеров взаимодействия.

Со стороны педагога дополнительного образования установление партнерских отношений с семьей возможно при соблюдении им следующих условий:

1. Уважение к семье как системе подразумевает признание судьбы этой семьи, вне зависимости от того, способствует ли она, на наш взгляд, развитию ребенка или же она его сдерживает. Уважать семейную систему – значит принимать ее такой, какая она есть, без желания переделать, не навязывать свое мнение и чувствовать границы семьи. Иногда педагоги склонны сожалеть о семейном контексте того или иного ребенка, как будто его достижения важнее его ощущения связи с семьей и лояльности по отношению к ней. Подобные оценки приводят только к напряженности в отношениях между педагогом, родителями и детьми, так как дети все равно остаются связанными со своими семьями [10]. Важно осознать, что образовательная организация не предлагает себя в качестве альтернативы жизни в родительском доме, а дополняет и обогащает ее. Родители должны понимать, что педагог не является потенциальным врагом, который хочет указать родителям на «неправильный» образ жизни или плохое воспитание детей. Уважение педагога к семье как системе позволяет ребенку без напряжения чувствовать себя спокойно и уверенно между этими двумя авторитетами и не только поддерживает авторитет родителей, но и укрепляет авторитет педагога.

2. Гуманизм во взаимодействии с семьей, что предполагает опору на положительные качества родителей и детей; осуществление действий, направленных на укрепление и повышение авторитета родителей; учет своеобразия условий жизни каждой семьи, возраста родителей, уровня подготовленности в вопросах воспитания; доверие к воспитательным возможностям родителей; недопустимость неосторожного вмешательства в жизнь семьи; опору на сильные стороны семейного воспитания, ориентацию на успешное развитие личности.

При осуществлении взаимодействия важно помнить, что каждый из родителей – личность со своими особенностями. Каким бы «отточенным» не было то или иное мероприятие, невозможно предугадать, как оно подействует на родителей, впишется ли оно в происходящий в нем в данный момент внутренний процесс и сможет быть принято, или же оно вызовет страх и побудит родителя закрыться от этой информации. У кого-то наши слова или методы могут вызвать раздражение и неприятие, кому-то станет скучно, кто-то будет постоянно думать о своих проблемах. Важно не обижаться и не воспитывать родителей, а стараться понять и уважать их состояние.

3. Соблюдение субъект-субъектной позиции по отношению к родителям, позиция «Мы», которая способствует установлению контакта и сотрудничеству: «Мы вместе помогаем детям». К сожалению, довольно часто педагог по отношению к родителю занимает позицию «сверху», поучая, угрожая, приказывая, навязывая свою точку зрения. Очень важно, чтобы педагог в процессе общения с родителями поддерживал транзакции «Взрослый – Взрослый». Отсюда – и расстановка мебели (круг или полукруг вместо рядов), и положение учителя (не стоять, а сесть), и стиль речи (не докладывать, а беседовать). Подразумевается, что любая информация может обсуждаться. У каждого из партнеров взаимодействия есть право на собственное мнение, к которому необходимо относиться с уважением. Данное условие предусматривает взаимное доверие и уважение, поддержку и помощь, ответственность по отношению друг к другу, восприятие родителей как субъектов со своими интересами, потребностями, своей позицией.

4. Обеспечение эмоциональной безопасности, так как для родителей важно осознавать, что образовательная среда для них комфортна и не способна причинить им вред. Психологически безопасной средой можно считать такую среду, в которой «большинство участников имеют положительное отношение к ней и которая характеризуется высокими показателями индексов удовлетворенности взаимодействием и защищенности от психологического насилия – неуважения, недоброжелательного отношения, неприятия, критики, публичного оскорбления, унижения достоинства, обвинений, угроз, игнорирования, изоляции, чрезмерных требований и принуждения – и психологической травмы» [11]. Особенности взаимодействия родителей и образовательных организаций таковы, что, как правило, они ассоциируются у родителей с опасностью, тревогой и чувством вины. Кроме того, родители подвержены страхам. Они боятся, что их дети неуспешны, что их не уважают, что они не умеют за себя постоять, или, наоборот, что они слишком агрессивны – и это лишь некоторые из родительских страхов. Важно понимать, что, находясь в

этих состояниях, родитель закрыт для конструктивного сотрудничества, все его душевные силы уходят на обеспечение психологических защит. Реализация этого условия требует создания спокойной, доброжелательной атмосферы, располагающей к диалогу; взаимного доверия во взаимоотношениях между педагогом и родителями; возможности обмениваться мнениями, переключиться, пошутить; учета личных проблем и затруднений родителей в воспитании детей; внимания к просьбам и предложениям со стороны родителей; создания эмоционально-положительного фона; способности к оказанию психологической поддержки.

Взаимодействие семьи и учреждений дополнительного образования будет более эффективным при соблюдении следующих педагогических условий: взаимное доверие во взаимоотношениях между педагогом и родителями; соблюдении такта, чуткости, отзывчивости по отношению к родителям; учет своеобразия условий жизни каждой семьи, возраста родителей, уровня подготовленности в вопросах воспитания; сочетание индивидуального подхода к каждой семье с организацией работы со всеми группами родителей; взаимосвязь разных форм работы с родителями; обеспечение в работе с родителями определенной последовательности [12].

Можно выделить следующие этапы процесса осуществления социального партнерства учреждения дополнительного образования детей и семьи:

Первый этап – ознакомительный, цель которого заключается в формировании у родителей культуры принадлежности к образовательному пространству их детей. На данном этапе осуществляется:

- знакомство родителей с историей и традициями учреждения, достижениями обучающихся, с уставом и правилами поведения;
- знакомство с планом воспитательной работы, с администрацией и педагогическим коллективом;
- посещение открытых занятий;
- экскурсии родителей по образовательному учреждению.

Второй этап – диагностический. Цель данного этапа – изучение особенностей семей и семейного воспитания, интересов и потребностей родителей. На данном этапе проводится анкетирование родителей, беседы, анализ совместных продуктов деятельности детей и родителей, наблюдение за общением детей и родителей.

Третий этап – проектировочный. Цель этапа – постановка партнерами взаимодействия целей и задач, определение содержания совместной деятельности.

Четвертый этап – содержательно-практический, в ходе которого осуществляется реализация намеченных задач.

Пятый этап – оценочно-рефлексивный, когда происходит подведение итогов взаимодействия, оценка его результативности, планирование стратегии дальнейшего сотрудничества.

Опираясь на представленные принципы и условия взаимодействия семьи и учреждений дополнительного образования, мы разработали механизм социального партнерства, реализуемый через следующие формы:

1. Участие родителей непосредственно в образовательной деятельности:

- проведение родительских собраний, направленных на знакомство родителей с учебно-воспитательным процессом учреждения дополнительного образования, задачами и итогами деятельности;
- организация выставки совместных работ родителей и детей;
- участие родителей в организации кружков, секций, клубов;
- подготовка совместных мероприятий, написание сценариев, участие в конкурсах;
- создание условий для принятия совместных решений по организации мероприятий и участию в них родителей;
- знакомство родителей с образовательным учреждением, позволяющее понять проблемы, в решении которых требуется их участие;
- проведение совместных экскурсий, походов, поездок, посещений театров и музеев;
- создание образовательных проектов совместно с семьей на основе выявления потребностей и поддержки образовательных инициатив семьи.

2. Психолого-педагогическая диагностика семьи (предварительная, оперативная и итоговая).

Предварительная диагностика проводится при подготовке:

- родительских собраний;
- тематических и индивидуальных консультаций;
- массовых мероприятий;
- организации поездок и экскурсий.

Оперативная диагностика имеет место:

- в конфликтной ситуации между родителями и детьми;
- при подготовке к беседам;
- в решении проблемных ситуаций, которые возникают между детьми.

Итоговая диагностика осуществляется:

- в конце учебного года;
- по результатам участия в мероприятиях, фестивалях, конкурсах [13].

3. Психолого-педагогическое просвещение родителей:

– родительские собрания в форме педагогических студий, совместных встреч, тематических консультаций, направленные на обсуждение с родителями наиболее актуальных вопросов воспитания детей в семье;

– психолого-педагогический лекторий с приглашением специалистов различного профиля (педагогов, психологов, медиков, деятелей культуры и науки, юристов);

– родительские конференции, посвященные обмену опытом семейного воспитания;

– читательские конференции;

– тренинги детско-родительских отношений;

– вечера вопросов и ответов;

– круглые столы по обсуждению проблемных ситуаций семейного воспитания;

– индивидуальные консультации для родителей по вопросам воспитания и эффективного взаимодействия со своими детьми;

– беседы с родителями;

– родительские клубы с привлечением специалистов, просмотром видеоматериалов, встреч с родителями детей, переживших различные проблемы;

– организация психолого-педагогической библиотеки для родителей.

4. Активное участие родителей в управлении учреждением дополнительного образования:

– советы родительской общественности;

– организация попечительских советов;

– общественная экспертиза деятельности учреждения дополнительного образования (как совместная деятельность всех субъектов образовательного процесса);

– деятельность методических объединений педагогов и детей с привлечением родителей.

Готовность родителей к партнерству включает следующие позиции: положительное отношение к учреждению дополнительного образования, желание принимать участие в совместной деятельности; заинтересованность в качестве и результатах образования; способность адекватно оценивать свой потенциал, осуществлять диалоговое общение с педагогами; видение своей роли во взаимодействии с образовательным учреждением [14].

Таким образом, партнерский уровень отношений между семьей и учреждением дополнительного образования можно определить как готовность к реализации совместных действий, согласованность целей и задач деятельности, совместную ответственность за результаты деятельности и желание каждого из партнеров взаимодействия внести свой вклад в общую деятельность. Результатом партнерского взаимодействия семьи и учреждения дополнительного образования является усиление их образовательно-воспитательного потенциала.

Примечания

1. «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (извлечения) // Социальная педагогика. 2013. № 2. С. 5–15.

2. Концепция развития дополнительного образования детей. URL: <http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf>

3. Коваленко Н. П. Семья как система в психолого-педагогических исследованиях URL: <http://www.spiritoftime.ru/psychology/52-2011-10-26-20-05-25.html>

4. См.: Концепция развития дополнительного образования детей.

5. Симонова Г. И. Тенденции развития системы дополнительного образования // Дополнительное образование школьников: традиции и тенденции развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 мая 2013 г. / под ред. Г. И. Симоновой. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 8.

6. Исамулаева Ю. А. Социальное партнерство академических групп как средство формирования коммуникативных умений студентов: дис. ... канд. пед. наук / Ю. А. Исамулаева. Киров, 2012. С. 54–56.

7. Тимшин А. Б. Теоретические основы социального партнерства в профессиональном образовании // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(1). С. 145–148.

8. Недвецкая М. Н. Классному руководителю об организации взаимодействия школы и семьи: метод. пособие. М.: УЦ Перспектива, 2009. С. 88.

9. См.: *Исамулаева Ю. А.* Указ. соч. С. 50.
10. *Франке-Грихи М.* Ты с нами!: Системные взгляды и решения для учителей, учеников и родителей. М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2012. С. 17.
11. *Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А. А. Реана.* М.: АСТ, 2010. С. 335–336.
12. *Никитина Е. Л.* Формы и методы взаимодействия с семьей в учреждениях дополнительного образования // *Дополнительное образование школьников: традиции и тенденции развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 мая 2013 г. / под ред. Г. И. Симоновой.* Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 7–10.
13. *Еманова С. В., Казанцева Е. А., Шибяева В. Л.* Взаимодействие педагогов и родителей в учреждении дополнительного образования детей // *Внешкольник.* 2009. № 1. С. 28–32.
14. *Гаврилычева Г. Ф.* Социальное партнерство семьи и школы // *Начальная школа.* 2013. № 12. С. 36–42.

Notes

1. "National Strategy of Action for Children 2012-2017" (Extract) // *Social pedagogy.* 2013. № 2. Pp. 5–15.
2. The concept of additional education of children. URL: <http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf>
3. *Kovalenko N. P.* *Koncepciya razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya detei [Family as a system of psycho pedagogical researches]* URL: <http://www.spiritoftime.su/ru/psychology/52> 2011 October 26 20 May 25.html
4. See .: The concept of additional education of children.
5. *Simonova G. I.* *Tendencii razvitiya sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya [Trends supplementary education system]* // *Dopolnitel'noe obrazovanie shkol'nikov: tradicii i tendencii razvitiya [The complementary school education: traditions and tendencies of development]: Conf. 21–22 May 2013 / edited. G. I. Simonova.* Киров: Publishing in VyatGGU, 2013. P. 8.
6. *Isamulaeva Y. A.* *Social'noe partnerstvo akademicheskikh grupp kak sredstvo formirovaniya kommunikativnykh umenii studentov [Social partnership as a means of academic groups formation of communicative abilities of students]: Thesis. ... cand. ped. science / Y. A. Isamulaeva.* Киров. 2012. P. 54–56.
7. *Timshin A. B.* *Teoreticheskie osnovy social'nogo partnerstva v professional'nom obrazovanii [Theoretical basis of social partnership in vocational education]* // *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University.* 2012. № 1 (1). Pp. 145–148.
8. *Nedvetskaya M. N.* *Klassnomu rukovoditelyu ob organizacii vzaimodeistviya shkoly i sem'i [Student leaders about the organization of interaction of school and family]: method. book.* Moscow. 2009. P. 88.
9. See *Isamulaeva Y. A.* Op. cit. P. 50.
10. *Franke-Griks M.* *Ty s nami!: Sistemnye vzglyady i resheniya dlya uchitelei, uchenikov i roditelei [You are wit us: System views and solutions for teachers, students and parents].* Moscow. 2012. P. 17.
11. *Family: psychology, education, social work / ed. A. A. Reana.* Moscow: AST. 2010. P. 335–336.
12. *Nikitina E. L.* *Formy i metody vzaimodeistviya s sem'ei v uchrezhdeniyah dopolnitel'nogo obrazovaniya [Forms and methods of interaction with the family in the Add-enforcement institutions of education]* // *Additional education of schoolboys: the traditions and trends development: scientific and practical. conf. 21–22 May 2013 / edited. G. I. Simonova.* Киров: Publishing in VyatGGU, 2013. P. 7-10.
13. *Emanova S. V., Kazanceva E. A., Shibaeva V. L.* *Vzaimodeistvie pedagogov i roditelei v uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovaniya detei [Interaction of teachers and parents in the establishment of an additional education of children]* // *Vneshkolnik.* 2009. № 1. Pp. 28–32.
14. *Gavrilycheva G. F.* *Social'noe partnerstvo sem'i i shkoly [Social partnership between home and school]* // *Elementary School.* 2013. № 12. P. 36–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДАЛЬКАРЕМ Набель Джамель – аспирант кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета. 394006, г. Воронеж, пл. Университетская, д. 1.
E-mail: nabil_jamil2003@yahoo.com

АРТЕМЬЕВ Николай Семенович – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии Федеральной службы исполнения наказаний. 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: aru-kiopp@yandex.ru

БЕЛЬКОВ Антон Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева. 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28.
E-mail: kemerovo_text@mail.ru

БУРЧИХИН Антон Николаевич – начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений, кандидат юридических наук, майор внутренней службы Академии Федеральной службы исполнения наказаний. 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: aru-kiopp@yandex.ru

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: vecht@mail.ru

ВОХМЯНИНА Светлана Васильевна – аспирант кафедры педагогики и педагогической психологии Столичной финансово-гуманитарной академии. 115088, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 15.
E-mail: cwetulek@mail.ru

ГАШЕВА Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры, 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.
E-mail: gascheva2010@yandex.ru

ДЮКИН Сергей Габдульсаматович – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.
E-mail: dudas75@mail.ru,

ИЛЬЧЕНКО Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

КАСАТКИНА Ольга Алексеевна – зав. кафедрой романо-германской филологии Московского государственного областного гуманитарного института. 142612, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22.
E-mail: olga_kasatkina49@mail.ru

КЛАБУКОВА Юлия Валерьевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: juliya.korolyok2011@yandex.ru

КОРЕПАНОВ Александр Сергеевич – студент института истории и культуры ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КОЧЕШКОВ Геннадий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, зав. кафедрой отечественной истории. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.
E-mail: kocheshg@mail.ru

МАЛАХОВА Наталия Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социальные технологии» Ростовского государственного университета путей сообщения. 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения д. 2.
E-mail: vmalakh@yandex.ru

МЕЩЕРЯКОВА Оксана Александровна – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России. 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: oksanaalexsandrovna@mail.ru

НИКИТИНА Екатерина Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ОРЛОВ Михаил Александрович – старший преподаватель кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, главный архивист Государственного архива Кемеровской области. 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28.
E-mail: orlov_m_a@mail.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПАВЛЮЧЕНКОВ Николай Николаевич – доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 115184, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 2/5, стр. 2.
E-mail: npavl905@mail.ru

ПЕПЕЛЯЕВА София Валерьевна – магистр факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

ПОРШНЕВА Алиса Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: alice-porshneva@yandex.ru

САМОЙЛОВА Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: samoilova.i@mail.ru

СИТНИКОВ Сергей Владимирович – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, директор центра дополнительного образования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: s55serg@mail.ru

СОЛОВЬЕВА Ирина Абрамовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ТАРАСОВА Айзиряк Наилева – ассистент кафедры английской филологии Казанского федерального университета. 423604, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.
E-mail: Tarasova.aiza@yandex.ru

ТИТКОВА Мария Юрьевна – аспирант кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корпус 2.
E-mail: titkovamarija@mail.ru

ФУКАЛОВ Антон Вячеславович – аспирант кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: antos.filosof@mail.ru

ЧЕРНИГОВСКИЙ Дмитрий Николаевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ШАРАБАРОВ Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЮСУПОВ Виталий Зуфарович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии, проректор Столичной финансово-гуманитарной академии. 115088, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 15.
E-mail: uvz2@sfga.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABDALKAREM Nabeul Jamel – graduate student of Slavic Philology, Voronezh State University. 1, Universitskaya sq., Voronezh, 394006.
E-mail: nabil_jamil2003@yahoo.com

ARTEMIEV Nikolai Semenovich – Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of Criminology and the organization of crime prevention Academy of the Federal Penitentiary Service. 1, Sennaya Str., Ryazan, 390036.
E-mail: apu-kiopp@yandex.ru

BEL'KOV Anton Valeryevich – candidate of History, associate professor of the department of sociology, political relations and law of T. F. Gorbachev Kuzbass state technical university. 28, Vesennyyaya Str., Kemerovo, 650000.
E-mail: kemerovo_text@mail.ru

BURCHIHIN Anton Nikolaevich – Head of the Department of Criminology and the organization of crime prevention, PhD, major of internal service of the Academy of the Federal Penitentiary Service. 1, Sennaya Str., Ryazan, 390036.
E-mail: apu-kiopp@yandex.ru

VECHTOMOV Eugeny Mikhailovich – Doctor of physical and mathematical sciences, professor, head of fundamental mathematics and computer chair of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: vecht@mail.ru

VOKHMYANINA Svetlana Vasilievna – postgraduate student of the Department of Pedagogy and Educational Psychology of the Metropolitan financial and humanitarian academy. 15, Sharikopodshipnikovskaya Str., Moscow 115088.
E-mail: cwetulek@mail.ru

GASHEVA Natalia Nikolaevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Cultural Perm State Academy of Art and Culture. 18, Gazety "Zvezda" Str., Perm, 614000.
E-mail: gascheva2010@yandex.ru

DYUKIN Sergey Gabdulsamatovich – Ph.D., associate professor of Cultural Studies of the Perm State Academy of Art and Culture. 18, Gazety "Zvezda" Str., Perm, 614000. 18.
E-mail: dudas75@mail.ru

ILCHENKO Natalya Mikhailovna – Doctor of Philology, professor, Head of The Chair of Russian and foreign philology of Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1, Ulianov Str., Nizhny Novgorod, Russia 603950.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

KASATKINA Olga Alexeevna – Head of the Department of Romance and Germanic Philology of Moscow State Regional Humanitarian Institute. 142612, Moscow region, Orekhovo-Str. Green, d. 22.
E-mail: olga_kasatkina49@mail.ru

KLABUKOVA Yulia Valerievna – graduate student of Russian and foreign literature of philological faculty of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: juliya.korolyok2011@yandex.ru

KOREPANOV Alexander Sergeevich – student of the Institute of History and Culture of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

KOCHESHKOV Gennady Nikolaevich – doctor of historical sciences, professor of Yaroslavl State Pedagogical University of K. D. Ushinskiy, Head of the department of national history. 108, Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000.
E-mail: kocheshg@mail.ru

MALAKHOVA Natalia Nikolaevna – PhD, associate professor, assistant professor of "Social Technologies" in Rostov State University of Railways. 2, Rostovskogo strelkovogo polka narodnogo opolchenia sq., Rostov-on-Don, 344038.
E-mail: vmalakh@yandex.ru

MESHCHERYAKOVA Oksana Alexandrovna – postgraduate student of the Criminal Procedure Department of Saint-Petersburg University of MIA of Russia. 1, Pilot Pilyutov Str., Saint-Petersburg, 198206.
E-mail: oksanaaleksandrovna@mail.ru

NIKITINA Ekaterina Leonidovna – Ph.D., assistant professor of pedagogy of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ORLOV Mikhail Alexandrovich – senior teacher of the department of domestic history, theory and history of culture of T. F. Gorbachev Kuzbass state technical university senior archivist of State archives of Kemerovo region. 3A, Lenin av., Kemerovo, 650000.
E-mail: orlov_m_a@mail.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – Dr. of Philology, professor of the Department of Culturology and Advertisement of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

PAVLYUCHENKOV Nikolai Nikolaevich – Associate Professor Saint Tikhon's Orthodox University. 2, 2/5, Bakhrushin st., Moscow, 115184.
E-mail: npavl905@mail.ru

PEPELYAEVA Sophia Valeryevna – Magister of department of human sciences of Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1, Ulianov Str., Nizhny Novgorod, Russia 603950.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

PORSHNEVA Alice Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages of the Ural Federal University of First President of Russia Boris Yeltsin. 19, Mira Str., Ekaterinburg 620002.
E-mail: alice-porshneva@yandex.ru

SAMOILOVA Irina Valeryevna – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Stylistics of Perm State National Research University. 15, Bukireva Str., Perm, 614990.
E-mail: samoilova.i@mail.ru

SITNIKOV Sergey Vladimirovich – candidate of geographical sciences, associate professor of social and cultural service and tourism of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: s55serg@mail.ru

SOLOVYOVA Irina Abramovna – candidate of historical sciences, associate professor of Russian history of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SUDOVIKOV Mikhail Sergeyeovich – the doctor of historical sciences, head of the department of national history of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

TARASOVA Ayziryak Naileva – graduate student, assistant of the Department of English Philology of Kazan Federal University. 89, Kazanskaya Str., Elabuga, 423604.
E-mail: Tarasova.aiza@yandex.ru

TITKOVA Maria Yurevna – graduate student of Applied Linguistics and Teaching Technologies in the Humanities Institute of Philology of the Moscow City Pedagogical University. 4/2, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226.
E-mail: titkovamarija@mail.ru

FUKALOV Anton Vyacheslavovich – postgraduate student of the Department of Philosophy of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str., Kirov, 610002.
E-mail: antos.filosof@mail.ru

CHERNIGOVSKIY Dmitri Nikolaevich – the doctor of Philology, Associate Professor of Russian and foreign literature of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

SHARABAROV Pavel Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Native History of VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya Str. Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

YUSUPOV Vitaliy Zufarovich – Doctor of Education, professor of pedagogy and educational psychology, prorektor of the Metropolitan financial and humanitarian academy. 15, Sharikopodshipnikovskaya Str., Moscow 115088.
E-mail: uvz2@sfga.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 4 (2015)

Подписано в печать 31.03.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000. Заказ № 68.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390